ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛ. ПРАВА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГК721
С657

МАТЕРИАЛЫ СОВЕЩАНИЯ ЮРИСКОНСУЛЬТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

ГК721
В825

ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРАВА

Проблема промышленного кодекса. Тресты. Синдикаты. Акционирование. Возникновение юридических лиц. Порядок ликвидации госпредприятий. Отчуждение государств. промышленного имущества. Подряды и поставки. Торговая комиссия.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ ВСНХ СССР
МОСКВА — 1925 — ЛЕНИНГРАД

РЕПОЗИТАРИЙ ГГУ 2008

МАТЕРИАЛЫ СОВЕЩАНИЯ ЮРИСКОНСУЛЬТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ 17-22 МАЯ 1925 г.

ВОПРОСЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРАВА

1 Проблема промышленного кодекса.
Тресты. Синдикаты. Акционирование.
Возникновение юридических лиц.
Порядок ликвидации госпредприятий.
Отчуждение государств. промышленного имущества.
Подряды и поставки. Торговая комиссия.

ИЗДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ И ПЕЧАТИ ВСНХ СССР.
Москва 1925

К. 85
П
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008
ГК721
В825 Р
Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
25785
25785

(Главлит № 45190)—г. Москва. Тираж 4000 экз.

Тип. Авиоиздательства, Улица Разина, 5.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие 3
Вступительное слово Члена Президиума ВСНХ **Г. И. Ломова** . 5
Современное состояние законодательства о промышленности и проблема составления общесоюзного промышленного кодекса. **А. А. Шнеерова**. . . . 7
Прения по докладу и резолюция 16
Применение декрета о трестах: доклады **С. Г. Крупнова, М. Л. Сухаревского и А. М. Шахназарова**. . . 29
Прения по докладам и резолюция 42
Правовое оформление синдикатов. **А. А. Шнеерова** . . . 67
Современная практика внутренних синдикатско-трестовских отношений. **Н. Г. Шкляра** 75
Прения по докладам и резолюция. 80
Акционирование. **Л. А. Виноградова и В. Н. Шретера** . . 90
Прения по докладам и резолюция 114
Возникновение и правоспособность юридических лиц в области госпромышленности и торговли. **Л. И. Поволоцкого** 129
Прения по докладу и резолюция 138
Порядок ликвидации государственных промпредприятий. **М. С. Венецианова**. 148
Прения по докладу и резолюция 155
Отчуждение государственнного промышленного имущества. **Я. В. Ливенсона и В. Л. Белостоцкого**. . . . 164
Резолюция 175
Подряды и поставки в практике госорганов. **С. И. Вильнянского**. 176
Прения по докладу и резолюция 183
Договор торговой комиссии. **Н. А. Крюкова и П. С. Эйбушитца**. 188
Прения по докладу и резолюция 197
Приложение: Ориентировочный план Промышленного Кодекса 201

С 17 по 22 мая 1925 г. в Москве происходили заседания первого общесоюзного Совещания юрисконсультов госпромышленности. Как первое Совещание такого рода, оно представляет значительный интерес и по кругу вопросов, рассмотренных на нем, и по принятым резолюциям.

Последствиями Совещания, уже нашедшими свое нормативное выражение, являются Положение о юрисконсультах госпредприятий, введенное в действие приказом по ВСНХ от 27 июня 1925 г. за № 955, Положение о бюро юрисконсультов, об'явленное приказом по ВСНХ от 1 августа т. г. за № 1085 и, наконец, внесенный ВСНХ в СНК СССР законопроект о пересмотре Положения о государственных подрядах и поставках.

Не все выводы Совещания проведены уже в жизнь в конкретных законченных формах, но, несомненно, они окажут влияние на ход дальнейших работ по многим вопросам промышленного права.

В соответствии с высказанным в Совещании пожеланием, группа сотрудников Правового отдела ВСНХ, участников Совещания, подготовила издание трудов Совещания. В силу технических условий, пришлось ограничить издание докладами, которые имеют непосредственное отношение к промышленному праву, значительно сократив прения по ним.

Вступительное слово Члена Президиума ВСНХ СССР Г. И. Ломова.

Товарищи, разрешите мне от имени Президиума ВСНХ приветствовать настоящее Совещание, которому Президиум ВСНХ придает большое значение. В первый период нашей революц ии ее творчество шло таким путем, который очень часто ошеломляет юристов. В это время мы часто издавали декреты даже по существу далеко не в точной формулировке, издавали декреты, как определенную линию, опираясь на творчество самой массы и уже затем вносили в них те или иные изменения. Так закреплялись нормы в жизнь. По существу дела в этот момент мы не имели точно очерченных нормировок. Мы не имели точных законов. Но и во второй период нэпа мы также чрезвычайно осторожно подходили к юридическому оформлению и закреплению тех изменений, которые произошли в жизни. Только тогда, когда революция постепенно отстоялась, когда уже выявились более или менее ясно очерченные, сложившиеся устои в нашей революционной жизни, и в нашем хозяйстве, и в торговом обороте, только тогда уже явилась необходимость тщательно искать юридической формулировки, давать точное изображение того, что совершилось и произошло в жизни. Поэтому, именно теперь,—и это не случайность,—мы все больше и больше выдвигаем на сцену юристов и прислушиваемся к их голосу, требуя большей ясности во всех тех нормах, которые выдвигает жизнь, ставит Совнарком, дает ВСНХ и т. д. Между тем, если присмотреться, мы видим очень часто, что и сейчас иногда нам приходится сталкиваться с такой формулировкой и с такими понятиями, которые дают величайший простор для широкого толкования и для кривотолков. Основные вопросы, которые сейчас интересуют наших хозяйственников, например, вопросы о положении трестов и синдикатов и пр.,—все это нуждается в более ясной проработке. Юрист в настоящее время выдвигается на более почетное место. Его роль, его значение все возрастают в нашей жизни. Поэтому, товарищи, не случайно, что теперь мы собрались, и не случайно то, что мы ставим те

основные вопросы, которые у нас находятся в повестке дня. Мы считаем, что такие совещания не должны носить характер случайного, а должны иметь свое продолжение и происходить периодически, чтобы мысль юристов-хозяйственников так или иначе продолжала работать. Наши совещания должны связать всю массу наших юрисконсультов и юристов, работающих в области хозяйственных предприятий, и дать известное единообразие в толкованиях закона и общее направление юридической мысли товарищей, работающих по всему СССР.

Приветствуя, товарищи, Совещание и желая ему плодотворной работы, я надеюсь, что мы в своей работе докажем всем не только юристам, но и хозяйственникам, что к голосу юристов надлежит прислушиваться гораздо чаще, что этот голос должен быть учтен, как голос авторитетный, и что в настоящее время значение юридической мысли в наших хозяйственных об'единениях должно возрастать весьма и весьма значительно. Я убежден, что наше Совещание даст целый ряд тому доказательств и что оно поможет Президиуму ВСНХ и всем нашим хозяйственным организациям работать с большим успехом. Мне кажется, кроме того, что нам удастся создать такую деловую атмосферу, при которой мы, будучи спаяны на этом нашем Совещании, сумеем продолжать плодотворную, периодическую работу на дальнейших наших конференциях, стараясь прорабатывать и выдвигать вопросы, которые имеют громадное юридическое значение, и которые в то же время имеют громадную хозяйственную важность.

Приветствуя Совещание я желаю ему плодотворной работы и уверен в том, что юридическая мысль займет более видное место в нашей хозяйственной жизни, чем она долгое время занимала, и убежден, что работы этого Совещания вольют новую струю в работу нашей хозяйственной жизни (продолжительные аплодисменты).

Современное состояние законодательства о промышленности и проблема составления общесоюзного промышленного кодекса.

Доклад **А. А. Шнеерова.**

Первый вопрос, который Организационное Бюро решило предложить вниманию Совещания, это—вопрос о современном состоянии законодательства о промышленности и о проблеме составления общесоюзного промышленного кодекса. Вопрос большой сложности и, естественно, на нем должно быть сосредоточено наибольшее внимание. Всем товарищам, работающим в госпредприятиях, ясно, что наше промышленное законодательство страдает серьезными формальными дефектами. Ясно также, что эти формальные недостатки являются большим препятствием в практической деятельности. Но для того, чтобы сгладить и уничтожить эти формальные недочеты надлежит либо произвести работу по систематизации законодательства, либо приступить к составлению промышленного кодекса. Какой же из этих двух способов следует избрать.

Чтобы подойти к разрешению этого вопроса, мы воспользуемся следующим методом.

Во-первых, попытаемся дать общий обзор законодательства о промышленности и сделать ряд заключений из этого обзора. Кроме того, мы располагаем практической работой, проделанной Правовым Отделом ВСНХ, в области систематизации. Ознакомившись с итогами этой работы и сопоставив их с теми заключениями, которые надлежит вывести из обзора законодательства, можно сделать и соответствующие выводы: следует ли ограничиться систематизацией законодательства или необходимо и своевременно поставить разрешение проблемы о составлении промышленного кодекса, и если своевременно, то в каком направлении вести эту работу.

К общему обзору законодательства я раньше всего и перехожу. Я должен оговориться, что я не смогу дать исчерпывающего обзора законодательства. Я остановлюсь только на наибо-

лее кардинальных моментах, на тех двух этапах, которые прошло промышленное законодательство, начиная с 17 года по настоящее время. Первый период охватывает законодательные акты, изданные с октября 17 года до провозглашения начал новой экономической политики; второй—после провозглашения начал новой экономической политики. Такое деление соответствует тем крупнейшим этапам, через которые прошло народное хозяйство. Право отражает экономику, и естественно, что установление этих двух моментов в развитии промышленного законодательства раньше всего напрашивается, когда приходится давать его общий обзор. Однако, было бы недостаточно ограничиться только таким подразделением. Необходимо ввести еще и формальный момент. Необходимо отметить, что с учреждения Союза наше законодательство восполняется целым рядом актов, идущих от союзных органов. Этот формальный момент имеет то значение, что он знаменует изменение самой системы законодательства, переход от законодательства отдельных республик к общесоюзному законодательству.

Первый период—с октября 17 года до провозглашения начал новой экономической политики—шел под знаком овладения государством промышленностью, установления общих принципов организации промышленности, установления начал централизованного руководства ею, госснабжения и строгого планового распределения продукции, а также, как вытекающего отсюда, прекращения частного производства и вольного рынка. Вот основные задачи, которые выдвигались экономикой того времени и которые должны были найти себе соответствующее правовое отражение. И действительно, первый период характеризуется преобладанием декретов о национализации отдельных отраслей промышленности, о способах управления национализированными предприятиями, о нормировке цен на сырье, продукты и т. д. Надо сказать, что этот весьма обильный законодательный материал рассеян не только в многочисленных актах, исходящих от законодательных органов, но и в распоряжениях отдельных ведомств, в инструкциях, циркулярах и проч. Какой-либо единой законодательной системы в этот период времени, мы не наблюдаем. Мы имеем здесь чрезвычайно пеструю картину разнообразнейших законодательных форм.

Большинство из актов этого периода уже отмерло, большинство было реализовано полностью, целиком. Так, закон от 28 июля 1918 г.— о национализации крупной промышленности— и закон от 29 ноября 1920 г.—о национализации мелких предприятий—использованы государством полностью. Но большинство законов этого периода дальнейший этап нашего экономического развития, этап, связанный с моментом провозглашения новой экономической политики, совершенно отмел. Он сделал их ненужными, непригодными. Но надо сказать, что и в настоящее время формальной отмены этих законов, которые оказались в полном

противоречии с политикой нэп'а, не последовало, и мы имеем груду мертвого законодательного материала, до сих пор как бы действующего.

Обратимся к дальнейшему периоду, периоду, связанному с провозглашением нэп'а. Самыми крупными актами этого периода, актами, из которых вытекала вся новая экономическая политика и которые послужили краеугольным камнем, на котором вырос государственный капитализм, являются наказ Совнаркома о проведении в жизнь начал новой экономической политики и Постановление СТО о мерах восстановления крупной промышленности. Эти два акта на столько существенны и важны, что на них следует остановиться.

Позвольте напомнить некоторые места из Наказа Совнаркома, например, пункт 4-й этого Наказа, который гласит следующее: „Государство в лице ВСНХ и его местные органы сосредоточивают в своем непосредственном управлении отдельные отрасли производства и определенное число крупных или почему-либо с государственной точки зрения важных, а также подсобных к ним предприятий, взаимно дополняющих друг друга. Эти предприятия ведутся на началах точного хозяйственного расчета. Пуск и ведение ВСНХ и его местными органами предприятий допустимы лишь в тех пределах, в которых, согласно общегосударственного плана, означенные предприятия будут обеспечены материальными, продовольственными и денежными ресурсами, как из общегосударственных органов, так и других источников (самозаготовка, вольный рынок и т. д.)".

Дальше говорится о том, что в целях, указанных выше, госпредприятиям предоставляется право реализовать часть продукции. Таким образом, Наказ Совнаркома включает основные положения, которые определили всю систему нашего трестовского хозяйства. Но значение Наказа не исчерпывается только этим. В нем далее говорится о мелкой кустарной и о кооперативной промышленности, и даются общие указания относительно ведения арендной политики.

Постановление СТО о мерах к восстановлению крупной промышленности являлось дальнейшим развитием этого акта. Постановление устанавливает правила перевода предприятий на хозрасчет, определяет те взаимоотношения, какие должны существовать между ними и соответствующим органом, их выделяющим. Кроме того, в основных положениях мы находим еще один существенный момент. В нем впервые формулированы те начала, которые положены в основу нашего синдикатского строительства. Именно, в прим. к ст. 4 постановления СТО говорится, что для наибольшего достижения хозяйственных мероприятий, предприятиям и группам предприятий не только однородной отрасли промышленности, но и различных производств, предоставляется право об'единения по вопросам заготовок топлива, продовольствия, материалов, обработки совхозов и т. п.

Подводя общий итог законодательству этого времени этими крупнейшими законодательными актами, можно сказать, что в этот период были заложены начала государственного капитализма, был провозглашен принцип хозрасчета, принцип, по которому госпредприятия являются суб'ектами частного оборота и входят в отношения друг с другом и в отношения с частными третьими лицами, контрагентами, как частно-правовые организации, а не как публично-правовые. Эта самая существенная черта, характеризующая государственный капитализм, в актах этого периода была выражена очень определенно.

Естественно, что звконодательство этого периода должно было войти в противоречие со всеми теми законодательными актами, которые были изданы до этого времени. И мы видим, что в дальнейшем начинается эпоха изживания идей государственного строительства, относящихся к первому периоду. Внедрение в государственное хозяйство начал хозрасчета продолжалось и особенно усилилось с момента утверждения Союза. Но и в настоящий момент этот процесс изживания еще не вполне закончен. Мы имеем и сейчас еще ряд хозяйственных наслоений и образований, которые по своей сути, по структуре, по принципу надо отнести к эпохе первого периода, до нэп'а, к эпохе главкизма, как обыкновенно характеризуется этот период. Вот некоторые примеры из этой области.

Система госбюджетных предприятий характеризовала первый период. Но система эта только в самые последние дни окончательно изживает себя. Наша военная промышленность была построена по типу госбюджетных предприятий. И только в 1925 году издано новое положение о Главвоенпроме, по которому он построен на началах, применительных к декрету 10 апреля о трестах. То же самое надо сказать в отношении Главметалла. Положение же о Главэлектро еще не пересмотрено и оно до сего времени по своей структуре и функциям является Главком. Таким образом, период изживания тех начал, которые характеризовали главкизм, только заканчивается. Он еще не закончен.

Если посмотреть на все законодательные акты как первого так и второго периодов с формальной стороны, то мы увидим, что если первый период, как указано выше, характеризовался обилием и пестротой законодательных форм, то законодательство второго периода имеет безусловно более стройную систему. Те акты, на которые я указывал, заложили фундамент более строгого и последовательного законодательства. Но даже и в этот период законодательство страдает чрезвычайно серьезными техническими дефектами. Законы носили схематический характер, были бланкетного типа. Инструкция и ведомственное раз'яснение должны были восполнять закон. Например, декрет о промысловой кооперации. Он состоит из небольшого числа статей, имеющих абсолютно бланкетный характер. Инструкции

ВСНХ и Главкустпрома должны были восполнить этот закон. То же самое надо сказать о законе о сдаче в аренду государственных предприятий. Этот закон заключает в себе 5 или 6 статей. Арендная политика имела громаднейшее значение, арендная практика была чрезвычайно существенная. Благодаря краткости закона многочисленные вопросы, возникавшие в арендной практике, не могли быть разрешены на основании закона. Пришлось пойти по пути издания инструкций, раз'яснений и т. п. Таким образом, с формальной стороны законодательство и этого периода страдает целым рядом крупнейших дефектов. Эти дефекты не были устранены и с момента учреждения Союза. Я позволю себе остановиться на одном из общесоюзных актов, который имеет очень большое значение—закон о недрах. Он заключает в себе всего лишь 34 статьи. Но зато инструкции и положения, которые были изданы в развитие этого закона содержат целый ряд законодательных норм.—Так в инструкции „О порядке допущения производства поисков, разведок и разработок" имеется 195 статей, значительная часть которых носит не инструкционный характер, а, вне всякого сомнения, содержит законодательные нормы.

Эти формальные недочеты усугублялись еще тем, что самая система издания законов, до создания Союза, была чрезвычайно громоздка. Законы издавались РСФСР и переиздавались другими Союзными Республиками. В итоге такой рецепции законы Союзных республик нередко отступали от законов, изданных РСФСР или даже находились в некотором противоречии с законами РСФСР. Закон о промысловой кооперации так, как он переиздан Украиной, значительно отличается от декрета РСФСР. Благодаря этой же системе издания законов, некоторые республики имели законы, не вошедшие в законодательства других республик. Как на пример, можно указать на декрет Украины от 1922 года о распоряжении государственными учреждениями и предприятиями находящимся в их ведении инвентарем. Этот закон устанавливает порядок передачи инвентаря из одного учреждения в другое и порядок его отчуждения. Допускается передача инвентаря в случае ненадобности или негодности. Между тем, правила, определяющие условия и порядок отчуждения инвентаря и оборудования, в РСФСР до сего времени, не изданы. Еще один пример. Декрет о трестах. Казалось бы, что декрет о трестах, изданный после учреждения Союза, и в тексте которого сказано, что он должен быть распространен на все союзные республики, не должен быть переиздан республиками с существенными отступлениями и изменениями. Между тем в декрете о трестах, как он переиздан Украинским СНК, мы имеем очень существенные отступления.

Там введена статья 53 следующего содержания:

„Тресты, действующие на основании уставов, утвержденных в РСФСР и других Союзных республиках, допускаются к

производству операций на территории УССР постановлением УЭС, который определяет и условия такого допущения.

Регистрация и публикация о состоявшейся регистрации означенных трестов производится на основании особой инструкции, разрабатываемой УСНХ по соглашению с НКЮ и утверждаемой УЭС".

Вы видите, что деятельность трестов на территории Украины получила значительное с'ужение. Требуется выполнение целого ряда формальностей для того, чтобы трест имел право совершать торговые операции на территории Украинской Республики. Естественно, что такое противоречие Украинского декрета с декретом 10 апреля 1923 г. должно быть изжито. Недопустимо такое положение вещей, когда общесоюзные тресты или тресты РСФСР будут ограничены в своих правах на территории какой-либо из союзных республик.

Итак, самая система издания законов, порядок рецепции их отдельными союзными республиками неизбежно порождали ряд существенных недостатков. Надо сказать, что эта система осложнялась еще тем, что самое вступление республик в Союз происходило разновременно. Это, естественно, отражалось на ходе развития законодательства, на его формах, на его внутренней и внешней ценности.

Итак, если подвести итоги сказанному и сопоставить факты, которые я привел, можно попытаться дать общую характеристику нашего промышленного законодательства. Раньше всего приходится отметить обилие законодательных актов, утративших силу, но формально не отмененных. Далее следует отметить несогласованность и противоречивость актов, изданных в разное время. Вот один пример. Декрет 10 декабря 1921 г. и ст. 55 Гр. Код. РСФСР. На основании этого декрета значительная часть предприятий, иногда очень крупных, независимо от числа рабочих, в них занятых, в силу тех признаков, которые были указаны в этом декрете, оставлены во владении собственников. Ст. 55 Гр. Код. говорит о том, что всякое предприятие, которое имеет число рабочих свыше установленного законом, не может быть предметом частной собственности иначе, как на правах концессии. Таким образом, имеется явное противоречие между нормами гражданского кодекса и декретом 10 декабря. В силу этого противоречия является неопределенным правовое положение довольно значительной группы предприятий.

Кроме несогласованности, следующим формальным дефектом нашего законодательства является несоразмерность наших актов по своей форме с тем содержанием, которое акты эти заключают в себе. Например, декрет об аренде является одним из крупных законодательных актов, между тем он, как я уже отмечал, имеет характер бланкетного закона.

Следующий дефект нашего законодательства, это пробелы, которые не могут быть восполнены толкованием закона.

Например, учреждение синдикатов разрешается до сего времени только на основании тех указаний, которые имеются в постановлениях СТО, именно, что предприятия, переведенные на хозрасчет могут вступать в об'единение. Каких-нибудь норм, регулирующих порядок возникновения, порядок деятельности синдикатов, их подведомственности и пр. мы не имеем. Это огромнейший пробел.

Смешанные акционерные общества. До сего времени мы не имеем твердых норм, которые бы регулировали их деятельность. Даже нет закона, который бы точно и ясно определил их правовое положение, являются ли они частно-правовыми организациями или в известной степени должны быть приравнены к госпредприятиям.

Наконец, к существенным дефектам законодательства надо отнести и то, что нет точного разграничения между законодательством союзным и республиканским. Я указал на декрет 10 апреля. Казалось бы, закон о трестах должен быть законом общесоюзным, между тем соответствующего акта до сего времени не последовало.

Вот наиболее крупные дефекты, которые вскрываются при общем обзоре нашего законодательства. Спрашивается, возможно ли, при этих крупных дефектах формального свойства, ограничиться простой систематизацией законодательства. Надо сказать, что Правовому Отделу ВСНХ пришлось заняться этим делом. Пришлось проделать довольно большую работу, которая в настоящее время нами закончена и которая заключалась в приведении в систему всего законодательного материала, имеющего общесоюзное значение. Естественно, что при этой работе мы раньше всего встретились с затруднениями, вытекающими из тех недочетов промышленного законодательства, о которых я говорил. Укажу на самые острые, самые существенные из этих препятствий.

Приступая к составлению свода узаконений, имеющих общесоюзное значение, мы наметили определенный план. В этом плане, между прочим, имелась глава „Основные положения о промышленности". Но как можно было удовлетворительно изложить эту главу при тех пробелах, какие имеются в нашем законодательстве. Например, наше государство является монополистом крупной промышленности, государство обладает правом на эксплоатацию крупных предприятий, это есть его прерогатива. Однако, такой нормы, точно выраженной в законах, нет. Правда, ст. 22 Гр. Код. устанавливает принадлежность национализированного имущества государству. Но это, конечно, не равнозначуще с тем, что государству принадлежит монопольное право на эксплоатацию крупной промышленности.

Далее вопрос о делении собственности. Мы знаем, что Гр. Код. предусматривает три вида собственности: государственную, кооперативную и частную. Но мы знаем, что на-ряду с этими видами собственности создался своеобразный институт собствен-

ности государства и кооперативных организаций. Отражения в праве этого института мы не имеем. Деление имущества на общесоюзное, республиканское и местное. В законах нет точного определения республиканского имущества. Имеются определения общесоюзного имущества и местного имущества, но нет формулировки, которая определила бы, что такое республиканское имущество.

Далее — вопрос о делении промышленности на крупную, мелкую и среднюю. Закон содержит определение только мелкой промышленности, а именно предприятия с числом рабочих до 20 человек, но не содержит формулировок, устанавливающих признаки средней промышленности.

Я не буду увеличивать числа примеров. Полагаю, что и приведенных вполне достаточно, чтобы показать, как мало может дать простая систематизация законодательного материала, когда в законах имеются такие существенные пробелы. Если действующее право не содержит норм, устанавливающих монополию государства на эксплоатацию крупных промышленных предприятий, норм, определяющих признаки крупной, средней и мелкой собственности, норм, дающих определение общесоюзного, республиканского и местного имущества, т.-е. таких норм, которые являются основными, краеугольными в области промышленного права, — то, естественно, надо поставить вопрос, возможно ли ограничиться простой систематизацией промышленного законодательства, целесообразна ли будет работа по подбору и расположению законодательных актов, устранению формальных противоречий и пр.; или надлежит расширить задачу, поставив перед собой проблему создания промышленного кодекса. Я думаю, что и те выводы, какие можно было сделать из общего обзора законодательства и те трудности и препятствия, какие мы встретили при попытках произвести систематизацию промышленного права, достаточно убедительно говорят о необходимости поставить проблему создания промышленного кодекса, как актуальную задачу, как работу сегодняшнего дня.

Но, может быть, несмотря на такие крупные формальные недочеты промышленного законодательства, все же не наступил момент, когда можно облечь эту отрасль права в строгую систему кодекса. Обыкновенно говорят, что наша экономика промежуточна, что многие формы ее еще не выявились и что при таком положении говорить о создании промышленного кодекса является преждевременным. Вряд ли это так. Если проследить развитие промышленного законодательства начиная с тех актов, о которых я говорил, с Наказа Совнаркома и постановления СТО, и кончая теми законопроектами, которые сейчас проходят в законодательных органах, то можно установить определенную систему и преемственность в этом развитии. Законы, которые мы прорабатываем в настоящее время — законы о синдикатах, государственных акционерных обществах, и пр. — являются

ни чем иным, как развитием тех начал, которые были заложены в постановлении СТО и Наказе Совнаркома. В этом смысле можно сказать, что промышленное законодательство, несмотря на все его несовершенство, представляет из себя определенную систему, а это уже дает возможность поставить вопрос о создании промышленного кодекса. Мы не скрываем от себя всех тех трудностей, которые предстанут перед нами, когда мы займемся разрешением этой проблемы. Надо сказать, что европейское законодательство в этом смысле не сможет нам оказать серьезной помощи. Европейское законодательство не знает вообще промышленного права в том виде, как оно существует у нас, ибо разные экономические принципы положены в основу наших хозяйственных отношений и хозяйственных отношений буржуазных стран. Те методы и способы, которыми оперирует юридическая мысль на Западе, разрешая вопросы, относящиеся к урегулированию взаимоотношений труда и капитала, совершенно не приложимы к разрешению тех правовых проблем, которые ставит перед юристом советская экономика. Нам приходится производить работу заново. В области создания норм промышленного права европейская наука и практика дают нам очень мало. Европейская наука очень много создала в области гражданского и торгового права. Поэтому при составлении гражданского кодекса мы ею пользовались, в особенности в той области, которая касалась регулирования взаимоотношений между частными лицами. Работа по созданию промышленного кодекса должна быть основана, главным образом, на том опыте, который проделало наше законодательство, на том опыте, который имеет наш законодательный аппарат.

Мы не скрываем всех трудностей, которые будут связаны с этой работой. Но мы полагаем, что эти трудности могут быть преодолены.

Я остановлюсь еще на одном моменте. Когда говорят о промышленном кодексе, то естественно ставится вопрос — о каком же промышленном кодексе идет речь — о промышленном кодексе общесоюзном или следует говорить о создании отдельных промышленных кодексов Союзных республик. Одним из крупнейших фактов нашей экономической жизни является общесоюзная промышленность. Общесоюзная промышленность является доминирующей в нашем хозяйстве. Общесоюзная промышленность не может нормироваться законами, изданными отдельными республиками. Она должна нормироваться и должна работать по законам, изданным Союзом. Но это является определяющим моментом при разрешении вопроса о том, какой характер должен иметь промышленный кодекс. Наша конституция (ст. 1 п. 3) говорит о том, что Союзу предоставляется право устанавливать общие начала нашей промышленной жизни. Промышленность — живой организм. Промышленность нельзя разбить на отдельные замкнутые республиканские системы, и нельзя создавать на

почве этих отдельных систем республиканские кодексы. Промышленность нуждается в нормировке, главным образом, со стороны общесоюзных органов. Значительная часть тех проблем, которые будут выдвинуты при создании промышленного кодекса, должны быть разрешены в форме общесоюзных законов. Но надо сказать, что создание общесоюзных норм не исключает необходимости учета местных условий развития промышленности отдельных республик. Однако, нельзя сейчас точно и строго установить, какие вопросы промышленного права надлежит отнести к области общесоюзного или республиканского законодательства. Это было бы непосильной задачей. Эта задача должна быть разрешена в процессе самой работы. Вспомним прохождение любого законопроекта, который мы представляем в наши законодательные органы. Мы знаем, что по целому ряду проектов у нас были споры с союзными республиками, но в конечном итоге всегда эти споры улаживались в соответствии с теми плановыми задачами, которые стоят перед государственной промышленностью. Планирующее начало было тем регулятором, который давал возможность Союзу и республикам размежеваться в очень сложных законодательных вопросах. Заранее же сказать, что вот такая то область права должна быть отнесена к компетенции общесоюзного законодательства, такая то область должна быть отнесена к республиканскому—невозможно. В соответствии с этим надо организовать и самую работу по созданию промышленного кодекса. Необходимо создание соответствующих рабочих аппаратов как при ВСНХ Союза, так и при ВСНХ Союзных республик по подготовке и согласованию законодательных материалов. В процессе этой работы выяснить, какие нормы должны будут войти в общесоюзный кодекс и какие вопросы в каких пределах должны быть отнесены к области законодательства Союзных республик. Надо думать, что эти рабочие аппараты не должны быть узко ведомственного характера, что задача составления общесоюзного кодекса настолько велика, что вне всякого сомнения и представители научной юридической мысли и юристы практики, работающие в других областях права, должны быть привлечены к этой работе. Создание промышленного кодекса—большая и трудная задача. Но общими усилиями работников науки юридической мысли и практики эта задача может быть разрешена.

(*Смотр. приложение: Ориентировочный план промышленного кодекса*).

Прения.

Поволоцкий, Л. И. Принципиальная позиция, которую занимает по вопросу о составлении промышленного кодекса Правовой Отдел ВСНХ, с моей точки зрения не вызывает решительно никаких возражений. Мне кажется, что для всех нас,

работающих в области промышленного права, представляется совершенно ясным, что назрел момент составления кодекса промышленного права. Его издание облегчит работу не только нас, юрисконсультов, но в значительной мере и наших хозяйственников.

Точно так же для меня представляется несомненным вопрос о том, что регулирование промышленного права должно проходить в масштабе общесоюзном. Согласно конституции СССР (п. „з" ст. 1) установление основ и общего плана всего народного хозяйства союза относится к вопросам союзного законодательства, а, конечно, в общие основы народного хозяйства входит и правовое урегулирование народного хозяйства. Таким образом, я считаю, что промышленный кодекс должен быть издан в порядке союзного законодательства. Некоторое подкрепление этой мысли может быть еще почерпнуто в первой части Конституции, в „Декларации", где говорится о том, что разрушенные производительные силы страны не могли быть восстановлены усилиями отдельных республик, что и послужило одним из поводов к образованию Союза ССР.

Перехожу от этих общих соображений к плану промышленного кодекса. У меня возникает одно серьезное сомнение. Деление промышленности на виды: государственную, кооперативную и частную, с моей точки зрения, есть повторение правил ст. 52 Гражд. Кодекса, которая делит собственность на государственную, кооперативную и частную. Таким образом, подход к регулированию промышленности по этим трем суб'ектам не вызывает никаких возражений. Однако, если мы остановимся на втором разделе „кооперативная промышленность", то мы в детальном изложении плана Кодекса не найдем, к сожалению, ничего о кооперативной промышленности. Мы имеем очень подробное регулирование государственной промышленности, затем отдел „Промысловая кооперация", отдел „Частная промышленность". Между тем кооперативная промышленность и промысловая кооперация—это два понятия не однозначущие. Понятие частное в данном случае подменяет понятие видовое. Целый ряд кооперативных организаций, в том числе Центросоюз и др., имеют в составе своих имуществ богатую и развитую промышленность. Я считаю, что в разделе о кооперативной промышленности должны быть предусмотрены: 1) порядок управления промышленными предприятиями, принадлежащими кооперации, 2) взаимоотношения промышленности кооперативной и государственной, 3) увязка плана государственной промышленности с промышленностью кооперативной и возможное устранение взаимной конкуренции.

Обращаюсь к промысловой кооперации. Я являюсь сторонником издания специального кооперативного кодекса. Кооперация в системе советского хозяйства, делящаяся на 5 видов—потребительскую, промысловую, с.-х., кредитную и жилищную, по

существу является единым кооперативным движением. Если вы возьмете самые последние факты, речь Председателя Совнаркома т. Рыкова на 14-й партконференции, то увидите, что он говорит сначала вообще о кооперации и затем об особенностях отдельных видов кооперации. Резолюции 14-й партийной конференции те же самые—общая кооперация и отдельно об отдельных видах кооперации. Так может быть построен и кооперативный кодекс. В том отделе о промысловой кооперации, который будет входить в промышленный кодекс, не следует включать промысловую кооперацию, как таковую целиком, со всеми особенностями ее структуры, а только вопрос о промышленных предприятиях промысловой кооперации и в частности о порядке открытия и регистрации артельных мастерских и предприятий, принадлежащих союзам промысловой кооперации, о предоставляемых ей льготах и о связи промысловой кооперации с госпромышленностью.

Таким образом, мои выводы таковы:

1) издание промышленного кодекса несомненно желательно,

2) желательно издание его в порядке общесоюзного законодательства,

3) в промышленный кодекс, в виде отдельного раздела, должны быть введены постановления о кооперативной промышленности, понимая под ней промышленные предприятия всех видов кооперации.

Драбкин С. Л. Вопрос об издании кодекса подвергался обсуждению на всеукраинском совещании юрисконсультов госпромышленности, и, конечно, тут мы, украинцы, у предыдущего оратора тов. Поволоцкого, отклика встретить не можем. Мы стоим на противоположной точке зрения. Мы утверждаем, что основы промышленного права СССР должны быть даны Союзом, а промышленные кодексы должны быть изданы союзными республиками в отдельности, и это находит свою базу в п. 3 статьи 1-й Союзной Конституции, которая трактует об установлении Союзом основ общего плана всего народного хозяйства, и которая ни в одной из статей не указывает и не утверждает того положения, что должна быть единая система управления всей промышленностью, которая должна быть установлена в общесоюзном законодательстве. Правда, мне тут могут возразить, что поскольку общесоюзная промышленность занимает доминирующее положение в нашем хозяйстве, постольку нет смысла, чтобы эти общесоюзные промышленные предприятия, находящиеся на территории отдельных союзных республик, управлялись бы различным законодательством, изданным различными союзными республиками. Но, конечно, это не совсем так, поскольку основы промышленного права будут изданы Союзом, постольку в этих основах может быть предусмотрено такое положение, при котором общесоюзные предприятия управлялись бы согласно единым нормам, но изданным в порядке республи-

канского законодательства. Главным образом, республики заинтересованы в издании промышленных кодексов в целях регулирования тех отраслей промышленности, которые возникают на специфической экономике каждой союзной республики в отдельности. Наш Союз слишком огромен, слишком богат разнообразием хозяйственных укладов, и, конечно, если сравнить Украину, РСФСР, Узбекистан и др. союзные республики, то мы увидим, что в отношении кооперативной и частной промышленности каждая из республик в процессе революции пошла по своему пути. Предыдущий оратор уже указал относительно кооперативного законодательства. Украина пошла по совершенно иному пути, чем пошла РСФСР и другие союзные республики. Мы имеем проект кооперативного кодекса, совершенно разработанный, который находится в нашей Комиссии законодательных предположений и в ближайшем будущем станет законом. Если возьмем гражданское законодательство, то Украина в этом отношении пошла впереди всех других союзных республик. Вероятно, всем вам известно, что ст. 137 гражд. законодательства является для интересов нашей госпромышленности наиболее приемлемой и соответствующей, в то время, когда другие республики почему-то дойти до этого еще не могут. Таким образом, мы видим, что если законодательство предоставляется отдельным союзным республикам в области регулирования интересов торговли и промышленности, то эти республики, учитывая свои хозяйственные интересы, могут выдвинуть такие положения, которые являются и для других союзных республик необходимыми и уже в этой области пробивают брешь. Я мог бы еще увеличить это количество примеров, но я считаю, что этого достаточно. Я не уверен, что найду отклик у вас, что вы станете на ту точку зрения, что промышленный кодекс должен быть республиканским, но считаю своей обязанностью и своим долгом поднять этот вопрос, как украинец, поскольку мы видим, что законодательство, которое развивается по отдельным союзным республикам, развивается довольно успешно и служит для обогащения юридической мысли всех республик и всего Союза в достаточной степени. Мы считаем в особенности еще необходимым,—и это основной довод, что Союз по основам промышленного права должен дать нам основные хозяйственно-политические директивы. До тех пор пока не будут даны эти основные хозяйственно-политические директивы, нельзя приступать к разработке кодекса. Ясно, что эти директивы не могут быть изложены в другом виде, чем в основах промышленного права СССР. Это мы увидим в ближайшее время и в отношении гражданского законодательства и, конечно, наше промышленное законодательство не может быть исключением. Поэтому, мы, украинская делегация, на настоящем совещании выдвигаем такое положение, что наше всесоюзное совещание должно вынести решение, что основы промышленного права должны быть даны Союзом, а про-

мышленные кодексы должны быть изданы Союзными Республиками.

Розенблюм Д. С.—Украинская делегация сомневается в том, что ее предложения найдут отклик в нас всех, сидящих на настоящем Совещании. Я думаю, что мы можем заверить украинскую делегацию, что все ее пожелания должны, конечно, найти отклик в наших юридических сердцах, поскольку не нарушается конституция, которая обязательна не только для РСФСР, но и для Украины. Поэтому, разрешите сослаться на тот договор, который был заключен Украиной. Украинская делегация ссылается на п. „з" ст. 1 Конституции, в котором сказано, что к ведению Союза относится установление общего плана и основ промышленности. Но цитировать надо всегда до конца, ибо в этом пункте сказано: „а также установление отраслей промышленности и отдельных промышленных предприятий, имеющих общесоюзное значение". Соответственно этому постановлению, третья Сессия ЦИК 1-го Созыва точно перечислила все предприятия, которые имеют значение для всего Союза, из'яв их из ведения отдельных союзных республик и передав целиком в исключительное ведение Союзного ВСНХ.

Все права, которые предоставлены декретом о трестах от 10-го апреля ВСНХ, передаются в отношении союзных предприятий ВСНХ Союза ССР. Поскольку же мы будем основываться на конституции,—а я думаю, украинская делегация должна на ней основываться, она к ней аппелирует,—постольку, я полагаю, украинская делегация должна признать, что управление общесоюзными предприятиями, находится исключительно, по точному смыслу конституции, в ведении ВСНХ Союза. Отсюда следует, что промышленный кодекс не может ограничиться установлением общих основ или хозяйственно-политических директив. Против последнего никто из нас не возражает. Но, помимо этого, он должен заключать в себе целый ряд законодательных постановлений, регулирующих деятельность общесоюзных предприятий. Что касается прав союзных республик, то постановление третьей Сессии ЦИК 1-го созыва устанавливает их, как согласование производственных планов общесоюзных предприятий, их финансовых планов и уставов с ВСНХ союзных республик.

Я думаю, что промышленный кодекс, по силе конституции, не может ограничиться только установлением хозяйственно, политических директив, так называемых основ и планов, а должен заняться вплотную урегулированием деятельности общесоюзных предприятий, ибо это его ведение. Отсюда следует, что нисколько не противоречит точка зрения докладчика тому, чтобы Украина или другие республики создавали свои промышленные кодексы. Но нужно определить их об'ем и содержание. Они должны касаться, во-первых, более точного применения норм, установленных в союзном кодексе, и, во-вторых, касаться промышленной

деятельности госпредприятий республиканского и местного значения.

Надо впрочем, заметить, что правовой режим, регулирующий общесоюзные предприятия, силою внутренней логики, распространяется на правовой режим государственных предприятий республиканского и местного значения. Возьмем гражданские кодексы РСФСР и УССР. Различие между ними заключается только в одном слове, в слове „национализация". Гр. Код. РСФСР знает „национализацию" и „муниципализацию", а в Гр. Кодексе УССР слово „муниципализация" отсутствует. Вот чем отличается гражданский кодекс УССР от гражданского кодекса РСФСР, но это нисколько не мешает тому, что это гражданский кодекс Союзной Республики. Если мы установим в основном правовой режим общесоюзных предприятий, все принципы будут, силою вещей, распространены и на государственные предприятия республиканского и местного значения. Устанавливая это внутреннее сродство, я еще раз подчеркиваю, что с точки зрения конституционной, я признаю вполне право союзных республик издавать свои постановления о республиканских и местных трестах, свои промышленные кодексы.

Я резюмирую: общесоюзный промшленный кодекс должен делиться на две части: во-первых, хозяйственно-политические директивы и основы промышленной жизни и затем установление правового режима общесоюзных предприятий.

Сладкевич, И. А. Мое выступление обусловлено не докладчиком с которым у меня почти никаких разногласий нет, а возражениями т. Поволоцкого. Область кооперативного права, затронутая т. Поволоцким, меня главным образом и интересует. Нельзя согласиться с т. Поволоцким, что нормы, регулирующие деятельность промысловой кооперации, должны быть включены не в Кодекс Промышленного Права, а в Кодекс Кооперативного Права. В самом деле, Кодекса Кооперативного Права пока еще нет, да и создание его пока еще преждевременно. Виды кооперации настолько отличны друг от друга, что все попытки дать общую формулу определения кооперации пока остаются тщетными. При таком положении дел, когда за общие скобки можно вынести очень мало, не стоит создавать Кодекса Кооперативного Права, так как в сущности при незначительной по об'ему общей части он будет представлять из себя только механическую сводку законов об отдельных видах кооперации. А раз это так, то закон о промысловой кооперации должен быть включен в Кодекс Промышленного Права, ибо в последний будут включены и нормы, регулирующие деятельность кустарной промышленности, одной из организационных форм которой и является промысловая кооперация.

Арефьев, Н. А. Здесь возник вопрос довольно важный практический о том, должен ли быть единый промкодекс или должен быть помимо законодательства общесоюзного масштаба еще

и республиканский кодекс. Этот вопрос нельзя разрешить исключительно на основании толкования конституции. Тов., говоривший по этому вопросу передо мной, упрекал украинского представителя в том, что он неправильно толкует конституцию, но в конце-концов он пришел к тем же выводам, что и товарищ из Украины. Вначале он как будто не это утверждал. Я думаю, что этот вопрос можно разрешить в конце концов в зависимости от существа вопроса: что мы должны видеть в основе этого промкодекса? Вина в такой неясной постановке вопроса лежит отчасти на докладчике: у него есть попытка сводки промышленного законодательства, но не промкодекс; скорей это является справочником, сборником по законодательству, имеющему отношение к промышленным предприятиям. Что же такое промкодекс? Что должно составлять основные элементы промкодекса? Прежде всего принципы регулирования промышленности—всякой, государственной, кооперативной и частной. Второе,—это структура государственных промышленных предприятий и структура тех органов, которые непосредственно регулируют промышленность, и, наконец, промышленные права, может быть, дальше этого идти не следует. Если вопрос поставить так, то вопрос, который здесь дебатировался между Союзом и республиками, должен сам собой отпасть. Если поставить задачей промкодекса принцип регулирования промышленности и основы структуры нашей промышленности, то естественно, что это преимущественно прерогативы Союза. Детали же промышленного законодательства, основанные на этом промкодексе, будут всецело принадлежать республиканскому законодательству, и, вероятно, Союз претендовать на это не будет. Но если поставить вопрос так, как его поставил тов. Шнееров в своем проекте, то, конечно, это будет вызывать самые резкие возражения со стороны отдельных республик и, конечно, это будет противоречить конституции. Нельзя далее стать на точку зрения докладчика, тов. Поволоцкого и других, что вопрос о промкодексе назрел и его сейчас надо разрешить во что бы то ни стало. Я думаю, что пока это только задача. Разрешить сейчас этот вопрос очень трудно. Если мы говорим, что в основе промкодекса лежит принцип регулирования промышленности, то определить принципы этого государственного регулирования, определить сферу деятельности государственной промышленности, кооперативной и частной промышленности, определить методы регулирования государственной и частной промышленности — сейчас в высшей степени трудно. Ведь все время существования госпромышленности и нэпа эти принципы не получили достаточно четкой кристаллизации. Все время они менялись.

В заключение я бы хотел сказать следующее. Для меня имеет практическое значение, как эта работа будет вестись. Я возвращаюсь к конституционному вопросу. Меня, как много работающего с промышленными предприятиями, мало интересует

вопрос чисто конституционный о том, кому больше прав—Союзу или республикам. Важно, чтобы были четкие и ясные нормы, важно, чтобы было единство в проявлении хозяйственной деятельности. Но я думаю, что эту работу можно осуществлять только коллективно и поэтому в смысле методов надо усвоить себе не централистические начала, а децентралистические. Эта работа должна вестись не только в центре, но и на местах. Не будем спорить о том, будет ли единый промкодекс или разные промкодексы, но надо, чтобы каждая республика, где есть достаточно развитая промышленность, эту работу проделала целиком. На основе этой подготовительной работы необходимо выявить те тенденции, которые намечаются. В центре будет параллельная работа проделана. Только после этого и на основании этой работы можно будет увидеть то лицо промкодекса, которое для меня сейчас является недостаточно ясным.

Шахназаров, А. М. Т—щи! конечно, очень трудно говорить о промышленном кодексе, не зная его и имея в руках только проспект этого кодекса. Но уже из этого проспекта можно заключить о некоторых неточностях его.

В отдельных отраслях госпромышленности указаны: электрификация, горная промышленность, топливная, машиностроение, судостроение, текстильная, строительная промышленность и промышленный транспорт. Но нет указаний на промышленность лесную, кожевенную. Уж если указывать, то необходимо указывать все виды промышленности, имеющие командное значение в госпромышленности, или вовсе не указывать ни одной. Это одно замечание. В тех же проспектах мы читаем о принудительном управлении госпредприятиями и о ликвидации предприятий. А между тем, имеющий большое значение на практике вопрос о фузии, о слиянии гострестов между собой, промышленным кодексом, повидимому, совершенно не предусмотрен.

За этими частностями я хотел бы остановиться на некоторых вопросах, которые затронуты в докладе сегодня в прениях, и указать следующее: мне думается, что спор в плоскости конституционных взаимоотношений—бесплодный. На это было указано на предыдущей сессии ЦИК'а, когда обсуждался вопрос об общих основах союзного законодательства—гражданского, уголовного и др. Председатель ЦИК'а тов. Калинин прекрасно отпарировал, по-моему, притязания нашего НКЮста. Понятное дело, всюду, в особенности у нас, вопрос отнюдь не в том, кто решает данный вопрос—парламент или другое законодательное учреждение, каков об'ем их законодательной правоспособности, а вопрос об управлении.

Центр тяжести вопроса заключается в распределении функций управления между центром и местами, в каких об'емах и на каких началах это управление будет предоставлено, на основании общего союзного закона, местам. С этой точки зрения нужно указать, что следы главкистского управления

еще не из'яты. Этот зажим бесспорно отразился и на той главе проспекта промышленного кодекса, в которой говорится об органах регулирования промышленностью. В качестве органов регулирования указываются Совет Труда и Обороны, Экономические Совещания Союзных Республик, ВСНХ, Госплан, Губпланы, а вот об областных экономических совещаниях мы не находим ни слова, так же, как и об областных органах ВСНХ. Случайное ли или сознательное такое исключение, не знаю; но оно безусловно вредно.

Я бы считал, что в промышленном кодексе этот вопрос, если так можно выразиться, о „поделении управления" союзными и республиканскими трестами между центральными организациями и местными должен найти достаточно четкий ответ, ответ эластичный, дающий возможность, в зависимости от дальнейшего развития, разжать или сжать вожжи. При том, вопрос этот должен найти ответ отнюдь не по линии частного права и частно-правовых отношений между госорганами, а только по линии публичного права. Этими замечаниями по поводу доклада я и ограничусь.

Ш а п и р о, О. Д. Мне кажется, что прения по докладу т. Шнеерова приняли совершенно ненадлежащее направление. Я здесь ничего не слышал по вопросу о промышленном кодексе, и мне кажется, что это не случайно. Это находится в связи с постановкой вопроса в докладе. Доклад был посвящен проблеме промышленного кодекса. Что значит проблема промышленного кодекса? Ясно, что речь идет не о детальной разработке плана промкодекса. Это вопрос комиссии, которая будет разрабатывать промкодекс. Здесь речь идет о том, что должны быть выдвинуты определенные положения на учете всего хозяйственного опыта. Я так и представлял себе, что когда нам будут докладывать проблему промышленного кодекса, мы услышим ряд тезисов, которые должны лечь в основу промышленного кодекса. Но вот, к сожалению, докладчик шел по другому пути. Он пользовался методом чисто критическим, методом отрицательного характера. Он на основе анализа целого ряда фактов правового характера, существовавших за все время существования советской власти, установил, что мы имеем ряд, формально еще неотмененных, декретов, которые являются как бы действующими, хотя фактически они отменены позднейшим законодательством. Он далее указал на наличность противоречий между ныне действующими декретами, на необходимость их согласовать и т. д. Все это верно. Со всем этим нельзя не согласиться, и со всем докладом т. Шнеерова каждый из нас согласится, но вопрос не в этом. Ведь речь идет не о противоречиях в существующем законодательстве, не об устаревшем материале, который можно одним декретом отменить, а речь идет о создании промышленного кодекса, т.-е. о том, чтобы выдвинуть ряд новых положений, которые должны лечь в основу этого промышленного кодекса. Вот этого момента я

не усмотрел и, мне кажется, вследствие того, что с самого начала этот момент т. Шнееровым не был выдвинут в основу своего доклада. Мы, в конце-концов, попали не на главную улицу, а в переулок. Переулок тоже может быть почтенный, мы ему должны посвятить свое внимание, но все-таки это не главная улица. Нам сначала нужно пройти по боевой дороге. Из всех выступавших здесь оппонентов только один т. Арефьев как раз отметил этот момент. И я считаю, что действительно на этом обстоятельстве нужно остановиться подробнее. Возьмите момент организационный. У нас есть государственное право собственности. Я беседовал с очень многими юристами, старыми и новыми и всякой формации, и не получал точного ответа, что такое государственное право собственности и кто суб'ект этого государственного права собственности в отношении каждого отдельного имущества. Если присмотримся к нашей практике и административной и повседневной, к нашей работе, как юрисконсультов в арбитражных комиссиях, то мы увидим, что бесконечные тяжбы основываются именно на том, что понятие о государственном праве собственности недостаточно разработано и недостаточно четко определено, и мы не знаем, кто собственник, кто владелец, и кто пользователь. Когда мы подходим к вопросам о создании промышленного кодекса, в конце-концов, мы должны знать, какой степени права имеются у предприятий на то имущество, которое находится в их ведении. Вот почему, мне кажется, что в связи с тем, что настоящий доклад был построен на принципе, главным образом, критики старого материала и что он не выдвинул определенных положений и принципов, на коих будет создаваться новый промышленный кодекс, мне кажется, благодаря этому прения урезываются, так как мы не имели определенных вех и не имели определенного направления. Я хочу сделать еще одно замечание. В конце своего доклада т. Шнееров подошел к очень любопытному и интересному моменту, но пресек его в самом начале. Очевидно, у него есть разработанные материалы по этому вопросу. Он подошел к вопросу о том, что такое крупная и средняя промышленность и что такое кустарная промышленность. Между прочим, эти основы должны войти в кодекс, но, к сожалению, нам ничего не было сказано о тех материалах, которые имеются по этим вопросам у ВСНХ. Я считаю, что мы действительно должны приступить к разработке этого вопроса и к разработке проблемы промышленного кодекса. Поскольку мы являемся оторванными от центра и живем на Украине, я считал бы необходимым, чтобы все те материалы, которые здесь имеются, присылались бы своевременно нам, чтобы мы могли обдумать их у себя, подработать их и совместно и согласованно выступать с ВСНХ СССР.

А. А. Шнееров—Разрешите приступить к заключительному слову. Раньше всего к постановке вопроса. Естественно, что

мы не могли предложить вашему вниманию не только готового кодекса, но даже и чернового наброска. Эта большая и важная задача может быть разрешена длительной работой компетентной комиссии. Я ставил вопрос так: есть ли основания приступить к работе по созданию промышленного кодекса? Есть ли основания как формальные, так и об'ективные, коренящиеся в нашей экономике.

Я уже отметил в своем докладе, что необходимо устранить формальные дефекты, которые имеются в промышленном законодательстве. Я также указал, что есть экономические предпосылки, что наступило время облечь в правовые формы систему нашей промышленности. Наша промышленность представляет из себя сочетание государственных предприятий, кооперативных, частных и смешанных. Эти элементы промышленности обладают устойчивостью и прочностью. А это является уже предпосылкой к созданию промышленного кодекса.

Некоторые сомнения в этой области обнаружил т. Арефьев. Он сомневался. Но в конце своей речи, он как будто бы пришел к тому же заключению, что все-таки приступить к работе необходимо: правда, т. Арефьев поставил несколько иначе всю проблему кодекса. Он говорит: надо наметить самые общие основные принципиальные положения—начала регулирования, основы построения наших государственных предприятий и предприятий смешанного типа и пр. Вот только эти общие начала и принципы и должны составить содержание общесоюзного промышленного кодекса. Все остальное, т.-е. конкретное промышленное законодательство должно войти в кодексы отдельных союзных республик. Такая постановка вопроса неправильна. На почве отвлеченных начал и принципов промышленный кодекс нельзя создать. Здесь некоторые товарищи уже указывали на то, что является доминирующим в нашей промышленности. Несомненно—союзная промышленность. Но что это обозначает? Это означает, что республиканская промышленность строится по типу общесоюзной. Если же принять это за исходную точку, то надо сделать и соответствующие выводы.

Из частных вопросов, которые здесь поднимались, я остановлюсь на критических замечаниях, которые были сделаны по поводу приложенного к тезисам ориентировочного плана. В докладе ориентировочного плана я не касался. Ориентировочный план ни в какой мере не может связать работу той комиссии, которую я предлагаю создать. Это ни больше, ни меньше, как набросок черновой, который может быть изменен и переработан комиссией. Существенное в ориентировочном плане заключается в том делении промышленности, которая в нем строго проводится, и в той системе, которая вытекает из этого деления промышленности на государственную, кооперативную и частную. Это предопределяет физиономию всего промышленного кодекса. Государство устанавливает одни методы и формы воздействия на

государственную промышленность, иной подход и иные методы воздействия на кооперативную и частную промышленность. Эти основные начала, из которых приходится исходить при составлении кодекса. Эти начала провозглашены в эпоху зарождения новой экономической политики и красной нитью проходят через законодательство последующего времени, составляя существо государственного капитализма. Государственный капитализм обусловливает различный подход в разных формах хозяйственного строительства государственного, кооперативного и частного. В этом разном подходе вскрывается и динамика государственного капитализма, как переходной формы к социализму.

Вопросы регулирования нашей государственной промышленности. Было сделано замечание, почему в плане кодекса есть упоминание о СТО, Экономическом Совещании Союзных Республик и т. д. Зачем перечисление административных органов? Но здесь забывают, что регулирование промышленностью входит в компетенцию СТО и других органов, которые указаны в плане. Исключить эти органы—и большая глава, определяющая порядок регулирования промышленности, будет сведена на нет. Конечно, в этой части кодекса не надо будет повторять целиком положения о СТО и пр. органах. Но надо привести в систему все нормы, относящиеся к регулированию промышленности, в частности точно определить взаимоотношения СТО и ЭКОСО с другими органами регулирования. Только таким образом можно будет дать в кодексе исчерпывающую главу о регулировании. Мы знаем, что целый ряд есть вопросов, не разрешенных в этой области нашим законодательством.

Повторяю, это ориентировочный план и каждую главу его можно исправить. Но систему, которую он заключает—если будет создана комиссия,—я буду защищать, так как считаю ее единственно правильной и вытекающей из анализа нашей экономики.

Из других замечаний остановлюсь на указаниях т. Поволоцкого. Это вопрос частный, но имеющий актуальное значение в настоящий момент, поскольку нами в ближайшее время будет внесен в законодательные органы закон о промысловой кооперации. Тов. Поволоцкий говорит, что этого недостаточно, что надо шире поставить вопрос, что этим пунктом, который есть у нас, не исчерпывается вопрос. Я в известной степени согласен с ним. Но думаю, что все же не так надо ставить вопрос, как ставит он. Если кооператив какого угодно типа—потребительский, промысловый или сельско-хозяйственный имеет заведения, предприятия и они являются промышленными, то надо сделать следующий вывод: все то, что относится к промышленной деятельности всякого вида кооперации, должно быть включено в промышленный кодекс. Деятельность кооперативных предприятий должна регулироваться промышленным кодексом. Что касается вопроса о специальном кооперативном кодексе,

то как бы его ни разрешать—я лично считаю этот вопрос еще недостаточно разработанным—он все же ни в какой мере не должен включать нормы, регулирующие деятельность кооперативных предприятий.

Резолюция.

Признать неотложной задачей начать работы по кодификации промышленного законодательства. Кодификационная работа должна вестись в двух направлениях:

1. Создание общесоюзного промышленного кодекса, включающего основные нормы промышленного законодательства.

2. Составление промышленных кодексов союзных республик, включающих нормы в развитие и дополнение общесоюзного промышленного законодательства.

Общесоюзный кодекс должен иметь систематический, а не сводный характер.

Точное разграничение норм, подлежащих включению в общесоюзный и республиканский кодексы, должно быть выявлено в процессе работы. Для правильного проведения этой работы надлежит учредить постоянную комиссию в составе ВСНХ СССР, состоящую из работников ВСНХ СССР, ВСНХ союзных республик и их областей, а также авторитетных представителей научной и практической юридической мысли. Такие же комиссии должны быть организованы при ВСНХ союзных республик.

Применение декрета о трестах.

I.

Доклад **С. Г. Крупнова.**

Информационный доклад по применению каждого законодательного акта должен осветить вопрос, насколько достигнута та цель, которая была поставлена законодателем, и если не достигнута или достигнута не вполне, то в чем причина такого недостижения. В правовых ли дефектах самого закона. Тогда говорят об его изменении, дополнении, пересмотре или даже отмене. В неумении ли применять этот закон со стороны тех, в чьих руках непосредственно находится выполнение его. Тогда принимаются меры к надлежащему инструктированию путем издания ведомственных приказов, циркуляров и т. д. Или, наконец, цель законодателя достигнута не вполне в силу тех затруднений, которые встречает закон в той социальной среде, в сфере тех интересов, которые этот закон призван регулировать. Тогда надо, чтобы ведомство всеми способами, имеющимися в его распоряжении, устраняло затруднения, не останавливаясь в случае надобности перед мерами дисциплинарного и судебного воздействия.

Как обстоит вопрос относительно декрета от 10 апреля о трестах? 2-летний опыт применения декрета о трестах доказал его жизненность, как устойчивого правового института для организации, управления и использования производительных сил страны в области государственной промышленности. Таково общее мнение и представителей юридической мысли, и экономистов, и финансистов.

Основные начала, заложенные в этом законе, за время этих 2 лет завоевали новые области своего применения. Заходит речь о перенесении основных начал этого декрета на предприятия уже такого калибра, как уездные и даже волостные. Это говорит о тенденции распространить начала декрета вглубь. В смысле широты охвата за последнее время отмечаем новое

завоевание. Мы имеем в виду применение декрета о трестах к с.-х. предприятиям, к предприятиям коммунальным. Таким образом, идеи, заложенные в этом законе, на протяжении 2 лет как бы совершили триумфальное шествие. Поборов начала главкизма и затем смешанные формы предприятий, существующих частью на бюджете, частью на хозяйственном расчете, чистый тип треста является теперь господствующим в сфере промышленности.

Вместе с тем надо отметить, что эти последние законодательные акты приводят к необходимости дать более отчетливое определение самой природы треста. Постановления о с.-х. предприятиях и о предприятиях коммунального значения вводят в определение предприятия начала хозяйственного расчета, которые в наших условиях ассоциируются с началами самоокупаемости. Таким образом, надо четко определить, что такое трест? Мы остановились на том, чтобы обособить понятие промышленного треста от трестов другого порядка, и это понятие треста промышленного значения соединить неразрывно с началом коммерческого расчета и с его логическим последствием—целью извлечения прибыли, конечно, понимая эту последнюю в связи со всеми условиями советского хозяйства. Ибо цель извлечения прибыли на Западе, это—одно, цель извлечения прибыли у нас—нечто другое. Она осложняется моментом планирования, моментом, неразрывно связанным с самым существом советского хозяйства.

Возвращаясь к тому, что начала, заложенные в декрете о трестах, полностью оправдали себя и, сопоставляя это уже с получающей уже общее признание, и здесь, между прочим, фигурировавшей идеей пересмотра декрета, мы предупреждаем, что понимаем ее не в смысле пересмотра его основных начал, а в смысле дальнейшего укрепления, развития и углубления этих начал на основе богатейшего двухлетнего опыта применения декрета с наиболее полным использованием этого опыта. Некоторые из правовых моментов, соприкасающиеся с тем, что называется пересмотром декрета, мы отмечаем и в нашем докладе. Это тема чрезвычайно большая, и охватить ее в одном докладе невозможно. С другой стороны, это и не входит в задачу нашего доклада.

Сейчас перейдем к тем затруднениям, которые при своем применении в жизни встречает декрет.

В чем источник затруднений, которые чинит декрету жизнь? Основные черты, конструкция декрета о трестах, или, если хотите, его конституция для нас всех вполне ясны. В ряде статей: в 1, 6, 29, 35 декрета выясняются особенности этого института. Статья 1 говорит о том, что трест есть предприятие, которому дана самостоятельность при производстве своих операций. Согласно ст. 6-й, трест—с изъятиями, особо указанными, владеет, пользуется и распоряжается своим имуществом на об-

щем основании гражданских законов. Статья 29-я подчеркивает, что даже ВСНХ, который определяет самый состав имущества, выделенного тресту согласно ст. 9, даже ВСНХ—Наркомат, в ведении которого трест находится, не вправе вмешиваться в его текущую, административную и оперативную работу. По ст. 35 Правление управляет делами и имуществом треста. Наконец, статья 18-я типового Устава подчеркивает особливое положение треста, его прерогативы в том смысле, что никакие центральные и местные учреждения, вне случаев, предусмотренных общими узаконениями и уставом, не вправе вмешиваться в административную и оперативную деятельность трестов. Таковы основные черты, то своеобразие, которое отличает положение треста, как правового института.

Как же эти начала, неразрывно связанные с природой самого треста, претворяются в жизни?

Первый момент, на котором приходится остановиться, это необычайное разнообразие, разнохарактерность тех требований, которые пред'являются жизнью к тресту. Мы попробуем здесь дать сводку,—я уверен, далеко не исчерпывающую. Товарищи с мест, если в этом встретится надобность, смогут ее дополнить. Мы систематизировали этот разнообразный материал по моменту повседневных требований, которые пред'являются к тресту, и по моментам особо квалифицированных обстоятельств в жизни треста.

Начнем с перечня повседневных запросов, иллюстрируя его тем материалом, который находился в нашем распоряжении, и далеко не использовав его полностью. Прежде всего, к тресту пред'являются требования представлять отчеты, сведения, периодические, статистические данные и т. д. Мы все знаем, кто может пред'являть такие требования в пределах декрета и общих узаконений. Позвольте перечислить ряд учреждений, которые обращаются с требованием представления такого рода данных, сведений, отчетности и пр. (Докладчик приводит длинный перечень учреждений и список требований отчетного характера).

Вот примеры тех требований, которые должен удовлетворять трест. Не ограничиваясь письменными, требуют и устных докладов перед различными органами. Тов. Сухаревский приведет иллюстрации по этому вопросу чрезвычайно колоритного характера...

Пойдем дальше. С одной стороны, в одной полосе союза требуют под страхом уголовной и дисциплинарной ответственности регулярной посещаемости биржи, а в другой требуют разрешения на право вступления в число членов бирж, хотя декретом это не только разрешено, но и обязательно. Я прохожу мимо назначения ответственных сотрудников помимо ВСНХ и увольнения и смены таковых.

К тресту пред'являют требование на включение в состав правления представителей других ведомств, хотя декрет преду-

сматривает, в каком порядке назначаются члены правления. Мы имеем случаи назначения ревизионных комиссий в порядке, не предусмотренном декретом, упраздняют ревизионную комиссию, которая назначена ВСНХ, и подчиняют данный трест ведению другой ревизионной комиссии. В отношении закрытия отделений треста на каждом шагу со стороны местных органов власти решительные требования такого рода, как: признать нецелесообразным, немедленно ликвидировать и т. п. Мы встречаем требования изменения производственных программ. Изменяются условия сбыта и кредитования.

Очень можно было бы занять ваше внимание и время иллюстрациями по вопросу, который, как будто бы, твердо решен в законе, по вопросу распоряжения имуществом треста.

Приведу несколько из десятков примеров, которые имеются в нашем распоряжении. Один губотдел труда об'являет, вопреки кодекса законов о труде, особый день нерабочим днем. В соседних губерниях дело прошло без этого. Трест за этот праздничный день недовыработал 8.000 аршин и понес убыток по одной заработной плате в 3.000 руб. Изымается из ведения общесоюзного водяная мельница и передается Уисполкому. Аннулируются в одной из федеративных республик все долги местных трестов местному бюджету. При этом одно из заведений общесоюзного предприятия „Азнефть" отнесено к числу местных... Один из Губисполкомов из'ял из ведения общесоюзного хлопчато-бумажного треста целую фабрику и передал ее в Губсовнархоз... Имеется ряд примеров, относящихся к отбиранию домов, входящих в состав капитала треста. Инспектор Финотдела зачисляет в госфонд республиканского значения имущество, входящее в состав основного капитала треста общесоюзного значения... Изымают из общесоюзного треста 16 племенных лошадей на основании закона республиканского значения... Губисполком и Уисполком запрещают без согласия Комсто при Губотделе продавать или вообще отчуждать материальные фонды, составляющие их основной капитал,—как-будто согласие давало основание нарушить ст. 22 Гр. Код.... Один из уездных иков запретил управляющему завода, входящего в состав общесоюзного треста, под личной ответственностью, исполнить предложение Правления этого треста о переброске механического оборудования завода.

Таким образом, в этой сфере, казалось бы, ясно и точно очерченной законом, на каждом шагу тресту приходится встречаться с такого рода требованиями, по поводу которых он обязан войти с донесением в ВСНХ, и ВСНХ должен принимать ряд мер более или менее срочного характера на предмет разъяснения и отстаивания прав треста.

Затем домогательства всякого рода отчислений, расходы за счет треста на какую-либо благую цель. Вот ряд требований, какие направляются к кассе треста: отчисления в фонд просве-

щения, отчисления на Красный Крест, отчисления на совершение постройки, отчисления в фонд рабочего кредитования, на расходы по удовлетворению культпросветительных нужд, на нужды пролетарского студенчества, в пользу местного бюджета. Кубанский Окружной Исполком предписывает Резинотресту в 48 часов внести определенную сумму на создание Дома Крестьянина, Кузбасстресту предлагается вступить в члены О-ва Помощи пролетарскому студенчеству.

Еще одна категория требований: о ведении отчетности на национальном языке. Трестам общесоюзного значения предлагают вести отчетность на украинском, на узбекском языках. Само собою разумеется, ВСНХ, как и высшая центральная власть, принимает все меры к восстановлению силы закона, к ограждению прав трестов. Я приведу самые последние сведения, которые из этой области имеются: постановление Исполкома, в течение 48 часов внести определенную сумму на создание Дома-Крестьянина ВЦИК отменил. Наркомвнуторг решительно высказался против вмешательства его местных органов в оперативную деятельность хозорганизаций.

Таким образом, со стороны центральной власти предприятия встречают постоянно активную поддержку в охране и обеспечении прав, предоставленных им декретом о трестах. Все же, очевидно, нужно выявить, где источник этого натиска на тресты Я отмечаю в этой области три момента. Первый — еще неизжитая борьба между началом целесообразности и началом законности. Центральная власть настойчиво и твердо проклamирует в ряде своих распоряжений, что революционная целесообразность находит свое отражение и выявление в революционном законе. Эта мысль еще не всегда достаточно усвоена на местах. Затем, второй момент, это—несогласованность некоторых законодательных актов с декретом о трестах или, вернее, несогласованность в понимании этих законодательных актов.

3-й момент, может быть, это — дефект самого декрета о трестах. Мы имеем в виду, что твердая норма, которая звучит в ст. 18-й типового устава, что никакое учреждение, вне случаев, предусмотренных законом, не имеет права вмешиваться в оперативную деятельность, что это начало не формулировано жестко в самом декрете о трестах. За из'ятиями, точно означенными в законе, никакое центральное или местное учреждение не может вмешиваться в административную и оперативную деятельность трестов,—эту норму надо поместить в общих положениях декрета, т.-е. в том разделе, который определяет органические права этого института. Вот правовой подход.

Если так будет сформулировано в декрете, то это может в значительной степени сузить, при устранении двух первых моментов, о которых я говорил, многообразие не основанных на законе требований, пред'являемых к тресту.

Затем мы переходим к другим правовым дефектам декрета. Позвольте мне это чрезвычайно конспективно указать, ибо время истекает. В проекте резолюции, которая выявляет тезисы нашего доклада, эти моменты правового характера, связанные с пересмотром декрета о трестах, нам представляется, разюмированы. При этой оговорке, которую я сделал, для вас является понятным, почему мы прибегли к выборочной системе и почему в нашем информационном докладе мы останавливаемся далеко не на всех, связанных с пересмотром, а только на некоторых наиболее актуальных моментах. Мне приходится прямо отослать вас к проекту резолюции, где они точно сформулированы.

Я закончу сообщением чисто осведомительного характера. Как вы помните, 3-я Сессия ЦИК предложила ВСНХ согласовать декрет от 10-го апреля со структурой общесоюзных органов. Мы внесли сначала вКЗП дополнения и изменения к декрету, которые помещены во всем вам известной книге Гинзбурга „Законодательство о трестах". Нам показалось, что мы выполнили поручение. Но Комиссия Законодательных Предположений возложила на нас задачу выработки декрета, как акта общесоюзного, между прочим, вероятно, и для того, чтобы положить предел спорам между РСФСР и Украиной, о том, имеет ли декрет от 10-го апреля значение общесоюзного акта. Этот проект также находится в КЗП. Технически мы его сконструировали как закон, относящийся к предприятиям общесоюзного значения, но вместе с тем, посредством построения статьи 4-й, перенесли его и на тресты республиканского значения, при чем изменения и дополнения в отношении этих трестов уложились в особый раздел. В этом смысле нам казалось и пользование декретом в значительной степени облегчено.

В плане работ правового отдела значится и пересмотр декрета о трестах. Первые 2 раздела декрета (14 статей) нами предварительно проработаны: они уложились в II ст. Сейчас они не выносятся на ваше обсуждение. Этот проект мы не считали возможным обсуждать, пока он не получит соответственной санкции.

На этом приходится закончить доклад. Остальные тезисы в достаточной степени мотивированы в розданном вам проекте доклада.

II.

Доклад **М. Л. Сухаревского.**

Наш доклад построен на опыте ЦУГПРОМ'а. Мы с т. Крупновым перетряхнули материал, накопившийся в ЦУГПРОМ'е примерно за последнее полугодие по жалобам Союзных трестов, попробовали его систематизировать и привели Вам наиболее яркие факты.

Из этих фактов мы сделали определенные выводы. Выводы наши сводятся, между прочим, и к тому, что в декрете от 10/IV—23 г. о трестах необходимо некоторые положения уточнить, в некоторые статьи внести большую ясность.

Но я думаю, что не только в этой ясности или точности отдельных статей декрета о трестах все дело.

Опыт мне показал, что места спотыкаются как раз на те статьи закона, которые отличаются наибольшей ясностью и определенностью.

И в самом деле. Возьмите 1-ю часть ст. 37, разрешающую тресту расходовать средства лишь в пределах сметы. Казалось бы достаточно ссылки на эту статью закона. на смету треста, чтобы остановить притязания мест на средства треста.

Ст. 5 декрета и категорическое содержание 2-й ее части говорит о том, что, кроме ВСНХ и СТО, ни один госорган не вправе изымать у треста его имущество и средства. Разве эта статья недостаточна для сознания местами незаконности принудительного из'ятия ими имущества трестов?

Возьмите ст. 18 типового устава, попадающую в текст каждого устава треста. А ведь устав треста, получивший утверждение СТО, есть тот же закон. Разве недостаточно ярко выражена в нем самостоятельность треста, не допускающая никакого умаления ее местными властями?

Возьмите ст, 46 декрета, по силе коей расходы на улучшение быта рабочих могут производиться только из специального фонда. Разве это останавливает требования мест производства отчислений на те же цели вне этого фонда?

Вот эти обстоятельства и приводят к мысли, что не только в содержании декрета о трестах и в неясности отдельных его статей дело.

Я наблюдаю в ЦУГПРОМ'е такое явление, что каждый вновь издаваемый декрет или закон, каждое новое мероприятие Правительства, даже такие, которые не могут иметь никакого отношения к оперативной деятельности наших трестов или имеют к ним самое отдаленное касательство, служат поводом для нажимов на общесоюзные тресты.

Вы помните призывы о внимании к Красной Армии, период шефств. Они целиком легли на наши тресты, хотя сметами не были предусмотрены. Понадобилось издание специальной Инструкции за подписью 4-х Наркоматов: РКИ, НКФ, ВСНХ и НКЮ, чтобы ввести в нормальное русло это дело.

Вопрос о местных домах отдыха в санаториях, и незаконное обложение трестов на их содержание, вопреки ст. 46 декрета о трестах, вызвал целый ряд жалоб трестов.

Вы помните призывы ВЦИК'а о помощи беспризорным. Эти призывы были своеобразно истолкованы здесь в Москве Деткомиссией, которая была склонна превратить некоторые наши тресты в своих комиссионеров со своего рода делькредере, за-

ставляя их приобретать марки и издания в $^0/_0$-ном отношении к обороту, а потом их распространять за свой риск среди своих покупателей.

Вы помните декрет о рабочем кооперативном жилищном строительстве. Обязанности общесоюзных предприятий в нем были точно определены. Они сводятся к известным отчислениям из специального фонда по улучшению быта.

Здесь в Москве нам приходилось раз'яснять необязательность для общесоюзных трестов приобретения облигаций жил.-строит. займа, выпущенного Моссоветом. И на местах закон о рабочем кооперативном строительстве послужил источником нажима на средства трестов,

Учреждение Наркомвнуторга и Губвнуторга не мало усилий потребовал, чтобы сократить случаи незаконного вмешательства мест в работу общесоюзных предприятий.

Только на днях руководители одного общесоюзного предприятия были крупно оштрафованы за уклонение от какой-то особой, законом не предусмотренной регистрации. Благодаря нашему вмешательству, штраф был только снижен. Мы перенесли это дело в центр.

Недавно провозглашенный лозунг „лицом к деревне" также послужил основанием для пред'явления к нашим трестам претензий, законом о трестах не предусмотренных. Волисполкомы потребовали от наших трестов присылки на заседания Президиумов ВИК'ов представителей трестов для ответов об их деятельности. Переписка по этому делу с местами пока вопроса не урегулировала.

Предприятия наших трестов раскинуты по воему Союзу и соприкасаются с районами, я думаю, не менее 1000 ВИК'ов. Сколько же отчетов нашим трестам придется составить, сколько докладов сделать перед одними Волисполкомами?

На местах организовались Упланкомы. Это Уездные Плановые Комиссии. Они тоже пытаются планировать за счет общесоюзных трестов, требуя от трестов командирования сотрудников для выполнения местной плановой работы или ассигнования средств на ее оплату.

Здесь в Москве нам недавно пришлось вступить в переписку с ведомством, которое с просьбой или требованием о включении его представителя в Правление нашего треста обратилось непосредственно в это Правление в полном убеждении, что последнее правомочно самостоятельно пополнять свой состав без санкции ЦУГПРОМ'а.

Вы видите, что совершенно ясное, определенное и не вызывающее никаких сомнений содержание ст. 30 декрета о трестах даже здесь, в центре не остановило ведомство от некоторых покушений на наши права.

Как реагирует центр на жалобы трестов?

Я должен констатировать, что центр относится с глубоким вниманием к каждой жалобе трестов.

Надо вместе с тем сознаться, что не всегда жалобы трестов на действия властей основательны. Мы наблюдаем случаи, когда тресты склонны слишком широко толковать свою союзную самостоятельность, доводя ее до пределов необязательности для них обычных публично—правовых норм местных органов Здравоохранения, НКТруда, мероприятий пожарной безопасности, строительных и др.

Мы вынуждены в этих случаях об'яснять трестам, что они не могут рассматривать себя, как государство в государстве.

Какие формальные меры мы принимаем по жалобам трестов?

По установившейся в ЦУГПРОМ'е практике, мы обращаемся в первую очередь к той самой власти, от которой исходит то или иное незаконное распоряжение или действие (ВИК'и, УИК'и, ГИК'и, СНК и ЦИК'и). Редко нам приходится обращаться во вторую инстанцию, еще реже в центральные органы. В громадном большинстве случаев наши просьбы местами удовлетворяются путем отмены того или иного постановления или распоряжения или из'ятия из его действия предприятия союзных трестов.

В высших законодательных органах, куда нам приходится обращаться по жалобам трестов в сравнительно редких случаях, редких, имея в виду большое количество жалоб, и куда мы вносим дела преимущественно большой принципиальной важности, наши ходатайства в большинстве случаев также получают удовлетворительное разрешение.

Количество жалоб, поступающих в центр от трестов, заметно уменьшается. Это свидетельствует о том, что на местах нарушения прав трестов, покушения на декрет о трестах также уменьшается.

III.

Доклад А. М. Шахназарова.

Мой доклад можно отчасти назвать содокладом, а отчасти может быть, следовало бы назвать контр-докладом докладам товарищей Крупнова и Сухаревского.

Я с товарищами также согласен, что декрет от 10 апреля, равно как и второй декрет от 17 июля, вполне себя оправдали. Достаточным доказательством этого служит неуклонный рост и успехи государственной промышленности. Достаточным комплиментом по адресу обоих декретов является также трестирование коммунальных предприятий и госземимуществ. Это все так.

Однако, нам следует со всей решительностью указать, что декрет о трестах, поскольку мы обсуждаем его в нашем Сове-

щании юристов, постольку мы должны помочь хозяйственникам, как сказал тов. Ломов, ввести поток экономической жизни в определенное русло, что декрет о трестах не разрешает многих вопросов, чисто планового характера, потому что он был издан на грани двух эпох: на грани периода первоначального, естественно, отмеченного центробежными устремлениями предприятий, задыхавшихся до того в тисках „главкизма", и на грани той эпохи, когда вследствие определенных экономических фактов, осенью 1923 года, государственная власть принуждена была серьезно озаботиться планированием, регулированием стихийно шедшего потока экономической жизни. И так как это было на грани двух эпох, в декрете о трестах мы не находим отражения целого ряда фактов, отложившихся после осени 1923 года, фактов планового воздействия государственной власти на оперативную деятельность трестов. Проявления этого начала: увязка производственных планов с потребностями страны, политика цен в целях стимулирования отдельных отраслей промышленности и перераспределения государственных средств из одной отрасли в другую, вызываемая, с одной стороны, развитием производительных сил, с другой, необходимостью смычки города с деревней, вопросы нормирования труда, вопросы, касающиеся восстановления основного капитала государственной промышленности, вопросы планового кредитования ее, учреждение комитета государственных заказов, вопросы планового завоза и т. п. Эти вопросы, твердо вкоренившиеся в нашей экономической жизни, не укладываются в рамки декрета о трестах. Конечно, можно стоять на той точке зрения, что и не нужно искать соответствия декрета жизни; пусть она развивается по своему, суть не в праве. Но сегодня мы по докладу т. Шнеерова признали, что кодификация нужна и своевременна, что в законе необходимо дать хотя бы директивные указания.

В своих тезисах я привожу некоторые примеры такого несоответствия: централизация неликвидных оборотных средств, эта централизация, проведенная постановлением ВСНХ, основана на соответствующем постановлении СТО; оно не укладывается в статью 5-ю декрета о трестах.

Затем лимитирование цен Наркомвнуторгом. Это лимитирование цен тоже не укладывается в ст. 48 декрета, и не только не укладывается, а противоречит этой статье, так как назначение цен предоставлено ею ВСНХ и СТО.

Если вы вспомните историю выработки декрета, то несомненно вы должны придти к выводу, что эта статья была рассчитана на исключительные случаи.

Когда же Наркомвнуторг лимитирует цены не только для трестов легкой индустрии, но и тяжелой, когда он устанавливает предельные цены для металлического товара, как общее правило, мы говорим о проявлениях планового порядка в отношении промышленных предприятий.

Дальше—учреждение комитета государственных заказов. Комитету государственных заказов в целом ряде случаев присвоено не только вторжение в оперативную деятельность, но ему присвоена и судебная функция. Он разрешает конфликты между трестами, переведенными на хозяйственный расчет, и т. п. Как это согласовать с декретом о трестах?

Приведя эти факты, я отнюдь не хочу сказать, что этого не надо делать. Я только хочу указать, что когда мы вместе с вами на совещании обсуждаем вопрос о применении декрета на практике, мы должны указать, что помимо основной мысли, заложенной в этом декрете и себя оправдавшей, мы являемся свидетелями и участниками целого ряда фактов экономической жизни, которые не укладываются в рамки декрета, и что под этим углом зрения необходимо его пересмотреть.

Следующее, что достойно внимания, это излишняя, отнюдь не оправдываемая практикой, централизация управления некоторыми частями имущества трестов. Я имею в виду 28-ю ст. п. „а". Я хочу указать, что если до 307-го приказа мы имели какую-то определенность, то с изданием 307-го приказа ВСНХ СССР мы совершенно потеряли почву под ногами. Что ни слово в этом приказе, то пифийно, что ни слово, то требует издания особых и нескольких приказов, чтобы раз'яснить его. Мы пытались получить шифр от самого ВСНХ к этому приказу. Мы обращались несколько раз—и вот, разрешите вас познакомить, какое раз'яснение дано и насколько облегчено понимание этого приказа. Начнем по порядку. Прежде всего, в первой части приказа говорится о праве отчуждения и приобретения без предварительного разрешения живого инвентаря, всех видов предметов обзаведения и мелкого инструмента; следовательно, о мертвом инвентаре нет речи. Следовательно, союзный трест, скажем, Ленинградский Текстильный Трест, который оборачивает много миллионов, и который выпускает много миллионов метров ситца и других текстильных изделий, для того, чтобы передать в другой, государственный трест (я нарочито оставляю частный оборот) излишний, скверный автомобиль, он должен испросить разрешения правления ЦУГПРОМ'а и даже президиума ВСНХ. Почему? Потому что в первом пункте приказа нет указания на инвентарь, а автомобиль не есть предмет обзаведения, ибо это мертвый инвентарь.

Дальше, перехожу ко второй части приказа, в которой указано относительно малоценных предметов оборудования. Какой ответ может быть дан на вопрос хозяйственника о том, какие предметы следует считать малоценными? По признаку цены или значения данного оборудования с точки зрения всего технического комплекса данного заведения. На этот вопрос приказ № 307 не дает ответа так же, как и раз'яснения ВСНХ, о которых я вам говорил.

Наконец, условия, при которых можно отчудить. Когда мы обратились за указанием этих условий, нам сказали: отчуждение оборудования вне государственного оборота возможно лишь при признании отчуждаемого оборудования негодным „вообще для госпромышленности".

Спрашивается, кто же должен решить, что данная машина негодна вообще для госпромышленности и есть ли сила, которая могла бы решить, что данное оборудование вообще для госпромышленности всего Союза негодно? Ответ на этот вопрос также нельзя получить.

Я не вижу оснований, почему утверждая производственный план данного треста нельзя было бы в пределах плана искать ответа на вопрос. Боязнь разбазаривания. Но, ведь, в правлениях трестов сидят ответственные, облеченные высокой политической доверенностью, работники. Но если ВСНХ не находит возможным в данное время это доверить отдельным правлениям трестов, то у ВСНХ есть свои областные органы, есть республиканские ВСНХ со своими областными органами, которым эти мелочные вопросы, конечно, можно было бы доверить. Разрешительный порядок сводится к канцелярскому штампованию в недрах аппарата ВСНХ, потому что президиум ВСНХ, как и правление ЦУГПРОМ'а, конечно, не в состоянии проверить и разрешить вопрос по существу.

Следующим наиболее болезненным вопросом в деятельности треста является вопрос об отчетности. Упорядочить отчетность трестов необходимо. Необходимо в законодательном порядке в самом тексте декрета воспретить тресту кому бы то ни было, помимо указанных в законе органов, давать отчеты. Наркомфин РСФСР издает циркуляр, в котором требует по управлению госдоходами от областных и губернских финотделов, чтобы они ежемесячно представляли сводку отчетов. В этой отчетности имеется 2 страницы анкетных пунктов, плюс к этому 16 предложений, при чем масса вопросов налогового характера. Если бы управление госдоходами попробовало бы обратиться в налоговое управление Губфо, т.-е. через комнату, площадку или этаж, то оно могло бы это получить, а между тем управление госдоходами обратилось с требованием в тресты о заполнении анкет и представлении отчетов.

В ВСНХ есть „управление налоговой политикой". Так почему же здесь ВСНХ не может договорится с Наркомфином и согласовать все эти вопросы, чтобы такого рода требования не пред'являлись к трестам.

Другой вопрос о регистрации. Я приведу некоторые цифровые данные: из 24 трестов союзного и республиканского значения до 9 мая этого года имели утвержденные уставы 17 трестов. Из этих 17 трестов зарегистрировано было лишь 7. Чем это об'яснить? Злой волей трестов, нежеланием их? Регистрация, публичность определенных фактов в жизни промышленного пред-

приятия—вещь хорошая, но все-таки надо считаться с тем, как это трудно прививается в наших условиях. Требуется регистрировать не только трест, но и все дальнейшие изменения как в имуществе треста, так и его личном составе. А между тем, я безошибочно и с уверенностью заявляю, что в отношении изменения основного капитала, (что впрочем приказом ЦУГПРОМ'а отменено), и изменений в личном составе, требование декрета ни в коей степени не поддается выполнению. В самом деле, часто приходится читать в „Торгово Промышленной Газете", в приказах о назначении Правлений Ленинградских трестов в составе таких товарищей, которых уже давно нет в Правлениях соответственных трестов.

Следующий вопрос,—вопрос о подоходном налоге, он избит и исчерпан в прессе. Если отбросить ведомственную точку зрения Наркомфина, иного оправдания вопросу не найти.

Вы не можете себе представить, сколько борьбы, сколько трудов и безрезультатных, приходиться затрачивать по этому поводу. Здесь НКФ совместно с ВСНХ определяет прибыль треста в известной сумме, или нередко выводит даже убыток, а на местах Губфинотдел определяет несообразную прибыль, исходя из ложного учения о двух видах прибыли госпромышленности.

Затем, я хотел бы остановиться на следующей группе вопросов—на взаимоотношениях ВСНХ с НКЮ.

Способствует ли внедрению в жизнь революционной законности, если Наркомюст и Верховный Суд последствием нарушения статьи 137 ГК об'являют недействительствительность договора, а Высшая Арбитражная Комиссия говорит противное. Можно ли говорить о законности, если здесь имеется такая невязка. Невозможно, чтобы массовые сделки какого нибудь Текстильного Треста совершались в Нотариальной Конторе.

Затем, остановлюсь на раз'яснении Пленума Верховного Суда о недопустимости образования простых товариществ юридическими лицами, а следовательно и госоорганами. Есть целый ряд договоров этого типа, установленных Советом Труда и Обороны, скажем, компанейский договор по сплаву. Экономика этого требует, а нам говорит: нет, нельзя. Невозможно, чтобы два треста, Пеньковый и Текстильный, заготовляли совместно общее сырье, необходимое обоим трестам. Другой пример—договор комиссии: Разве можно искусственно подводить его под договор поручения, закрывать глаза на экономическое содержание комиссии. Сам же Верховный Суд указывал не раз, что для договоров нет numerus clausus. Если нет, то почему необходимо прибегать к конструктивным понятиям, почему надо подходить к аналогии и искать правовое оправдание для данного института, именно в конструкции или аналогии. Почему мы не можем сказать: договор комиссии заключается в том-то и в том-то.

Наконец, последний пункт в этой чисто юридической сфере, это—подряды и поставки. НКЮ здесь дает невероятные раз'яснения. Им было указано на то, что торги обязательны для всех госорганов, за исключением предприятий типа Стандартстрой и Госстрой; все остальные государственные предприятия должны осуществлять свою оперативную деятельность в форме публичных торгов. Это значит поставить крест над этой операционной деятельностью. Как может Текстильный Трест, закупки сырья, топлива и пр. производить путем публичных торгов. Для чего это нужно?

Заканчивая свой доклад, я должен сказать, что накопившийся опыт за все это время нам дает достаточно оснований сделать вывод о том, что взаимоотношения ВСНХ и трестов должны организационно быть отчеканены в декрете о трестах по той линии, которую еще в 1922 году указал один из самых вдумчивых наших публицистов; я имею в виду т. Смилгу; он указывал, что государственное управление промышленностью—за ВСНХ, а свобода маневрирования и оперативная деятельноть в пределах плановых указаний ВСНХ—за Правлением треста.

В пределах и границах, так очерченных, дайте Правлению треста право свободного маневрирования. У ВСНХ есть промежуточные между трестами и собой организации—областные органы его—для того, чтобы с их помощью несколько ослабить и децентрализовать управление трестами, проникнутое ныне элементами бюрократического и главкисткого характера.

Прения.

В. Н. Шретер. Мне пришлось участвовать в качестве теоретика в той комиссии, которая разрабатывала декрет о трестах, и с тех пор я внимательно, поскольку мне позволяла работа, следил за практикой его применения. Эта комиссия попыталась путем организационного и социологического анализа найти те правовые нормы, которые бы соответствовали жизни. Наша комиссия почувствовала, что с хозяйственниками она заговорила на общем языке и мы друг друга понимали. Но теперь, с 1923 г. и в особенности начала 1925 года, мы во многом ушли далеко вперед. Сейчас этот декрет просто узок в условиях стабильного рубля и стабилизованных цен, Поэтому с законом, дающим лишь общую формулировку уже жить нельзя. Сейчас мы считаем дроби копейки, мы расчитываем с величайшей точностью. Я полагаю, что наш декрет весь сплошь в этом отношении устарел, он слишком краток, слишком туманен для нынешней действительности. Но вместо с тем, он уже требует и принципиальных поправок опять-таки в соответствии с теми переменами, которые в организации всего этого дела произошли: если коснуться, во-первых, положения, о котором говорил

тов. Шахназаров, который указывал на то, что целый ряд мероприятий и приказов ВСНХ, нарушает ст. 29, вторгаясь в оперативную деятельность треста. Эта линия—кто следил в этом отношении за руководящими постановлениями центра,—совершенно очевидна, и сейчас проводится сознательно, это реальная действительность. Может быть, с ней можно спорить, и вероятно многие будут спорить, но задача нас, юристов, первым долгом дать этому правовое выражение, чтобы хозяйственники увидели ту стадию, в которой они обретаются. Между тем, хозяйственники, смотря в зеркало, видят обратное. Они видят и до сих пор 29 статью и те указания, которые здесь были сделаны относительно нажима на закон, формально правильны. Я думаю все же, что в этом виноваты все-таки мы, потому что мы не успеваем во время предложить соответствующую переработку. Это первый вопрос, который в законодательном порядке требует пересмотра.

Затем второе положение. Когда мы составляли технически этот декрет, то мы не могли еще дать исчерпывающей квалификации правлений трестов в смысле его нормативной ориентировки. Каковы их обязанности? Типовой устав выражает в сущности мысль о добром хозяине, но согласитесь сами, что этой квалификации недостаточно. Если вы дальше будете копаться в наших законах, то вы в уголовном кодексе найдет кару за безхозяйственность. Поэтому трестовик желает избежать тяжелой кары, он должен стремиться к тому, чтобы вести работу хозяйственно. Но что такое „хозяйственность", в законе нигде не сказано. Мы, юристы, должны попытаться выявить путем анализа эти нормы. Задача трудная, потому что здесь мы доброго хозяина—капиталиста взять не можем. Тут государственный капитализм, государственное хозяйственное задание и здесь основной критерий для правления в значительной степени должен быть иным.

Затем следующий вопрос, на котором у нас, очевидно, чрезвычайно „башмак жмет". Тут будет особый доклад о капиталах, из'ятых из оборота. Вот по этому вопросу я хотел бы сказать несколько слов. Здесь были упреки о том, что Правовой Отдел ВСНХ плохо раз'ясняет, ст. 22 Гр. Кодекса; опять-таки дело вовсе не в раз'яснениях, а в том, что данная статья совершенно не соответствует экономической действительности и в данном случае экономической динамике. Суть дела тут вот в чем. Желая в виде командной высоты забронировать производственный капитал, наш закон ухватился за бронирование вещей, как таковых, следуя методам буржуазного права. В данном случае так-называемое буржуазное право всегда оперирует вещами, как они даны и в натуре, и кроме Петражицкого, который в этом отношении остался одиноким, никто не заметил, что тут все время оперируют категориями, свойственными натуральному хозяйству, а вовсе не капиталистическому хозяйству и тем более

не нашему государственно-капиталистическому хозяйству. А между тем отсюда все недоразумения и конфликты, которые происходят. Тут имеются такие предложения со стороны наших юристов — да разбронируйте вы основной капитал, уничтожьте 22 статью. Мне кажется, что такой подход с точки зрения принципов, которые ныне действуют, совершенно неприемлем, потому что это есть одна из командных высот и здесь Наркомюст совершенно правильно указывает, что это есть покушение на командные высоты. Нужно было совершенно иначе подойти к пересмотру этого вопроса. Сейчас должны быть бронированы и регулируемы вовсе не вещи, ибо экономическая действительность говорит об основном капитале, а этот капитал воспроизводится в процессе производства, постоянно меняя свой вещный состав. Если найти правильный критерий и подойти с точки зрения экономической категории основного капитала, тогда можно требовать разбронирования ненужных машин, идущих в брак, при условии сохранения производственной способности данного предприятия в целом, при условии сохранения определенной денежной стоимости вложенного основного капитала.

Следующий вопрос, опять также требующий пересмотра,— это вопрос о правоспособности трестов.

Еще 2-го января 23 года был издан в этом смысле соответствующий закон и из-за него не было сделано повторения в декрете о трестах.

Что же теперь получилось. Может быть, в 23 году, когда была эпоха стихийного увлечения со стороны трестов операциями, им совсем не свойственными, может быть, было хорошо прямо написать—трест может торговать только своей продукцией. Но, согласитесь сами, что сейчас это слишком тесный масштаб, который не соответствует жизни.

Дело в том, что проблема соответствующего сортамента,— проблема пополнения складов такими товарами, которые трест не производит, система подвоза из-за границы, чтобы держать соответствующий уровень цен на рынке—все это реальные задания для трестов. Следовательно, нужно установить другой критерий—целевой правоспособности трестов—а именно трест, в своих операциях не должен выходит из пределов предмета своей деятельности. Тут мы будем иметь ту гибкою формулу, которая не будет связывать робкие тресты по рукам и ногам.

В связи с этим необходимо переработать вообще все оперативные права трестов как в отношении кредитования, так и во многом другом. Мне кажется, что здесь жизнь ушла гораздо дальше. Мы могли бы здесь дать гораздо более гибкую и исчерпывающую формулировку. Разрешите кратко, в связи с вопросом операционным, с вопросом о подрядах, коснуться вопросов об обязательном свидетельствовании у нотариуса соответствующих трестовских сделок.

Мне кажется, что весьма своевременно поставить вопрос о том, что и среди госорганов есть купцы и есть „не-купцы" и что в нашем хозяйственном строе это разделение на купцов и не-купцов также категорически нужно проводить. Нужно и должно совершенно жестко провести положение, что те методы, которыми ведомства, находящиеся на бюджете—то, что раньше именовалось казенным управлением,—оперируют с вольным рынком—это методы совершенно иные, чем коммерческие. Для них и существуют эти законы о подрядах и поставках, для них и должно быть нотариальное свидетельствование и т. д., ибо они в деловом смысле совершенно беспомощны, потому что их опыт, их связь с рынком случайная.

Точно так же и метод засвидетельствования их нисколько не стеснит, и здесь всякий контроль вполне уместен. Если эта линия будет жестко проведена, тогда можно будет более ярко показать, что такое коммерческий метод ведения дела и каких норм он требует. Я думаю, что с точки зрения этого подхода, было бы очень легко бороться с 137 статьей, конечно, не просто отвергая всякий контроль, но вырабатывая параллельно с этим соответствующий гибкий коммерческий метод учета. В этой части мы тоже находимся в области исканий. Вообще мне кажется, что проблема освобождения трестов от формальных стеснений в значительной степени связана с правильным освещением тех основных методов, которые называют „коммерческими методами дела".

Последний вопрос, это—вопрос о ликвидации трестов. Декрет просто остановился и сказал: „дальше не иду". Мы имеем явные пробелы в законе, которые приводят к недоразумениям, несовместимым ни с существованием устойчивого кредита, ни с началами твердо установленного валютного оборота, ни с принципом, что гарантия устойчивости кредита и кредитоспособности должна быть, и какая-то грань между плательщиком и неплательщиком тоже должна быть. Эта проблема разрешается не так просто.

То пожелание, которое нужно выдвинуть, которое я повторяю: в условии стабилизованного рубля, все осложняющегося оборота, где не только каждая копейка считается, но и делается максимум напряжения в смысле предвидения, требуется чрезвычайная четкость правовых норм, ибо только при наличии их, можно говорить о предвидении, ибо тогда можно предусмотреть ту кон'юнктуру, в которой работа будет развиваться. А для этого декрет от 10 апреля нужно пересмотреть и переработать с точки зрения того экономического и организационного опыта, который за это время получился, в смысле его сильнейшего уточнения и проверки его основных принципиальных положений.

П. А. Лебедев. Т. Шахназаров, насколько я мог уловить из содержания его доклада, говорил о том, что декрет о трестах получил целый ряд наслоений, которые не были предусмотрены.

Его вывод из этого я не совсем понял—предлагает ли он оставить этот декрет в чистом виде, как он вышел в свет, или включить все позднейшие наслоения и их узаконить. Я думаю, если так ставить вопрос, было бы неправильно и то, и другое. Когда издавался закон о трестах, он являлся реакцией против главкизма, и тогда не было учтено многое. В частности, вопрос планирования и увязки отдельных частей хозяйства в этом декрете не был предусмотрен и отмечен. Никто из нас не скажет, что эти вопросы потеряли свое значение. Несомненно, по декрету о трестах, каждый отдельный трест является как бы частно-правовым хозяйством, не связанным с общей системой хозяйства. Все наше хозяйство говорит совсем о другом, и здесь задача увязать эти два начала,—начало частного права, начало самостоятельности, при котором трест мог бы развить свою деятельность, и начало планирования, начало увязки его работы с остальными частями государственного хозяйства. С этой точки зрения необходимо пересмотреть позднейшие наслоения. Может быть, есть много лишнего; вредного, ненужного, но есть огромное, полезное, которое не может быть выброшено за борт. Мне кажется, что юристы, работающие в хозяйственных органах пока еще не хозяйственники. Я могу судить по докладу т. Шахназарова. Он жалуется на то, что слишком много указаний получается трестами, слишком много регламентаций деятельности, но когда тресту предоставляют свободу действий, тогда тов. Шахназаров не знает, как действовать, и он видит в этом недостатки. Когда говорят, что малоценное имущество может быть продано, для него этого недостаточно. Это дело юриста-хозяйственника так об'яснить своему органу и доказать с хозяйственной и юридической точек зрения, когда это необходимо, как это нужно. Точно указать, какую гайку или машину можно продать и какую нельзя, —если бы закон стал заниматься такими пустяками, это был бы не закон. Закон дает общие указания, и в пределах этих указаний задачи юриста заключаются в том, чтобы дать настоящий совет, оглянуться, может быть, и в уголовные законы для того, чтобы предохранить от всех вредных последствий. Наши юристы пока еще не стали хозяйственниками. Мы можем по нашей практике Арбитражных Комиссий отметить это явление. Юристы, выступающие по делу, где мы интересуемся хозяйственной стороной этого дела, говорят о незнании обстоятельств дела, незнании обстановки, в которой работает данный трест, пытаются все дело строить на чисто юридических формах. В этом их ошибка. Мы, марксисты, полагаем, что право есть надстройка над хозяйством и отделить их невозможно. А существует такое представление, что право есть нечто самодовлеющее, что развивается оно независимо от хозяйства.

Н. Г. Гурари. Доклад, на мой взгляд, представляет собою слезницу, жалобу на те препятствия, которые встречает применение декрета о трестах, главным образом, на местах. Вы

помните, как много привели здесь ужасных слов о том, что не только Губисполкомы, но даже Волисполкомы требовали отчетности от предприятий трестов, находящихся на их территории. Мне такое требование совершенно понятно и я полагаю, что жалобы на это требование об отчетности должны быть признаны неосновательными. По существу, когда местные органы Советской власти требуют отчетности, то это есть как раз то из'ятие, те случаи, которые общими узаконениями вполне предусмотрены, так как местные органы Советской власти имеют право контролировать деятельность абсолютно всех органов, работающих на подведомственной им территории (за исключением лишь органов военного ведомства и Красной Армии). Если какое-либо общесоюзное предприятие действует на территории ВИК'а, то в пределах этой территории, в рамках своей волостной деятельности, оно, конечно, подконтрольно Волисполкому, тем более подконтрольно оно Губернскому, Краевому Исполкому, ибо так говорит конституция РСФСР, так говорит Положение о местных Исполкомах. Поэтому не жаловаться надо на требование ВИК'а об отчетности перед ним, а действительно отчитываться перед ним.

Вместо предложений тт. Крупнова и Сухаревского надо принять предложения уважаемого проф. Шретера, хотя и выступавшего в прениях, но в действительности представившего нам обстоятельный доклад, и эти предложения положить в основу резолюции по заслушанным докладам.

Д. С. Розенблюм. Прения возбудили два серьезных вопроса. Во-первых, о необходимости существенного изменения декрета о трестах в связи с новым законодательством, о более серьезном планировании и регулировании промышленности. Второй вопрос—также очень серьезный, хотя он был изложен в форме информационного доклада, о взаимоотношениях между общесоюзными предприятиями и их местными отделениями и местной властью.

Я начну со второго вопроса. По нашей конституции постановления Губисполкома обязательны для всех живущих на его территории, в том числе и для общесоюзных предприятий. Постановления Губисполкома могут быть отменены только ВЦИК'ом. Прокурор республики не имеет права отменить обязательное постановление Губисполкома, как бы оно ни было незаконно, а может лишь представить во ВЦИК об его отмене. Власть Губисполкома и Облисполкома—есть власть государственная с признаком суверенности, уж не говоря о Союзной Республике. Так построена наша конституция. Но взаимоотношения между этой властью и деятельностью общесоюзных предприятий законом не урегулированы. Здесь нужно наметить какие-то пути, пути примирения этой деятельности, двух друг от друга независимых учреждений, какой то твердый и возможный компромисс. Мы имеем постановление 3-ей Сессии Союзного ЦИК'а I-го Созыва, обязательное для мест, где общесоюзным

предприятиям дано право как будто бы полной самостоятельной и независимой деятельности в пределах всего Союза. Мне кажется, что это постановление на местах сталкивается с некоторою суверенностью власти Обл- и Губисполкомов и правомочиями союзных республик. Мне кажется, что это постановление 3-й Сессии не вполне договорено до конца, что нужно установить взаимоотношения, до сих пор неурегулированные.

Есть целая область деятельности союзных республик, которая обязательна для общесоюзных предприятий, обязательна потому, что они действуют на территории этих республик. Я думаю, что только оперативно-хозяйственная деятельность не подлежит контролю со стороны союзных республик, но все те местные законы и постановления, которые относятся к области государственного управления, к области учета. регистрации, требования отчетности, обязательны для общесоюзных предприятий, им они должны подчиняться. Проблема эта еще не ясна, но что она требует специальной и тщательной проработки, в этом кажется никто не сомневается.

Теперь по вопросу о пересмотре декрета о трестах. Я опасаюсь, как бы мы, как немцы говорят, вместе с ванной не выплеснули ребенка, т.-е. основные принципы декрета о трестах. Чем проникнут декрет о трестах, что является его движущим мотивом?

Чтобы двинуть производительные силы страны, нужно было установить сямодеятельность трестов, которые действовали бы, как частные лица, сохраняя в то же время характер государственного предприятия, как организации публично-правовой. Нужно было вдохнуть в трест дух самодеятельности, инициативы, ибо государственное регулирование и постоянное планирование военного коммунизма показали бесплодность его в смысле развития производительных сил страны. Теперь говорят, что наступила новая полоса государственной политики, полоса планирования и регулирования, и потому нужно изменить декрет о трестах, нужно ограничить самодеятельность и инициативу трестов. Я лично того мнения, что в этом отношении декрет о трестах не подлежит никаким изменениям. На новые законы об увязке и планировании надо смотреть, как на временные явления, как на исключения из общего правила автономии трестов. Поясню свою мысль на примере, на постановлении о неликвидных фондах. Говорят, что это прямое нарушение декрета о трестах: из'ятие его оборотного капитала. Но что в сущности, значит неликвидной фонд? Мы знаем, что уставной капитал треста есть государственное имущество, переданное ему для выполнения определенной хозяйственной функции, фактически же целый ряд трестов числит в своем капитале огромное имущество, не имеющее никакого отношения к его хозяйственной деятельности. Есть текстильные тресты, у которых оказались целые склады стаканов, т.-е. имущество, им абсолютно ненужное. Такое имущество является неликвидным фондом. Государство обязано

менно в силу декрета о трестах, в силу самого понятия об уставном капитале, из'ять его и дать ему движение. Здесь нет никаких противоречий с декретом о трестах и нет надобности говорить о нарушении принципов основного капитала. Возьмем другой пример. Наркомвнуторгу предоставлено право регулирования цен. Необходимость такого регулирования вызвана тем, что в силу громадной изношенности и отсталости нашего основного капитала страшно дорога наша продукция и до тех пор, пока этот капитал не будет на уровне современной техники, до этих пор трест не может калькулировать низко свои цены. Однако политическая обстановка требует понижения цен, и потому Наркомвнуторгу дано такое право. В основе необходимости регулирования цен лежит, таким образом, тяжкое состояние основного капитала страны, устарелость его оборудования, продолжительное невозобновление его, отсталая техника и т. д. Если бы этого не было, я убежден, что нам не нужно было бы такого жесткого вмешательства Наркомвнуторга в смысле принудительного понижения цен трестов. Мы знаем, что это принудительное понижение цен сплошь и рядом режет тресты, что т. н. предельные цены ниже себе стоимости в очень многих случаях. Но мы вынуждены это делать в силу особых условий переходного времени. Такая временная необходимость не может быть основанием для изменения декрета о трестах, устанавливающего право треста продавать свою продукцию по ценам по своему усмотрению.

Основной закон о трестах, основные его принципы—хозяйственная инициатива и автономия трестов—должны оставаться незыблемыми, иначе мы задержим развитие производительных сил страны,

С. Л. Драбкин. Что декреты о трестах от 10 апреля и 17 июля 1923 г. подлежат пересмотру—не нуждается в дальнейшем пояснении. Важна лишь постановка вопроса и правильное его разрешение. Четкая терминология, особенно в наших законах, является чрезвычайно необходимой и потому выявляется очередная задача увязки с Гражданским Кодексом декретов о трестах. Для примера достаточно сравнение ст. 22 Гр. Код. со ст. 3 й декрета о трестах от 10/IV—23 г., где можно легко усмотреть, что существует определенная неувязка в содержании такого основного понятия, как „промпредприятие".

Если взять эти два определения, в этих двух основных законах, то выявляется, что у нас фактически, в нашем законодательстве, единого понятия о промышленных предприятиях не существует, потому что тогда надо сказать, что отделения и магазины трестов не могут быть отчуждаемы и являются имуществом из'ятым из частного оборота.

Затем следует остановиться на некоторых правно-политических моментах. Тов. Бухарин в одном из своих докладов употребил очень меткое и удивительно точное выражение. Он ска-

зал, что мы сейчас находимся в стадии, когда мы перешли к „отпертому обороту", в противовес тому „запертому обороту", которым тов. Ленин называл эпоху военного коммунизма. Этот „отпертый оборот" диктует целый ряд положений, которые требуют внесения изменений в декрет о трестах, в частности в смысле увеличения об'ектов имущества трестов, не из'ятых из частного оборота и тем самым могущих усилить кредитоспособность трестов, а также постановки вопроса о расширении прав правлений трестов и раскрепощения таковых от мелочной опеки.

Поскольку мы подошли к более планомерному ведению нашего хозяйства, постольку идея планирования в нашей госпромышленности начинает получать некоторое завершение и нуждается в более или менее правильном правовом выражении в едином декрете о трестах, охватывающем общесоюзную, республиканскую и местную промышленность. Трест, как таковой, предоставляет только в установленные законом сроки производственный, финансовый, кредитные и проч. планы и в дальнейшем в пределах этого плана правление предприятия распоряжается вверенным ему имуществом.

Вопросы о праве распоряжения правления треста вверенным ему имуществом и усиления кредитоспособности треста упираются в нынешнюю редакцию статьи 22 Гражд. Код.

С нашей точки зрения следует выдвинуть такое положение, что имущество трестов, сосредоточенное в основном капитале, должно быть разделено на имущество безусловно не отчуждаемое и условно отчуждаемое. Безусловно не отчуждаемым должно считаться то имущество, которое обеспечивает монополию государства на промышленную деятельность в данной отрасли промышленности и характеризует эту монополию, все же остальное имущество является условно отчуждаемым и может быть, в случае ненужности или непригодности для данного треста, отчуждаемым в установленном порядке.

Также необходимо проработать в новой редакции декреты о трестах, и раз навсегда разрешить вопрос о взаимоотношениях правлений трестов с заведениями и учреждениями, которые входят в их состав. Практика разрешения этого наболевшего вопроса путем приказов по Наркомату должна быть заменена ясной и четкой директивой законодателя, обеспечивающей нормальную работу руководящего состава нашей трестированной промышленности.

Частная инициатива в области крупной промышленности в нашей стране отсутствует, а потому инициатива должна быть создана и укреплена в тех низовых ячейках, которые являются заведениями, входящими в состав трестов.

Затем вопрос об общесоюзных и республиканских трестах. Этот вопрос является чрезвычайно наболевшим в Украинской практике. То положение, которое установлено постановлением

Союзного ЦИК от 12 ноября 23 года об управлении предприятиями, имеющими общесоюзное значение, не достаточно четко и сводит республиканские органы на роль консультантов. Союзные республики должны иметь свое влияние и не только в смысле дачи заключений, но и влияние в управлении предприятиями, участвуя в направлении хозяйственной работы трестов общесоюзного значения.

Затем, необходимо в новом проекте декрета о трестах четко и ясно определить правовой режим, под которым будут находиться различные капиталы и фонды трестов, в частности резервный капитал, аммортизационный фонд и т. д.

Затем, последний вопрос,—это вопрос о межреспубликанских трестах. Этот вопрос является наболевшим. Есть также предприятия, которые в силу полученного нами от старого режима наследства, расположены на территории двух трех союзных республик и должны в силу своей хозяйственной структуры управляться из одного центра. Это такие тресты, которые не подходят под рубрику предприятий ощесоюзного значения. Они должны каким то образом управляться, доходы от них должны направляться в бюджет республик и интересы республик должны быть в этой области учтены и охранены.

М. С. Венецианов. Тов. Шахназаров указывал на то, что некоторые наши законы стесняют оперативную деятельность трестов, а, между тем, в центре ничего не делается для того, чтобы устранить эти затруднения. Он указывал на ст. 137 Гр. Код. и на Положение о подрядах и поставках. Дополнение к ст. 137 об исключении неплановых сделок было сделано по инициативе ВСНХ; могу указать на участие ВСНХ в проведении через Совнарком СССР раз'яснения о поставках.

Что касается Положения о подрядах и поставках, то Правовой Отдел взял на себя инициативу самостоятельной переработки положения.

Сейчас производится разработка законопроекта.

На прошлой неделе КЗП в Пленуме принял законопроект об отчуждении государственного имущества. В этом законопроекте ст. 22-я Гр. Код. преобразована; из нее исключены все те нежелательные элементы, которые действительно стесняют деятельность трестов. Между прочим, в законопроекте указано то, чего так хочет, повидимому, т. Шахназаров и чего до сих пор в законе не было, именно: что оборудование разрешается продавать не только тогда, когда оно негодно, но и тогда, когда оно не может быть в достаточной степени использовано, т.-е. непригодно.

А. И. Бегак. Тов. Шретер отметил, что когда создавалось законодательство о трестах, предполагалось, что элемент автономии будет превалировать над элементом, регулирующим и управляющим. Практика показала, что это не так, что элемент автономии сузился и централизованное начало, начало регули-

рования и управления доминирует. Отсюда исходят жалобы. Конкретно предлагают использовать 29-ю статью так, чтобы эта самостоятельность трестов восторжествовала. Мы откровенно должны сказать, что ст. 29-я противоречит всем другим статьям и в частности статье 28-й, в которой определяются правомочия правлений трестов. Противоречит уже потому, что согласно примечания к ст. 28-й п. „и" самим уставом каждого отдельного треста определяются рамки деятельности треста, при чем этим уставом, который вырабатывается ВСНХ, правомочия правления трестов могут быть сужены до „нек плюс ультра".

Шахназаров пошел по другому пути. Он сказал, беда не в том, что делается на местах, не в статье 29 й корень зла, а в статье 48-й и других. Он говорит: „ведь дело не в противоречиях, а дело в принципах". Если мы станем говорить о несовершенстве принципов, о том, что пора их изжить, тогда мы можем зайти очень далеко. Мы должны знать, что законодательство о трестах не есть случайный закон. Это есть целая эпоха в экономической жизни страны. Ведь имейте в виду, что не только ВСНХ суживает правомочия трестов, а и Совет Труда и Обороны суживает правомочия трестов. Это есть принцип, из этого надо исходить, и обходить этот принцип невозможно и недопустимо. Ошибка заключается в том, что Шахназаров и все одинаково с ним мыслящие не уяснили себе истинную природу трестов. Если бы они не заблуждались, полагая, что трест является самостоятельным суб'ектом прав, если бы они поняли, что трест является только доверенным приказчиком, которому вверяется имущество, если бы прониклись пониманием природы трестов и не переоценили бы их качества юридического лица, не смешали бы с суб'ектом прав в частно-правовом смысле, не забывали бы, что управляет и дирижирует Совет Труда и Обороны, а тресты только подчинены,—тогда не говорили бы о сужении полномочий трестов.

Второй, в высшей степени важный вопрос для нас, практиков-юристов, это—договорная практика трестов. Вот здесь все тресты и ВСНХ поставлены в невозможное положение, потому что, если они будут связаны гражданским кодексом, как законом сегодняшнего дня, и если они не введут в свою хозяйственную практику не только гражданский кодекс, но также и все хозяйственное право и правотворчество, как результат судебной практики, тогда, несомненно, тресты не выйдут из тех тисков, в которых они находятся в своей оперативной деятельности.

О Д. Шапиро. Несмотря на то, что основной капитал должен был утверждаться и утверждался ВСНХ и СТО, для того, чтобы овладеть им, приходилось вести определенную борьбу. Борьбу эту приходилось вести с различными наркоматами, с местными органами, и этот процесс не вполне еще закончился. Конечно, все негодное или малогодное имущество, ненужное тресту, может быть из'ято из его ведения. Но ни в коем

случае недопустимо положение, чтобы местные органы изымали сами у трестов имущество, вошедшее в основной капитал, полагая, что они лучше чем тресты смогут владеть имуществом треста. Такие самостийные действия, с которыми мы сталкивались не только в лице губисполкома, но и райисполкома, недопустимы и несомненно то, что против них нужно бороться.

Второй момент,—это относительно сведений и отчетности. Тут я должен сказать, что действительно положение предприятий трагическое, в буквальном смысле слова. Бухгалтерия, это одна из мученических частей нашего аппарата в настоящее время, благодаря формам отчетности. Обилие требуемых сведений и форм приводит в ненормальное состояние счетоводство, а ведь счетоводство должно быть обязательно в нормальном состоянии, чтобы мы всегда могли знать, в каком состоянии производство на каждом отдельном предприятии. Затем я хотел остановиться на вопросе о взаимоотношениях с местной властью. Когда местная власть требует от нас докладов по каким-либо вопросам, то тут, поскольку речь идет о сахарной промышленности, мы осуществляем непосредственно смычку с селом, мы рассматриваем себя, как рассадник высокой земледельческой культуры, и охотно идем навстречу.

Но если нам скажут, что местные органы, волоисполком и др. будут нас контролировать, будут требовать отчета и подчинения наших действий их требованиям, то, конечно, мы будем возражать, и в этом смысле мы должны бороться против таких тенденций местных органов власти

М. И. Ельевич. Докладчики приходят к выводам, что в декрете имеется ряд дефектов, что их необходимо исправить. Выступают оппоненты, и что же мы слышим? Выступает т. Шретер, который говорит, что этот декрет совершенно отстал от жизни, что его нужно в корне переработать.

Мы, работники трестов на местах, абсолютно этого не чувствуем, и не видим, чтобы декрет нужно было изменить в том направлении, на каковое указал т. Шретер. С другой стороны, т. Розенблюм выступил с совершенно другим утверждением. Он сказал, что все те недочеты, на которые указывали здесь докладчики, абсолютно ничего не значат и что декрет вообще абсолютно не требует изменения. Это тоже перегиб палки.

Я скажу только одно, что мы, работники трестов, чувствуем необходимость исправления декрета на своей спине и чувствуем не только ежедневно, а, пожалуй, ежечасно.

Неразбериха законодательства, недостаточность его чрезвычайно больно сказывается на нас.

Я думаю, что все юрисконсультаты согласны с тем, что мы, прежде всего, когда беремся за пачку полученных газет, спешим просмотреть „Торгово-Промышленную Газету". Мы смотрим,

какие есть приказы ВСНХ, нет ли срочных или ударных указаний, приказы не только раз'ясняют нам закон, они иногда их видоизменяют. Это факт. Мы этими приказами пользуемся не только в работе трестов, но и когда выступаем в арбитражных комиссиях, мы оперируем там ими, как законодательным материалом. Необходимо, чтобы приказы, имеющие отношение к толкованию законов и раз'яснению их, проходили через Правовой Отдел ВСНХ, чтобы они были согласованы с ним, это будет правильно, и тогда нам будет легче работать.

Х. Э. Бахчисарайцев. Проф. Шретер, соглашаясь, что в тех или иных отношениях практические условия работы трестов приводят к необходимости некоторых изменений в действующих нормах, вместе с тем неоднократно подчеркнул, что ответственность за непоявление до сих пор соответственных новелл падает собственно на юристов, которые не сумели надлежащим образом сформулировать и обосновать доводы в пользу того, что та или иная новелла назрела и что вопрос требует надлежащего разрешения.

Такой выход и такого рода оценка мне кажутся в корне неверными. Здесь уже указывали, и это единственно возможная в нашей работе предпосылка, что право есть продукт исторического развития и что рост или изменение каких-либо его положений диктуется нашей экономикой. Это относится к праву декретному, а равно и к нормам, еще в форму законов не облеченным. Напомню, например, положение синдикатов. Можно ли при таких условиях говорить, что отсутствие или задержка в изменении тех или иных положений зафиксированного права зависели от того — умелые или неумелые были подмечены юристами в пользу соответственной новеллы аргументы.

Позвольте перейти непосредственно к вопросам прослушанных нами докладов. Тов. Ломов указывал нам, что сейчас как раз подоспел момент для того, чтобы уже не бросались просто общие формулировки тех или иных правовых положений, а чтобы их достаточно прорабатывали и уточняли. Я думаю, что это чрезвычайно правильное замечание. Мы должны поставить вопрос, совпадает ли декрет о трестах во всех своих положениях с утвердившейся практикой. Можем ли мы считать, что к декрету о трестах приложима одна из двух крайних трактовок, которые наметили здесь некоторые ораторы. Является ли он чем-то незыблемым, сохранившимся неприкосновенно, либо он отжил в своем основном, в определении пределов и характера автономности Правления, руководящего данной хозяйственной организацией.

Прежде всего мы должны сказать, что даже самое понятие треста очерчено сейчас декретом недостаточно точно (не даром над уточнением его работали последнее время в самом же Правовом Отделе ВСНХ). Сейчас для нас совершенно ясно, безотносительно к тому, как будет строиться управление нашей

трестированной промышленности (т.-е. с ударением в пользу Правления, или регулирующего центра), что при организации нашей промышленности в форме трестов целеустремленностью их является достижение возможно большей, в данных условиях плановости хозяйства. Между тем это обстоятельство, которое является основным,—в формулировке понятия треста, даваемой декретом, совершенно отсутствует.

Другой существенный вопрос—надо ли развивать ту автономию Правлений треста, которая была прокламирована декретом (в частности, в его 29 статье) или констатировать, что к настоящему моменту автономия эта сильно урезана и что это правильно и подлежит зафиксированию в декрете о трестах. Напомню, что в сегодняшних „Известиях" имеется указание в речи Председателя ВСНХ СССР, которое решительно отвергает гипертрофирование централизма. Нужно, во всяком случае, констатировать важность этого вопроса о том, где центр тяжести трестовской организации—в правлении, как это в декрете, или он передвинулся уже из этого органа в орган центрирующий.

Надо далее отметить необходимость вообще уточнения прав и обязанностей той системы органов, которая пирамидально идет в организации треста, начиная с центра, кончая периферией, начиная с Президиума ВСНХ и ЦУГПРОМ'а, переходя к правлению и его органам.

Декрет обходит молчанием взаимоотношения между трестами и заводами, т.-е. им не поставлена и не была, хотя бы в основном, разрешена, проблема заведения и взаимоотношений к ним треста. За эти два года, с 1923 по 1925 г., в этой области произошел большой сдвиг, и если мы слышим от хозяйственников и юрисконсультов трестов и видим попытки укрепить автономию самого треста в отношении ВСНХ, восстановить ее в первичном виде, как она прокламирована декретом, то с другой стороны настойчиво выдвигается практикой жизни требование, чтобы известную автономию, свою хозяйственно-юридическую физиономию могли иметь те единицы, которые входят в состав треста и которые являются основной нашей хозяйственной базой. Об этом не раз уже отмечалось в прессе и упоминалось также в одной из речей председателя ВСНХ. Здесь необходимо что-то сделать и этот вопрос отразить так или иначе в декрете, о чем и следовало бы выразить пожелание в резолюции, т. к. нынешнее разнобойное разрешение его практикой ждет своего нормального разрешения.

Б. В. Шейдлин. Тов. Шахназаров указал, что жизнь пошла вперед и вместе с тем наши узаконения о трестах отстали от жизни, что та наслойка, которая над законом сделана, эти раз'ясняющие циркуляры или приказы стесняют гражданский оборот наших трестов. Тов. Лебедев указал, что такого рода понимание приказов, когда выражение „малоценное" является в недостаточной мере деталированным, требует дальнейшего развития, является

юридической придирчивостью, что фактически хозяйственники не так подходят к раз'яснению. Тов. Лебедев в этом отношении был не прав, так как если законодатель находит нужным раз'яснять такую мелочь, как списание безнадежных долгов от 10—15 р., если он находит нужным в законодательном порядке указать, можно ли их списать или нельзя и в каком порядке, то тем более это относится к такому понятию, как „малоценное имущество", и когда речь идет не о десятках, а тысячах рублей.

Тов. Шретер сказал, что мы понимаем, что жизнь ушла вперед и законодательство не поспевает за нею. Но мы были бессильны, потому что юристов рассматривают не как правотворцев, а как людей, которые призваны изворачиваться из любого положения. Почему же—спрошу я—не создать такого положения, которое существует в Ленинграде, когда юристы совместно с хозяйственниками, разрешают вопросы и когда мы видим, что толкование не помогает, что это будет притянуто за волосы, мы прямо заявляем; „Поступайте, как знаете, закон не дает ответа на тот или другой вопрос".

Затем вопрос о государственном управлении со стороны центральных органов или вопрос о вмешательстве в оперативную деятельность трестов.

Надо пожелать, чтобы во всех тех раз'яснениях, во всех тех приказах и указаниях, которые пойдут от ВСНХ, было одно стремление,—возможно расширить рамки оперативной деятельности правления треста на основе и принципах декретов о трестах.

К. Р. Петров. Я с Южного Урала. Насколько вам известно, Урал переживал особую судьбу. Нам пришлось ликвидировать колчаковщину, так что органическое развитие жизни на новых началах несколько задержалось. Первым строителем государственной и общественной жизни на Урале явилась освободительница Красная Армия, военные организации. Другие элементы населения не были еще достаточно организованы, в частности это относится и к организациям заводских рабочих. Вот приблизительно от половины 1920 г. или несколько дальше продолжался период организации власти на указанных началах. Именно в это время наблюдались случаи вмешательства в деятельность промышленных предприятий органов местной власти. Тогда мы обращались в центр и Уральское Промбюро с просьбой о запрете. Почти что в тех же самых выражениях, как формулирован принцип „автономии" трестов т. т. Крупновым и Сухаревским, получались указания органам местной власти из центра и от Промбюро.

С того времени остался неразрешенным вопрос о занятии местными властями заводских домов. Материалы по этому делу давно переданы в ВСНХ.

В половине или в конце 1920 г. организующим началом новой жизни, в частности в правовой области ее, стала завод-

ская промышленность. Такое назначение ее определилось как экономической мощностью, так равно и большой дисциплинированностью рабочих, благодаря которой им не только удалось наладить дело управления заводами, но также одновременно принять на себя строительство жизни во всех других областях. Естественно, что с 1921 года „вмешательство" стало носить характер незначительных случаев, которые удавалось ликвидировать на месте. Когда мы получили впоследствии законы о трестах от 10 апреля и 17 июля с установлением защиты деятельности трестов от вмешательства со стороны, то должны были сказать, что практического значения они иметь не будут. Те отношения, против которых они направлены, изжиты, отошли в область истории.

Если действительно предстоит вопрос относительно пересмотра закона о трестах, то единственно в одном направлении, в направлении согласования этого органического закона промышленности с новыми узаконениями, начиная приблизительно с осени 1923 г., носящими характер планирования в промышленности.

А. Г. Земмеринг. — Среди трестов, организованных на началах коммерческого расчета, имеется группа трестов, которая отличается некоторой своеобразностью своей конструкциии. К этой группе принадлежат тресты, которые осуществляют так-называемые государственные монополии. К такой группе принадлежит, прежде всего, Уралплатина, трест, в котором сосредоточена вся платиновая промышленность. Эта своеобразность заключается, прежде всего, в том, что такие тресты лишены возможности и права свободно распоряжаться своей продукцией. Другими словами, они не могут осуществить, так-называемого, коммерческого расчета. По закону, на основании декрета о государственной монополии на платину, мы лишены возможности кому бы то ни было сбывать свою продукцию. Мы обязаны, в силу закона, сдавать ее непосредственно Наркомфину. Таким образом, это обстоятельство должно выделить нас из общей системы всех трестов; нас надо выделить в особую группу, для нас должно быть создано определенное новое положение или особый отдел в будущем декрете о трестах. Эти тресты должны быть безусловно выделены, должна быть точно определена их юридическая природа и должно быть выработано о них особое положение. Вызывается это тем, что такое наше положение, что мы подводимся под общее понятие треста, сплошь и рядом вызывает весьма большие недоразумения, как с местными властями, так и с органами горного надзора.

У нас на Урале по отношению к некоторым трестам имеются выступления местной власти, которые носят не случайный характер, а в которых уже замечается некоторая система, именно в стремлении к увеличению средств местного бюджета. Места весьма страдают недостатком средств, и вот они изыскивают

всякие способы, как бы пополнить эти средства, и прежде всего, их внимание направлено на промышленность.

Шнееров А. А.—Здесь говорили о том, что необходимо приступить к пересмотру декрета о трестах. Надо отдать себе отчет в том, что мы думаем, когда говорим, что необходимо приступить к пересмотру декрета о трестах. Декрет о трестах представляет собой определенную систему управления и регулирования госпромышленностью. Мы,—юристы-хозяйственники, но, конечно, мы не экономисты. Надо же признать, что заниматься разрешением глубоких экономических проблем мы не призваны, но пересмотреть декрет о трестах значит пересмотреть хозяйственную систему. Я думаю, что если бы мы предложили вам доклад в таком виде, то в конечном итоге мы не достигли бы тех задач, которые мы ставили перед совещанием. Наша задача скромнее. Мы не ломаем системы, ибо для того, чтобы сломать эту систему, нужен целый ряд веских экономических оснований, серьезных экономических аргументов. Декрет о трестах, конечно, не совершенен. Но не ломая принципов его, не ломая той системы, которая создалась на почве этого декрете, мы можем указать, что в самом декрете есть дефекты, которые могут привести к таким то ненормальным явлениям и т. д. В такой форме поставить вопрос для нас было значительно лучше и вот почему.

Мы ждем реальных результатов от нашего совещания. Мы немедленно, может быть завтра, когда будем выносить резолюцию по этому докладу, можем сказать, что сейчас же, не ожидая коренного пересмотра закона о трестах, мы должны внести в этот закон некоторые изменения для того, чтобы уничтожить те неувязки, шероховатости, которые встречаются в работе трестов. С этой точки зрения мы подошли к предложенному нами докладу о трестах. Мы предлагаем затронуть целый ряд вопросов, которые имеют большое практическое значение. Вопрос о ст. 14-й,—о капитале трестов. Это не маленькая проблема. Это статья, которая на практике имеет большое значение. Тов. Шахназаров жаловался на то, какая страшная вещь получается в связи с этим декретом, когда приходиться менять основной капитал. Ст. 14-я в новом виде как раз освобождает от тех крупных затруднений, которые встречают тресты в своей работе, когда им приходиться менять основной капитал.

Вопрос о ревизионных комиссиях—очень больной вопрос. Но мы его разрешаем, не меняя системы взаимоотношений между трестами и ревизионными комиссиями. Может быть указан еще ряд таких замечаний, для которых надо найти юридическую формулировку. Если бы мы пошли по этому пути, то совещание достигло бы больших результатов, чем когда оно занялось обсуждением не вполне продуманных соображении т. Шахназарова о необходимости пересмотра закона о трестах. Мне кажется, что для нас важны фактические материалы для пере-

смотра вопроса о трестах. Чрезвычайно важно развернуть картину о деятельности трестов, как этот декрет преломлялся в жизнь, важно было собрать соответствующие материалы, потому что нельзя же приступать к пересмотру такого большого законодательного акта без этих материалов. Все те сведения, которые дали товарищи здесь, они будут учтены, но отсюда отнюдь не вытекает, что мы должны поставить этот вопрос сейчас же и вынести по нему резолюцию.

Позвольте перейти к частным замечаниям, которые я имею по докладу тов. Шахназарова.

Тов. Щахназаров обижен на Правовой Отдел за то, что он не дал раз'яснения, которые давали бы возможность обойти ст. 22.

Шахназаров (с места).—Я отнюдь не желал этого.

— Вы говорили, что по ст. 22 можно больше прав дать Промбюро и трестам. Вопрос о ст. 22 два года назад был поставлен ВСНХ в законодательных органах. Законопроект сейчас находится в КЗП. Согласитесь, что при наличии ст. 22 Правовой Отдел ВСНХ не мог разрешить вам ряд недоуменных вопросов, мы могли создать лишь тот приказ № 307, который так разделан был здесь Шахназаровым. Этот приказ можно критиковать, но не в этом дело. Важно здесь вот что: можно ли было создать другой приказ более широкого содержания при наличии ст. 22-й. Нельзя. Какой бы приказ вы ни написали, технически быть может, лучший, но по содержанию он не был бы шире. И обиды т. Шахназарова направлены не по адресу.

А. М. Шахназаров. Мы, юристы, в Советском Союзе на восьмом году продолжаем еще быть догматиками. Мы боимся выйти из догматической скорлупы к свету политико-правовых суждений. Мы увязли в догме права. Если проследить за юридической мыслью, как она у нас в Советском Союзе отражается в литературе, мы с сожалением должны сказать, что происходит торжество идей легализма,—торжество таких идей, которые абсолютно не вяжутся с идеями совето-власти. Проф. Шретер указывает, что доклад вышел вермишельный. Я не виноват; иначе не могло быть. Ведь речь идет о применении декрета на практике, следовательно, о регистрации определенных правовых, или правообразующих фактов. Я регистрировал и, по мере возможности, об'яснял.

Теперь перехожу к возражениям тов. Бегака. Не стоило бы останавливаться на них, но я хочу только отмести это возражение. Когда оппоненту нечего отвечать, он начинает придумывать и навязывать своему противнику мысли, которых тот не только не высказывал, но и не мог высказать.

Я говорю: согласуйте идею регулирования с законом от 10 апреля. Нужно это сделать или нет. Тов. Розенблюм говорит нет, потому что это есть переходящее явление. Неправильно. Нельзя усыплять правовую мысль, нельзя останавливаться на

том, что все хорошо, что в этом лучшем из миров все обстоит благополучно.

Мысль законодателя от того, что все молчат, что все, наоборот, славословят, усыпляется, и законодатель, также думает, что все обстоит благополучно. Надо на это указать. Это отнюдь не обозначает пересмотр принципов. Нет. Я говорю, что нужно согласовать все то новое, что последовало после декрета от 10 апреля.

Выводы из моего доклада таковы. Речь идет не о пересмотре принципов, изложенных в декрете о трестах. Наоборот, я говорил с полной ясностью, что декрет этот жизненен, что идеи, заложенные в нем, оправданы жизнью; но я говорю о необходимости согласования разноречивых законов и это входит в нашу компетенцию. Мы должны высказать наше мнение хозяйственникам, которые не могут этим вопросом заниматься. должны высказать о необходимости согласования правовых норм, в соответствии с линией нашей экономической политики. Согласование же это возможно.

Еще одно, чтобы не было сомнений. Когда я говорю „государственное управление", я вовсе не имею в виду нормативной деятельности Наркомата, я вовсе не имею в виду деятельности старого министерства дореволюционного или современного министерства на Западе. Государственная власть в лице наркоматов должна активно управлять, но управлять в смысле увязки в плановом порядке. Но это управление отнюдь не надо смешивать с хозяйственным администрированием имуществом треста, а, между тем, можно было бы привести тысячу примеров, не менее блестящих, чем те, которые приводили товарищи Крупнов и Сухаревский, когда деятельность ВСНХ—высокого учреждения, призванного управлять промышленностью, часто сводится к мелочной опеке и мелочному вмешательству в повседневную оперативную деятельность отдельных трестов. В особенности, это относится к отделам, далеко не увязанным между собою. Если невозможно разжать возжи, то я уже указывал и хотел бы еще раз подчеркнуть, что у ВСНХ есть союзные республики, у союзных республик есть областные и центральные совнархозы и промбюро. Можно передать ряд функций этим органам. Можно децентрализировать государственное управление, и это отнюдь никакого поворота в нашу экономическую политику не внесет и никаких потрясений основ в этой политике, будьте уверены, не произойдет. Прочтите более подробно брошюру тов. Циперовича „Мы сами" и вы убедитесь, что никаких потрясений в экономической политике не будет.

С. Г. Крупнов. Тов. Шнеерсон уже отметил основной уклон наших прений. Это то, что прения прошли по линии общего или, как здесь выразился один из оппонентов, даже коренного пересмотра декрета о трестах.

Наша задача была более ограниченной и скромной—показать, какие препятствия встречает применение декрета о трестах. И мы с тов. Сухаревским постарались осветить, возникли ли эти препятствия из органического порока самого закона. Мы сказали: нет, и отметили положительные свойства этого закона и прямо указали, что не к коренному пересмотру декрета о трестах мы зовем. Нет, наоборот, нужно проводить углубление и укрепление тех начал, которые получили в нем свое обоснование. Вот, собственно, к чему мы зовем. Но мы вместе с тем не отказались от того, чтобы констатировать некоторые дефекты декрета, устранение которых позволит лучше применить его положительные свойства в жизни. Мы осветили те трудности, которые тресты встречают в своей жизни. Мы посильно старались указать источники и причины этих затруднений. Одним из таких источников мы называли некоторую несогласованность законодательных актов, имеющих непосредственное отношение к этому вопросу. Мы имели при этом в виду как самый декрет от 10 апреля, так и постановление ЦИК'а от 12/XI—23 г. о порядке управления обще-союзными предприятиями и положения о Губисполкоме как старого, так и нового типа. И говорили, что эта проблема серьезна. Я полагаю, что, пожалуй, дело не столько в несогласованности тех законодательных актов, которые призваны регулировать этот вопрос, сколько в том, чтобы согласованно их понимать. И тогда в значительной степени те затруднения, которые мы иллюстрировали столь обильным материалом, они, быть может, иссякли. Я глубоко убежден, что громадная масса этих трений, если не все целиком, проистекает вовсе не из злой воли исполнителей или тех, кто имеет отношение к трестам. Нет, они проистекают от их понимания закона, которым они руководствуются. Следовательно, наша задача сводится к тому, чтобы стремиться к установлению этого согласованного понимания.

Позвольте взять один из самых последних законодательных актов, который нам нужен для этого момента. „Положение об Уральском Облисполкоме". Пункт „к" ст. 47 дает право Облисполкому контролировать и ревизовать предприятия, непосредственно подведомственные центру. Это чрезвычайно важная и значительная функция и, само собой разумеется, ее нужно согласовать с подведомственностью треста в отношении контроля и ревизии Высшему Совету Народного Хозяйства. Затем, тому же Облисполкому предоставлено осуществление руководства и наблюдение за государственной общесоюзной промышленностью. Но ведь то же самое предоставлено и ВСНХ. Следовательно, нужно опять иметь согласованное понимание этих законодательных актов. То же самое относится и к Окрисполкому. Окрисполкому принадлежит контроль над предприятиями, не подведомственными Окрисполкому. Значит, нам нужно с Окрисполкомом дотолковаться, в какой мере этот контроль должен

быть согласован с декретом от 10-го апреля. Вчера тов. Гурари напал на тов. Сухаревского за то, что он не сумел понять правильность требований Волисполкома, чтобы представители общесоюзных предприятий 4 раза в год в обязательном порядке докладывали Волисполкому о состоянии дела и т. д., и сказал, что это значит не понимать советскую систему. Позвольте, тов. Гурари. Ведь ВСНХ, это тоже не последнее звено в советской системе. Если ВСНХ оспаривает право Волисполкома на то, чтобы обязать общесоюзные предприятия делать ему регулярные доклады, то, очевидно, что одно из звеньев советской системы находит, что такое понимание декрета от 10-го апреля Волисполкомом не соответствует советской системе. Точно так же, когда мы на основании, тут было сказано пренебрежительно, „слезниц трестов", когда мы на основании этих „слезниц" составляем наши заявления в высокие государственные учреждения и добиваемся там отмены тех или иных требований, как, например, мы это сделали в отношении Кубанского Окр. Исполкома, который в 48 час. пожелал получить средства общесоюзного предприятия на постройку дома крестьянина, то это значит, что ВСНХ, скромное звено в советской системе—делает свое дело. Следовательно, когда я вчера приводил иллюстрации из этих 2-х томов размером в сотни страниц, которые относились только к одному Цугпрому и которые можно удвоить, если к ним прибавить материалы, которые находятся в Правовом Отделе ВСНХ и других отделах, то, конечно, мы не можем сказать „мелочи", как это было сказано. Позвольте, это мелочи, из которых складывается повседневная жизнь, позвольте на эти мелочи реагировать.

С этой целью, сознательно ограничивая себя в своем желании перейти к такой заманчивой широкой проблеме, как общий пересмотр декрета о трестах, которую действительно мы здесь не могли бы охватить в той мере, в какой нужно, ибо для этого нужна согласованная работа финансистов, экономистов, политических деятелей и законоведов, мы удовольствовались тем, что, отметив первые препятствия, которые каждый трест встречает на своем пути, мы указали на них и выразили наши колебания в резолюции, которая сейчас вам представляется.

Тов. Гурари вчера заявил: предлагаю отвергнуть резолюцию и, уцепившись за профессорскую тогу т. Шретера, пожелал заменить нашу резолюцию тем, что вытекает из доклада проф. Штретера. Я должен успокоить т. Гурари, что мы тоже „себе на уме". Проект нашей резолюции был выработан совместно с нашим уважаемым товарищем по работе проф. Шретером. Пойдемте по пунктам, и я буду все время помнить, что хотя эта резолюция одобрена проф. Шретером, но не одобрена т. Гурари (зачитывает резолюцию по пунктам, сопровождая их об'яснениями и аргументацией).

Вам указывалось на те стеснения, которые трест испытывает при ликвидации ненужного имущества. Мы делали все возможное, чтобы по возможности распространительно толковать постановление СТО от 3/X, но мы упираемся в точный смысл этого постановления, что оно касается только оборотного фонда, Мы не можем распространить это на неликвидное имущество, относящееся к основному капиталу. Это постановление дает возможность только протолкнуть тот проект о порядке отчуждения государственных предприятий, который давно внесен по инициативе ВСНХ, который КЗП принят и который теперь дожидается утверждения Совнаркома. Это в значительной степени разгрузит, если не разрешит тот вопрос, который здесь имеется в виду. Это ведь такой момент, с которым мы и вы постоянно соприкасаемся. Мы не можем вместе с т. Шахназаровым скушать ст. 22-ю. В этом отношении мы не можем дать хлеба т. Шахназарову. Пока ст. 22 существует, мы всегда должны будем давать твердое как камень заключение, что имущество, непригодное для данного треста, это вовсе не есть имущество, которое можно отчудить. Мы всегда должны будем говорить, что только имущество негодное для государственной промышленности, только его мы можем отчудить. Такова сила закона, и как бы некоторые здесь ни понимали мистически роль советского юриста, все-таки мы должны будем в конце концов считаться с ст. 22, пока она не раз'яснена в том смысле, как это понимает тов. Шахназаров.

Чрезвычайно важный момент, имеющий актуальное практическое значение, вопрос о полномочиях правления до регистрации треста. В какой мере оно полномочно совершать те или иные действия и в какой мере отвечает за них трест и, если не трест, то кто—не ВСНХ ли? Мы констатируем, что эти вопросы декретом не разрешаются и их надо разрешить.

Практика Совета Труда и Обороны создает ныне временные правления для реорганизуемых предприятий или заведений, раньше входящих в другие тресты. Временное правление снабжается полномочиями постоянного правления, в то время как ни точно определенного имущества не имеется, не имеется и устава. Это такое положение, на которое надо обратить внимание законодателя и которое нужно нормировать.

Относительно ст. 14 декрета тов. Шнееров уже говорил, что это опять-таки практическая мера. Не нужно, как сначала понимали: стоит тресту продать то или иное негодное имущество из состава основного капитала, и ВСНХ должен итти в СТО на предмет изменения ст. 14-й устава. Постарались облечить это тем, чтобы в конце года суммарно эти изменения отмечались в балансе треста и утверждались СТО. Мы говорим, что это не нужно, что ст. 14, в связи с ст. 28-й, должна быть толкуема в том смысле, что только решение ВСНХ изменить первоначально определенную сумму самого капитала, только оно

нуждается в утверждении в порядке ст. 14. Всякое изменение реального характера, проистекающее в результате оперативных действий или каких-либо событий, если при этом решено не изменять суммы уставного капитала, не обязывает итти в Совет Труда и Обороны.

Относительно ревизионной комиссии теза 8-я резолюции разрешает наболевший вопрос. В трестах говорят: приехала ревизионная комиссия, посмотрела, поговорила, написала заключение и потом жди—что скажет Цугпсом? С нашей точки зрения, интересы ВСНХ и трестов в одинаковой степени требуют, чтобы ревизионная комиссия свое заключение кроме вопросов, точно оговоренных, предварительно сообщала правлению на предмет возможности ему дать об'яснения в Цугпром'е.

И, наконец, последний момент—это по поводу ст. 47.

Невозможно, когда правой рукой Наркомфин вместе с ВСНХ определяет и точно фиксирует размеры прибыли и с этой настоящей прибыли нужно взыскивать те или иные налоги, а левой рукой на основании сведений, получаемых непосредственно от трестов, не прошедших контроля ВСНХ, Наркомфином исчисляется другая прибыль. Такое положение необходимо устранить. Коммерческая прибыль и прибыль, подлежащая обложению, должны быть идентичны. Это в проекте нашей резолюции отмечено, как актуальный момент, подслушанный нами у жизни.

Предлагаемая резолюция, конечно, не отвечает всем запросам, связанным с идеей пересмотра декрета. Это не было нашей задачей. Мы хотели только на первых порах под'итожить практические результаты нашего первого совещания с тем, чтобы приступить к разработке мер, которые мы наметили для устранения, по крайней мере, некоторых, если не всех, затруднений. Наша просьба эту резолюцию принять; она будет пополнена резолюциями по другим докладам и послужит для нас материалом для той работы, к которой мы надеемся приступить после нашего совещания.

Резолюция.

А.

I. Двухлетний опыт применения декрета о трестах доказал его жизненность, как устойчивого правового института для организации и управления промышленностью и использования производительных сил страны.

II. Однако, декрет о трестах до настоящего времени не согласован формально с важнейшими законодательными актами, вышедшими после его издания (образование СССР, денежная реформа, постановление ЦИК от 12/XI—23 г. и пр.)., он не

вполне отражает те плановые начала, коими характеризуется развитие государственной промышленности за истекший период (политика цен, постан. от 3/X—24 г. о реализации неликвидных фондов и пр.).

III. Повседневная деятельность трестов за то же время выявила значительные затруднения, какие им приходится испытывать как вследствие неправильного применения закона или нарушения прав, принадлежащих тресту, так и вследствие некоторых правовых дефектов закона.

IV. Для устранения этих затруднений представляется необходимым в самом декрете уточнить взаимоотношения ВСНХ и правлений трестов в деле управления и распоряжения имуществом треста и внести большую ясность во взаимоотношения ВСНХ СССР, ВСНХ союзных республик (и подведомственных им органов) в области передачи последним отдельных функций ВСНХ СССР.

V. В частности необходимо:

1. Для обеспечения трестам возможности выполнения задач, возложенных на них законом в области производственной и торговой деятельности, внести в декрет в разделе: „Общие положения" норму, точно определяющую действительную самостоятельность в производстве их операций (ст. 1 декр.).

В качестве материала для такой нормы надлежит использовать ст. 29 декр. от 10/IV, прим. к ст. 26 декр. от 17/VII и ст. 18 тип. уст. и установить в ней, что никакое центральное или местное учреждение не может вмешиваться в административно-хозяйственную и оперативную деятельность треста за исключением случаев, точно означенных в законе.

2. В целях устранения затруднений по сбыту собственной продукции треста, в подлежащих случаях в установленном порядке предоставить трестам право производить торговлю предметами, дополняющими собственную продукцию предприятия (дополнительный ассортимент), а также однородными с таковой.

3. Определить правомочия правления треста в период между днем его назначения, после утверждения устава, до дня регистрации треста, т. к. по декрету правление за этот период лишь производит проверку описи и оценку имущества, составляет вступительный баланс и подает заявление о регистрации треста; фактически же правление совершает все действия, предусмотренные ст. 35 декрета, при чем закон не устанавливает, в какой мере трест несет имущественную ответственность за эти действия.

В виду образования постановлениями СТО некоторых трестов с возложением на ВСНХ обязанности назначения временных правлений впредь до окончательного выявления имущества и утверждения устава,—предусмотреть в законе образование временных правлений в указанном порядке.

4. Ст. 14 декрета уточнить в том смысле, что порядок, ею установленный в отношении регистрации последующих изменений в уставном капитале, применяется в тех случаях, когда по решению ВСНХ должен быть изменен размер предоставленного тресту уставного капитала.

5. Уточнить ст. 25 декрета, в смысле возможности создания как междуведомственных, так и межреспубликанских трестов.

6. Дополнить ст. 28 декрета в отношении предоставления трестам, с разрешения ВСНХ, заключать договоры простого товарищества.

7. Точно определить порядок и об'ем коммерческой и статистической отчетности трестов, перечислив в самом законе органы, коим таковая должна представляться.

8. Уточнить правовое положение амортизационного, резервного и специальных капиталов треста.

9. Ст. 43 декрета дополнить в том смысле, чтобы ревизионные комиссии, одновременно с направлением заключений в ВСНХ, копии таковых сообщали правлениям трестов для предоставления последним возможности дать об'яснения, за исключением случаев, когда заключения касаются личной характеристики членов правления и сотрудников треста или содержат данные, могущие послужить основанием для возбуждения уголовного или дисциплинарного преследования.

Предусмотреть возможность образования об'единений ревизионных комиссий по отдельным отраслям промышленности в составе членов по усмотрению президиума ВСНХ.

10. В виду возникающих в связи со ст. 47 декрета вопросов, необходимо установить, что прибыль, подлежащая налоговому обложению, идентична с коммерческой прибылью, размеры коей определяются в порядке ст. 45 декрета.

Б.

Необходимо достижение полной унификации ст. 137 Гр. Код. как в УССР, так и в РСФСР на основе последней редакции ст. 137 Гр. Код. УССР, а также вновь принятого СНК УССР примечания к данной статье.

Правовое оформление синдикатов.

Доклад А. А. Шнеерова.

Темой моего доклада является правовое оформление синдикатов. Тема эта в последнее время обсуждалась в ряде совещаний при совете с'ездов торговли и промышленности, при совете с'ездов биржевой торговли и при др. учреждениях. Юрисконсульты синдикатов были привлечены ВСНХ к разработке проекта декрета о государственных синдикатах и конвенциях. Поэтому надо считать вопрос о их юридическом оформлении более или менее выясненным. А это дает мне право быть кратким.

Когда и как возникли синдикаты? В своем докладе о современном состоянии промышленного законодательства я уже указывал, что они вызваны были к жизни постановлением СТО от 12 августа 1921 г. о мерах к восстановлению крупной промышленности, как об'единения переведенных на хозрасчет предприятий, в целях совместного производства заготовительных операций. Однако, постановление СТО не содержало норм, определяющих их юридическую природу. Да эти нормы и не могли быть созданы в то время, так как не было еще никакой практики в этой области, не было опыта, которые могли бы подсказать нормы, регулирующие деятельность синдикатов. Как же слагалась практика синдицирования государственной промышленности? Хозрасчетные предприятия, проводя целый ряд операций, принуждены были в целях устранения конкуренции договариваться между собою по этим операциям. Операции по заготовке сырья, по реализации продукции, цены и финансирование явились предметом договорных отношений трестов. Устранение конкуренции между трестами, которая сначала приобрела значительные размеры, неизбежно выдвигало вопрос о длительных и прочных об'единениях их торговой, заготовительной и финансовой деятельности. Вот тот исходный момент, который толкает госпредприятия на путь об'единения. Если присмотреться к действиям и операциям, совершаемым синдикатами, то надо

сказать, что все эти действия и операции входят в круг действий и операций каждого треста в отдельности. Операции по заготовкам. Каждый трест может производить эти операции самостоятельно. Операции по сбыту, по реализации продукции. Точно так же каждый трест может вести их отдельно. Установление цен. Каждый трест устанавливает цены в пределах, определенных законом. Организация подсобных предприятий, необходимых для приспособления продукции треста к требованиям рынка и т. д. Все это такого рода операции, которые входят в круг деятельности трестов, выполняются трестами и которые, как видите, стали операциями синдикатов. Таким образом, следует сказать, что деятельность синдикатов не есть особая независимая от трестов, а является кооперированной деятельностью тех же трестов.

Цели и задачи, которые преследуют синдикаты, определяются теми целями и задачами, которые ставят себе входящие в синдикаты тресты. Вот, исходя из этих задач и целей, можно и поставить вопрос о юридическом оформлении синдикатов и конвенций. Экономическая природа синдиката должна подсказывать нам юридическую форму, в которую синдикаты и конвенции должны быть облечены.

Можно ли строить синдикаты по принципу акционерных обществ? Если мы говорим, что синдикат есть кооперированная деятельность трестов, то раньше всего напрашивается ответ отрицательный. Акционерное товарищество не может служить той юридической формой, в которую следует облечь синдикат. Акционерное общество имеет в виду об'единение капиталов. Отношение акционеров к акционерному обществу основано на принципе получения дивиденда. Личное участие акционера в операциях общества обычно не предполагается. Акционер не принимает непосредственно участия ни в производстве, ни в торговых операциях общества, его заинтересованность в делах общества исчерпывается получением определенной прибыли на вложенный капитал. Вот основные задачи, которые преследует акц. о-во. Синдикат преследует не эти задачи. Он имеет в виду об'единить, синдицировать деятельность трестов. Отсюда напрашивается вывод—акционерная форма неприменима к построению синдикатов. Акц. о-во, как я уже сказал, имеет в виду произвести мобилизацию капитала. Отражение этого положения в законе является требование, чтобы в уставе акц. о-ва был точно определен размер основного капитала. Капитал не играет решающей роли в деятельности синдиката. Более существенное значение имеет личность участников. Если для деятельности акц. о-ва безразлично, кто является держателем акций, то для организации синдиката совершенно не безразлично, кто является его участником, какие тресты в него войдут, какова их производственная мощность, какое количество продукции они смогут передать синдикату и т. д. Капитал необходим для синдиката

только постольку, поскольку он содействует производству об'единенных операций треста. Вот почему вопрос о капитале синдиката ставится иначе, чем в акц. о-ве. Капитал синдиката должен быть подвижным. Капитал синдиката колеблется в зависимости от количества его участников—трестов. При развитии операций синдиката естественно в синдикат вовлекается и большее количество участников. В начале мы имели синдикаты, которые об'единяли только отдельные тресты. Но в дальнейшем некоторые синдикаты охватили все тресты данной отрасли промышленности. С ростом участников синдиката увеличились и размеры их капиталов. Подвижность капитала синдиката. его способность увеличиваться или уменьшаться, должна быть учтена при их юридическом построении. Если проследить историю возникновения и рост капиталов наших синдикатов, то приходится отметить колебания их размеров и в сторону повышения, и в сторону понижения. Но если сообразить, что синдикат не является предприятием, которое преследует главным образом мобилизацию капитала, что участие трестов в синдикате не ограничивается только взносом определенного пая, что вступление в синдикат построено на принципе непосредственного участия в его операциях, если капитал синдиката варьирует, либо повышается, либо уменьшается, то мы должны сказать, что принципы акционерного права при юридическом построении синдиката не могут быть использованы. Юридическая конструкция синдиката ближе всего к товариществу с переменным капиталом и составом. Такая конструкция соответствует тем задачам, которые преследует синдикат.

Но такая постановка вопроса не исчерпывает еще всей сложности этой проблемы. Синдикаты являются крупнейшим фактором в системе хозяйства, оказывающим сильное влияние на тресты. Тресты являются органами управления государственной промышленностью. Государство предоставляет им определеннную самостоятельность в производстве промышленных операций. Следовательно, синдикат, об'единяющий деятельность, является организацией тесно связанной с государственной промышленностью, является фактором, который влияет и воздействует на развитие этой промышленности. Отсюда вырастает следующий вопрос: как построить синдикат чтобы его воздействие на промышленность не расходилось бы с проводимыми государством планирующими началами.

Возникает вопрос о подведомственности синдикатов, ибо планирование и регулирование нашей госпромышленности производится в форме подведомственности трестов подлежащим наркоматам и СТО. Сочетание начал товарищества, предоставляющих трестам право добровольно входить в синдикатские об'единения, с началом подведомственности, началом регулирования и планирования и составляет наиболее сложную сторону проблемы юридического оформления синдиката. Как разрешается эта про-

блема проектами законов, которые в настоящее время находятся на рассмотрении законодательных органов? Мы имеем две попытки оформить синдикаты. Это проект ВСНХ о государственных синдикатах и конвенциях и проект Наркомвнуторга о государственных синдикатах. Подробно излагать их не буду, предполагая, что они в значительной степени известны. Проекты Наркомвнуторга и ВСНХ различаются между собою главным образом в двух моментах: в конструкции синдиката, в построении его или по типу товарищества с переменным капиталом и составом или по типу акц. о-ва,—и в вопросе о подведомственности синдиката. Проект Наркомвнуторга строит синдикат как акц. о-во. Начнем с капитала. Устанавливает ли проект Наркомвнуторга определенный фиксированный в уставе размер складочного капитала синдиката? По проекту Наркомвнуторга определяется, что размер складочного капитала не может быть менее миллиона рублей. Кроме основного капитала проект предусматривает еще установление дополнительного капитала, который может в известных пределах колебаться. Но изменения основного капитала и дополнительного может происходить не иначе, как в порядке изменения устава. Так гласит ст. 63 проекта. Таким образом, построение капитала синдиката—повышение или понижение его в проекте Наркомвнуторга совпадает с тем построением, которое обычно для основных капиталов акционерных общсств.

Далее. Построение органов управления синдиката. В этом отношении проект Наркомвнуторга в значительной степени воспроизводит соответствующие статьи нашего акционерного закона. Проект предусматривает тот же сложный и громоздкий порядок открытия действий синдиката, каковой установлен для акц. о-в. Формы и способы оценки вносимого в покрытие паев имущества проект заимствует из соответствующих статей Гражданского Кодекса, относящихся к акц. о-вам. Определенное количество паев должно быть оставлено учредителями за собой. Таково требование статьи 326 Гражданского Кодекса. Статья эта целиком воспроизведена в проекте Наркомвнуторга.

Это сближение синдиката с акц. о-вом естественно предопределило в проекте Наркомвнуторга и разрешение той проблемы, о которой я говорил—о подведомственности синдиката. Поскольку, с точки зрения Наркомвнуторга, синдикат можно рассматривать как акц. о-во, как предприятие самодовлеющее, как предприятие капиталистическое, естественно сделать вывод, что о подведомственности синдикатов непосредственно какому-нибудь определенному наркомату не может быть и речи. С этой точки зрения можно говорить, что отдельные операции производимые синдикатом должны регулироваться соответствующими наркоматами, поскольку им предоставлено это действующими о них положениями. Так, в области торговой, если Наркомвнуторгу предоставлено право устанавливать известные лимитные

цены и проч., то естественно, что с точки зрения Наркомвнуторга в этой области, в области торговых операций, синдикат должен быть подчинен тем директивам и указаниям, которые дает Наркомвнуторг. Если синдикат производит какие-нибудь операции на внешнем рынке, то он должен быть подчинен в части производства этих операций Наркомвнешторгу и т. д. Иначе говоря, что поскольку отдельные операции синдиката уже действующим законом регулируются, и поскольку это регулирование распределено между соответствующими наркоматами, постольку и деятельность синдиката должна регулироваться соответствующими наркоматами. Принципу специальной подведомственности синдикатов определенному наркомату, проект Наркомвнуторга отвечает.

На иных основаниях построен проект ВСНХ. Раньше всего он приближает синдикаты к товариществу с переменным составом и переменным капиталом. Проект предусматривает изменяемость капитала. Вопрос об установлении минимального капитала поставлен проектом не в той плоскости и не в том разрезе, как ставит Наркомвнуторг. С какого момента синдикат приобретает право юридического лица, с какого момента возможно говорить об открытии действия синдиката—это должно быть связано с соблюдением определенных форм. Одной из этих форм может быть указание в законе на составление минимального складочного капитала. Но отсюда не следует, что капитал этот не может увеличиваться иначе, как в порядке изменения устава. Практика говорит, что иногда учреждаются синдикаты даже общесоюзные с весьма незначительным капиталом. Например, спичечный синдикат, имеющий общесоюзное значение открыл свои действия при наличии капитала в 100 тыс. рублей. Задачи синдиката не мобилизация капиталов трестов, а в об'единении их деятельности. Капитал синдиката не есть капитал капиталистического предприятия, а поэтому если допускать в законе установление минимального складочного капитала, то следует, во-первых, этот минимум фиксировать в очень невысокой цифре, а во-вторых, необходимо допустить его свободное повышение, не связывая это повышение требованиями изменения устава. Текучесть и изменяемость складочного капитала приводится вполне определенно в проекте ВСНХ.

Вопрос о подведомственности синдикатов. Этот вопрос разрешается ВСНХ иначе, чем Наркомвнуторгом. Поскольку синдикаты оказывают воздействие на производственную деятельность трестов, поскольку, следовательно, являются фактором регулирующим нашу промышленность, постольку возникает вопрос, что и деятельность синдикатов должна быть подчинена органам, регулирующим промышленность. Вот почему в проекте ВСНХ внесены довольно жесткие ст. ст. 28 и 29.

Устанавливая эти нормы, проект ВСНХ подчиняет деятельность синдикатов регулирующему воздействию наркоматов,

в ведении которых состоят тресты. Если разрешить вопрос о подведомственности синдикатов иначе, то создается явно противоречивое положение. По декрету 10 апреля о трестах ВСНХ принадлежит право управления и регулирования государственными промышленными предприятиями. Освобождая синдикаты от регулирующего воздействия ВСНХ, тем самым освобождается от этого воздействия в сфере торговой и финансовой деятельности и трест. А это не только означало бы нарушение декрета о трестах, но и повело бы к тому, что тресты, не входящие в синдикат, оказались бы в ином положении, чем тресты, создавшие синдикатское об'единение. Следовательно, законом должна быть точно определена подведомственность синдикатов, что и может быть достигнуто принятием ст. ст. 28 и 29 проекта ВСНХ. Отбросьте эти статьи и тем самым ВСНХ будет лишено возможности регулировать промышленность.

Вопрос о построении органов синдиката. Я уже указал, что в проекте Наркомвнуторга эти органы построены приблизительно так, как строятся органы акц. о-ва, при чем проект почти целиком воспроизводит соответствующие статьи Гражданского Кодекса. Проект ВСНХ вносит значительное упрощение в их построение. Участниками синдиката являются госпредприятия. Передача паев допустима лишь от одного госоргана другому. Поэтому вся сложность построения органов управления, обуславливаемая в акц. о-вах подвижностью акций, неприменима к органам синдиката. Поэтому упрощенность их построения в проекте ВСНХ доведена до максимальных размеров. Синдикат есть об'единение трестов, есть форма кооперирования их деятельности, поэтому построение органов синдиката должно приближаться к построению управляющих органов кооперации. Это, конечно, не означает, что нормы кооперативного права в этой части целиком должны быть перенесены на синдикаты, но некоторые правила, применяемые кооперативными организациями, использованы в проекте ВСНХ при установлении конструкции управляющих органов синдиката.

Вот наиболее существенные стороны проекта ВСНХ и Наркомвнуторга.

Я хочу еще остановиться на одном моменте, который об'единяет тот и другой проект и который является весьма существенным для понимания природы синдиката. Это вопрос о распределении прибыли. В том и другом проекте ясно и точно устанавливается, что прибыль синдиката должна распределяться между пайщиками. Тресты добровольно вступают в синдикатское об'единение, покрывают из предоставленного им имущества паи синдиката. Синдикат, как указывалось выше, является формой товарищеского об'единения. Порядок распределения прибыли между участниками синдиката, пропорциональный суммам принадлежащих им паев, обуславливается, следовательно, природой синдиката.

Перехожу к конвенциям. На-ряду с формой синдикатского об'единения, приближающейся к товариществу с переменным составом и капиталом, проект ВСНХ предусматривает другую форму сотрудничества трестов—конвенционные соглашения. Конвенции отличаются от синдиката тем. что они не совершают каких-либо торговых операций. Это есть договорные соглашения по вопросам регулирования цен на отпускаемые или заготовляемые товары, разграничение районов сбыта и заготовки товаров, определения ассортиментов изделий и изучения условий, определяющих рыночную кон'юнктуру. Конвенции не ставят своей задачей создание торгового аппарата, который совершал бы операции, входящие в круг деятельности трестов. В этом существенное отличие конвенций от синдикатов. Конвенция является договорным соглашением трестов. Но и синдикат строится на договорных отношениях, на принципе добровольного вступления в его члены. Различие между конвенцией и синдикатом следовательно не в их юридической природе, а в предмете, в об'еме договорных отношений. Конвенционные соглашения фактически сложились в двух формах. Легкие подвижные конвенционные соглашения, расчитанные часто на краткий период времени, например, на заготовительный сезон. Есть конвенционные соглашения крепкие длительные, об'единяющие часто большинство или даже все тресты данной отрасли промышленности,—конвенции, представляющие интересы целой отрасли промышленности. Такова металлическая конвенция, конвенция основной химической промышленности, лесная и др. Эти конвенции об'единяют все тресты той или другой отрасли промышленности, имеют довольно сложные органы управления, иногда значительные имущества и средства. Возникает вопрос, как конструировать конвенционные формы соглашения трестов. Проект ВСНХ устанавливает, как общее правило, что конвенционное соглашение не создает самостоятельного юридического лица. Но учитывая сложные конвенционные соглашения, о которых я говорил, проект ВСНХ предусматривает возможность предоставления управляющим органом конвенции прав юридического лица. Спрашивается, необходимо ли это, нужно ли это, имеются ли к тому достаточные хозяйственные основания. Эта точка зрения вызывает целый ряд сомнений. Обычно указывают что предоставление органам управления конвенции прав юридического лица стирает грань между синдикатами. Но это совершенно неверно. Различие между синдикатами и конвенциями идет не по этой линии, не по линии предоставления прав юридического лица, а по об'ему прав. Синдикат—торгующий орган, конвенция торговых операций не производит. Об этом я уже говорил и в этом коренное различие между синдикатом и конвенцией. Предоставление прав юридического лица ни в коей мере не означает то, что конвенция может сбиться со своего пути и заняться совершением операций, которые свойственны синдика-

там. Правоспособность юридического лица определяется уставом или договором. Поэтому если в договоре конвенции не будет указано, что ей присваивается право совершать торговые операции, то, естественно, никаких опасностей в указанном смысле быть не может. С другой стороны, необходимость предоставления органам конвенции прав юридического лица диктуется целым рядом очень важных экономических фактов. Крупные конвенции обладают имуществом, имеют нередко предприятия, которые необходимы для разрешения задач, стоящих перед ними. Эти подсобные предприятия имеют главным образом характер научный, испытательный (лаборатории, мастерские и проч.). Затем, конвенции часто вступают в целый ряд договорных отношений. Есть конвенции, которые, располагая крупным издательским имуществом, заключают авторские договоры, договоры на аренду типографий и пр. Если исключить возможность предоставления управляющему органу таковой конвенции прав юридического лица, то возникает целый ряд практических препятствий в деятельности конвенции.

Все указанные операции должны будут производиться либо всеми конвенционерами непосредственно, либо конвенционеры вынуждены одному или нескольким участникам выдавать доверенность на совершение этих действий. Такой порядок в настоящее время и практикуется, что вызывает целый ряд недоразумений, целый ряд технических трудностей. Чтобы устранить это можно и необходимо поставить вопрос о предоставлении исполнительным органам конвенции, в очень узкой, ограниченной сфере, прав юридического лица. Мы знаем, что по действующему праву, об'единения, не преследующие коммерческие цели, могут приобретать права юридического лица. В этом смысле проект ВСНХ не расходится с принципами, действующими в законодательстве. Проект Наркомвнуторга по вопросу о конвенции построен иначе. Он приближает конвенцию к простым товариществам. Но простое товарищество имеет в виду создание определенного предприятия, а конвенция не является предприятием, а поэтому форма простого товарищества, в итоге имеющего целью создание общего предприятия, общего имущества, не должна быть применена к конвенциям.

Вот существенные особенности проекта ВСНХ и проекта Наркомвнуторга. Исходя из разных оснований, они приходят к несходным юридическим построениям. Проект Наркомвнуторга не учитывает всех особенностей синдикатского строительства, сближает синдикаты с акц. о-вами и последовательно делает из этого сближения все выводы. Проект ВСНХ пытается облечь в юридическую форму опыт и практику синдикатского строительства. Надо сказать что проект ВСНХ принят в целом при рассмотрении его в Комиссии Законодательных Предположений.

Современная практика внутренних синдикатско-трестовских отношений.

Доклад Н. Г. Шкляра.

Целью моего содоклада является коснуться довольно определенного, ограниченного круга явлений, а именно: внутрисиндикатских отношений, тех отношений, которые слагаются в уже существующих синдикатах, между ними и составляющими их трестами. Представляется необходимым установить увязку между организационной и экономической сущностью синдицированной промышленности и теми юридическими формами, в которые облекаются внутренние соглашения между трестами и синдикатами, это—во-первых; во-вторых—установить увязку между этой организационно-экономической сущностью и методами обложения синдицированной промышленности.

Вопрос, как видите, чрезвычайно ограниченный, в достаточной мере конкретный, но необычайно острый в силу тех углов, которые в этом деле существуют и на которые ежедневно натыкается синдицированная промышленность.

Мы знаем, что синдикаты возникли в результате нэпа в тех целях, чтобы об'единить трестированную промышленность, но не методами административного воздействия, главкистскими методами, а методами коммерческой и торговой целесообразности, путем создания об'единенных аппаратов для сбыта и заготовок. Мы знаем, что синдикаты проявили с первого же момента своего существования тот живой, здоровый хозяйственный инстинкт в своей работе, вызвать который являлось задачей нэпа. Мы знаем, с другой стороны, что эта работа синдикатов натыкалась на естественную в ту пору сепаратистскую тенденцию, существовавшую у трестов—на ту центробежную силу, которую развили тресты, и поэтому мы имели стадию некоторой неувязки работы синдикатов и трестов. Однако, уже год тому назад, когда впервые в моей книге „Синдикаты" были подведены итоги работ синдикатов, стало ясно, что работа синдикатов в области торговой, финансовой и заготовительной приобрела уже доста-

точно крупные размеры и выразилась в весьма значительных суммах. Синдикаты завоевали то положение, которое должны были завоевать. Если вы возьмете данные этой книги, то вы увидите, что год тому назад синдикаты реализовали, я говорю относительно ряда крупных синдикатов, свыше 50% продукции трестов. В этих же размерах они выполнили и заготовительные функции. Таким образом, тенденция стать единым аппаратом торговым и заготовительным для трестированной промышленности осуществлялась довольно быстрыми шагами. В конце-концов мы имеем в лице синдикатов единый торговый и заготовительный аппарат трестов. Для нас чрезвычайно важно установить это положение, т.-е. что синдицированная промышленность представляет известное организационно-экономическое единство. Это особенно ярко подтверждается, когда мы обратим внимание на ее средства и на возникновение этих средств. Мы знаем, что когда синдикаты возникли, то они не имели возможности опереться на те незначительные и неликвидные фонды, которые им были предоставлены, с другой стороны—не могли опереться на вклады трестов, которые были внесены только на 50%, мы знаем, что они не могли рассчитывать и на кредиты со стороны трестов, которые, имея незначительный оборотный капитал, не имели возможности кредитовать синдикат, а, наоборот, сами нуждались в кредите. В результате этого синдикаты пошли по дороге организации кредита. Мы знаем, что эта дорога оказалась совершенно реальной, что количество кредитов, которыми была снабжена промышленность как по линии сметного кредитования, так и по линии банковского кредитования, за 1922—1923 г. достигла громадной суммы в 550 миллионов чер. рублей, т.-е. приблизительно одной трети всей стоимости государственной продукции за соответственный период. Являясь таким мощным финансовым аккумулятором, синдикаты бросали средства то в сторону производства, то в сторону торговой деятельности, то в сторону заготовительных операций,—словом маневрировали этими средствами так, как это было нужно и поскольку это было нужно. Если бы мы вздумали отделить операции синдикатов от жизни всей синдицированной промышленности, то мы чрезвычайно затруднились бы это сделать. Окончательно синдикаты стабилизовались только после кризиса 1923 года, вернее говоря, после последней их ревизии, вызванной осенним кризисом, когда на их голову посыпался целый ряд обвинений, весьма мало, по моему, основательных, так как работа их чрезвычайно мало была освещена. В конце-концов после пересмотра в целом ряде комиссий, в которых синдикаты проходили сквозь строй самых жестоких обвинений, они были признаны и сейчас находятся накануне законодательного оформления. Какова бы ни была их дальнейшая судьба, пойдет ли развитие их в направлении дальнейшего разделения продукции, или в направлении разделения основных их функций, т.-е. отделения торговых функций от заго-

товительных и затем финансовых, или пойдет оно в каком-нибудь другом направлении, для нас в настоящий момент важно установить только то, что синдикаты стабилизовались как признанная, одобренная форма организованной промышленности.

Если, исходя от этого основного положения, посмотреть, каким образом идет внутренняя синдикатская жизнь и как складываются юридические отношения между синдикатами и входящими в них трестами, то здесь мы наблюдаем полный разрыв этих двух концов. С одной стороны, организационное и экономическое единство,—а с другой стороны, совершенно несогласованная с ней практика. Я говорю о том явлении, которое каждому знакомо и каждый день проходит перед глазами: в пределах уже существующих отношений между синдикатами и трестами играют в совершенно ненужную игру, заключая договора со своими же членами. Такая практика исходит не из идеи единства, а из мысли об юридической самостоятельности трестов и синдикатов; этот принцип, верный в своей основе, перенесен в область внутренних синдикатско-трестовских отношений, т.-е. туда, где он превращается уже в некоторую ненормальность. Мы знаем, что тресты вступают в синдикаты, что, как правило, вступление это добровольное, но ясно, что когда тресты уже вступили в синдикат, то отношения между ними и синдикатом определяются уставом и именно устав целиком определяет и регулирует их ежедневные взаимоотношения, устав и постановления собрания уполномоченных. Практика-же, несмотря на это, линию договоров продолжает и внутри синдиката, переносит принцип договоров за ту грань, за которой должен действовать уже устав. Договора эти регистрируются, оплачиваются гербовым сбором, подлежат засвидетельствованию и т. д. и т. п. Что это такое? Это, несомненно, неувязка, какая-то игра в договоры, совершенно неувязанная с внутренним единством синдицированной промышленности. Внутренние отношения между трестами, вступившими в договор и об'единяющим их синдикатом есть отношения не договорного порядка, а уставного порядка. Это значит, что не свободная воля руководит и лежит в основе отношений между трестами, вступившими в синдикат и синдикатом, а 1) устав синдикатский, т.-е. определенная организующая воля государства, строящего свою промышленность так, а не иначе, и 2) воля общего собрания, которое постановило, что ты будешь проводить через синдикат, скажем, 50% своей продукции, а не 40%. Вот что лежит в основе внутренних отношений между трестами и синдикатами: воля государства и воля общего собрания, а не воля отдельных сторон, т.-е. треста и синдиката. Нельзя скрывать, что за этим положением, которое я считаю совершенно достаточным для того, чтобы обосновать нашу мысль и изменить наш деловой обиход, стоит большой и сложный вопрос: какова вообще судьба этой „доброй“ и „свободной“ воли в будущих социалистических отношениях, говоря точнее,—где

должна пройти граница, отделяющая область так-называемого „публичного права" от области „частного права" в экономике нашего переходного времени? Конкретно вопрос сводится к следующему: поскольку государство все больше и больше проявляет свою волю на хозяйственном фронте и ограничивает свободу соглашения отдельных лиц или „сторон", постольку договорная форма все с'уживается и беднеет в смысле своего содержания. Содержание „добровольного" соглашения — область „частного права" все больше уменьшается в силу все большего вклинивания основного фактора „публичного права", т. е. воли государства. В конце концов договор, как основной правотворящий фактор частного гражданского права должен отмереть, должна возникнуть какая-то новая форма, в которой огромную роль будет играть вмешательство государства. Мы уже видим, что фронт промышленности, подобно военному фронту, становится областью „jus publicum".

Все это я говорю не для того, чтобы вовлечь вас здесь и дискуссию по этому большому теоретическому вопросу. Но не надо скрывать, что проблема эта стоит перед нами, и нам юристам Советского Союза, в этой области правового творчества предстоит сказать и создать нечто новое.

Но я должен вернуться к конкретной мысли, к мысли о том, что эти отношения являются не договорными, а уставными, и поэтому они должны облекаться в форму не договоров, а деловой договоренности, протоколов, которые представляют собою естественную форму для таких отношений, которые избавляют от всех тех последствий, которые влекут за собой договоры. Если все предрешено: и какое количество продукции трест проводит через синдикат, и по какому расчету, и по какой цене, если размер организационных расходов определен, если техника синдикатская предопределяет и форму продвижения продукции к потребителю и отношения с рынком и направление и распределение товара, то где здесь договор? Отсюда вывод: договорную форму необходимо ликвидировать и заменить ее другой формой. От этого синдицированная промышленность только выиграет. Если она внутри себя будет занята только своими деловыми отношениями, а не искусным писанием договоров, да еще с неизбежной оглядкой в сторону обложения, если она избавится от всяких ненужных сборов внутри синдиката, т. е. в отношениях со своими же членами и освободится от всего того, что она сейчас преодолевает то, несомненно, что синдицированная промышленность получит огромное облегчение, в котором она так нуждается.

Теперь я коснусь вопроса об обложении уравнительным сбором. Здесь также неувязка. Синдикаты представляют желательную организационную форму об'единения промышленности, одобренную властью. Это—признанная форма, опробованная жизнью, выдержавшая громадное испытание, и сейчас ее должен

утвердить Советский закон. Надо чтобы эта форма получила известное признание и в смысле обложения не ставилась бы в такое положение, которое ни с чем не сообразно. Я отнюдь не говорю о каких-либо особых привилегиях тепличного характера. Я не утверждаю, что, раз эта организационная форма признана,—то нужно для нее создавать тепличную атмосферу, как до некоторой степени создавалась она около низовой кооперации. Этого не требуется, но не надо ставить ее и в обратное положение, такое, что трест, проводящий на рынок свой продукт через свой собственный трестовский аппарат, платит 2% с оборота, а, если этот трест проводит свой продукт через об'единенный аппарат, т. е. через синдикат, то товар будет оплачен вдвое, если передача его синдикату будет сделана на началах твердой покупки, а если на началах комиссии, то товар будет оплачен 2-мя % трестом и еще некоторой суммой, которую синдикат заплатит в виде уравнительного сбора с комиссионного вознаграждения. При таком методе обложения, проходя через аппарат синдиката, товар должен неизбежно удорожиться, несмотря на то, что синдикат—это желательная, организационно признанная форма сбыта товаров. Ясно, что это затрудняет выполнение задачи, которую должны выполнять синдикаты, ставящие себе целью именно сокращение накладных издержек и удешевление товаров. Таким образом эти два конца не сведены вместе: естественная задача, которая поставлена перед синдикатом и вменяется ему в обязанность не мириться с необходимостью двух лишних процентов или меньшего, но все же излишка, который надо платить Наркомфину. Здесь нет увязки. Отсюда вытекает, что уравнительный сбор, т.-е. наше промысловое обложение должно быть перестроено таким образом, чтобы при переходе товаров от трестов к об'единяющему их синдикату, как это делается при переходе товаров от заводов к предприятиям, переход этот не причислялся бы к облагаемому обороту. Вспомним историю этого вопроса. Летом 1922 г. велась горячая дискуссия по вопросу о том, как обкладывать уравнительным сбором. Тогда Центроналог проводил ту точку зрения, что нужно обложить и заводы, и тресты, и синдикаты, И только в результате дискуссии удалось убедить, что этого делать не надо. И тогда, как правило, было установлено, что продукция при переходе от заводов к предприятиям не причисляется к облагаемому обороту. Наркомфин сейчас стоит на такой точке зрения, что организационное и экономическое единство синдицированной промышленности не имеет никакого значения, а имеет значение их юридическая самостоятельность и забывает, что они связаны уставом, что передача продукции синдикату есть осуществление устава и что такая передача не может причисляться к облагаемому обороту, если она делается на основании устава и постановления собрания Уполномоченных. И здесь юридической самостоятельности трестов и синдикатов

придано то значение, которого в этой области она иметь не может и иметь не должна.

Ясно, что и в этой области должна быть увязка и те принципы, которые я выдвигаю, надо осуществить. Надо, чтобы тресты проводили свою продукцию через синдикат и чтобы покупатель чувствовал от этого снижение цен на товары, что и является прямой задачей синдикатов. Этой цели синдикатов не надо мешать.

Третье положение, которого коснулся уже А. А. Шнееров следующее: прибыль синдицированной промышленнести облагается отдельно по трестам и по синдикату и мы имеем в практической жизни такие случаи, как с текстильной промышленностью. Прибыль трестов облагается отдельно, но, когда синдикат несет убыток, как Текстильсиндикат—4 милл. 300 тыс. убытка,—тогда это покрывается Наркомфином? Нет. Получается, что из'ятие прибыли происходит не методом хорошего хозяина, который берет мед с одного края. Прибыль берется с синдицированной промышленности в лице трестов несмотря на то, что эта прибыль уничтожается убытком, который понес синдикат. Чтобы это исправить, мы это делаем внутренним порядком и внутренними средствами, путем взятия с треста обязательства, что убыток образующийся вследствие снижений, покрывается трестами. Но это следует и можно сделать иным путем, путем правильной увязки вопросов обложения с существом дела.

К этим трем моментам сводится мой доклад. Не думайте, что эти вопросы возникли сегодня. Этим вопросам уже двухгодичная давность. В докладах Совета синдикатов, в книге „Синдикаты", в целом ряде моих статей, и в последний раз совсем недавно в Торгово-Промышленной газете, этот вопрос поднимался много раз. Он стоит сейчас в докладе ВТС перед ВСНХ и должен получить на днях разрешение. Ваше мнение будет высказано, если принципы, которые я выставил, встретят вашу поддержку, это сыграет чрезвычайно большую организующую роль. Если мы согласимся друг с другом и с нами согласится ВСНХ и через его посредство мы сговоримся с Наркомфином и Наркомюстом, то вопросы эти будут урегулированы. Пора, наконец, это сделать.

Прения по докладам А. А. Шнеерова и Н. Г. Шкляра.

Д. И. Иваницкий.—Я юрисконсульт несколько иного лагеря, нежели собравшиеся здесь; я принадлежу к юрисконсультам Наркомвнуторга, законопроект которого о синдикатах подвергся такой жестокой критике со стороны А. А. Шнеерова.

Позволю себе коснуться сначала тех разделяющих моментов, в которых расходятся законопроекты Наркомвнуторга и ВСНХ

Первый вопрос это относительно построения основного капитала. Синдикат, по мнению и ВСНХ, и по мнению Наркомвнуторга, есть организация, отличающаяся от других коллективных форм той чертой, что участник этой организации должен быть обязательно с ней в определенном взаимодействии. Акционер может не иметь никаких коммерческих сношений с тем акц. об-вом, участником которого он состоит. Член же синдиката не может быть в синдикате, если у него нет общего дела с синдикатом. Это одна сторона. Другая сторона, что и синдикат может вступить в хозяйственные отношения только со своим членом. Если мы имеем синдикат, заготовляющий сырье, то сдавать его он может только своим пайщикам. Это основное организационное положение, из которого нужно исходить при конструировании синдиката. Отсюда вытекает необходимость строить синдикат, как организацию, вход в которую должен быть свободным для всякого, первоначально в нее не попавшего, но впоследствии считающего необходимым пользоваться ее услугами. С другой стороны, выход из нее также должен быть свободным для тех, кто раньше пользовался ее услугами, а потом желает расстаться с ней. Итак, т-во с переменным составом и капиталом—это прообраз для обоих проектов. Из этого они исходят. Но в то время, как проект ВСНХ организационную сторону синдиката очерчивает очень неопределенно, проект Наркомвнуторга пытается сочетать элемент текучести и неопределенности состава синдиката с теми постулатами, определенности и точности которых требует торговый оборот. Может быть с точки зрения интересов пайщиков не нужно точно устанавливать определенную сумму уставного капитала синдиката. Пусть так. Но синдикат существует не только для трестов, которые в него входят. Есть некоторые постулаты торговой жизни, которые должны стоять выше интересов трестов, а посему, хотя бы интересам трестов и не соответствовало бы точное фиксирование капитала, но это соответствует интересам товарооборота, коммерческой деловитости, как таковой. И вот законопроект Наркомвнуторга устанавливает принцип, что количество паев должно быть переменное, но не должно пониматься ниже известного минимума. Необходимо указать тот минимальный складочный капитал, при котором синдикат может считаться зрелым, и отсутствие которого ставит вопрос о ликвидации синдикации.

Теперь второй вопрос—о подведомственности синдиката. Конечно, синдикат об'единяет тресты, и деятельность синдиката есть суммированная деятельность отдельных трестов. Но мы спросим, что же тресты целиком или полностью подчинены только одному наркомату?—Конечно, нет. И если одиночный трест, скажем, Резинотрест, работает на рынок и продает галоши, то отсюда не следует, что его деятельность не находится под строгим контролем Наркомвнуторга, потому что в

задачи Наркомвнуторга входит регулирование внутреннего рынка. И поэтому, если мы говорим здесь о торговых функциях, т.-е. о тех функциях, которые в коллективном или одиночном виде об'единяются в Синдикате, то оказывается, что по этим функциям они как раз подлежат ведению Наркомвнуторга. Исходя из того, что деятельность трестов не замыкается только в производстве, а представляет собой нечто многогранное, исходя из того, что по началам нашего государственного строительства отдельные сферы хозяйства подчинены ведению отдельных наркоматов, Наркомвнуторг констатирует этот факт и говорит в проекте, что синдикат находится под руководством и контролем того Наркомата, к которому относится соответствующая отрасль народного хозяйства.

Далее я коснусь вопроса, возбужденного Н. Г. Шкляр. Вопрос, поставленный им, имеет чрезвычайно большое практическое значение, и очень хорошо, что он обсуждается на совещании юрисконсультов ВСНХ.

Мы в нашей юридической догматике просмотрели особую группу, оснований, устанавливающих правоотношения и имеющую важное значение. Мы знаем, что обязательства возникают из закона и из договора, но кроме закона и договора имеются еще и акты корпоративной воли. Когда, например, общее собрание акционеров выносит те или другие постановления, то это не закон и не договор, а акт корпорации, акт товарищеского самоуправления, и этот акт должен быть поставлен как третий титул, стоящий на-ряду с законом и договором, как основание для создания прав и обязанностей. Если в настоящий момент государство огромную энергию направляет на то, чтобы воздействовать на хозяйственные взаимоотношения и в значительной мере защищает свободную волю участников торгового оборота, то вместе с тем нарастает и момент корпоративного типа деятельности, и здесь мы, юристы, говорим, о новом источнике правоотношений, —об акте корпоративного самоустройства. И именно сюда и нужно отнести те взаимоотношения, которые устанавливаются между отдельными участниками синдиката и синдикатом; источник и основание этих взаимоотношений не договор, не закон, а воля корпорации.

Вот эта основная теоретическая идея должна лежать в основе всей той борьбы, которую юристы вносят, отстаивая специфический характер внутрисиндикатских отношений.

Но мало правильно квалифицировать, с точки зрения теоретической, внутрисиндикатские отношения. Необходимо, далее озаботиться созданием таких практических условий, при которых можно осуществить освобождение этих взаимоотношений от гербового сбора, нотариальных засвидетельствований и т. д.

Наркомфин рассуждает весьма конкретно, весьма эмпирически. Синдикат—юридическое лицо, трест тоже юридическое лицо. Два юридических лица, независимо друг от друга уча-

ствуют в торговом обороте, вступают во взаимоотношения. Как же эти взаимоотношения не считать отношениями договорными, как перемещение имущественных масс от одного к другому, не рассматривать, как отношения торговые? Вот исходная точка зрения Наркомфина и она вполне понятна. Если синдикаты желают укрепить свои позиции в области правильной постановки обложения внутрисиндикатских отношений, то мало последовать тому совету, который выдвинул т. Шкляр, т.-е. опираться на устав, на постановление собрания уполномоченных, на акты корпоративной воли, но самое важное, что необходимо устранить еще одно препятствие, которое в глазах Наркомфина имеет огромное значение: если синдикат не является самостоятельным участником оборота, если он не в своих интересах ведет свои операции, то это должно отразиться прежде всего в том, что он не может самостоятельно получать прибыль. Если синдикат станет на правильный путь и заранее скажет, что прибыль ему совершенно не нужна, и что вся прибыль, которая получается, за вычетом отчислений в запасной капитал и других обязательных отчислений, будет возвращаться трестам, то это будет наилучшим манифестированием того, что эта организация не является самостоятельной, интересы ее не являются чуждыми трестам. Необходимо изменение синдикатской политики. Проведение такой политики является лучшей гарантией, что нужды синдиката в области обложения будут удовлетворены.

Нужно заметить, что в странах давнишнего синдикатского строительства, главным образом я имею в виду Германию, синдикаты часто образуются в форме акционерных обществ. Германские юристы и германская практика с недоумением смотрели на то, как могут возникать акционерные общества, которые не ставят себе целью извлечение прибыли, ибо эти акционерные общества всегда полностью распределяют прибыль между участниками, которые входят в эти акционерные общества. По уставу эти акционерные общества не заинтересованы в том, чтобы становиться предпринимателями, чтобы извлекать прибыль, они отказываются от предпринимательской прибыли, т.-е. выступают, как коммерчески-бескорыстные организации. Это вызвало недоумение со стороны германских юристов, но тем самым правильно разрешался вопрос, который до сих пор нами еще не мог быть правильно разрешен.

Итак, желательно договорную видимость внутрисиндикатских отношений заменить их корпоративным существом и синдикатскою политикою доказать, что синдикат—не отдельная экономически от трестов организация, а орган трестовских операций.

А. М. Долматовский.—Новые формы различных об'единений, различных государственных организаций уже повидимому намечены и будут проведены в жизнь в ближайшее время. Я думаю, что нам придется с этим в ближайшее время иметь

дело и поэтому весьма желательно, чтобы не так бесконтрольно и без критики, как это имело место, мы бы отнеслись к новым формам. Здесь сегодня тов. Шнееров говорил, что для синдикатов акционерные формы совершенно непригодны. Я думаю, что акционерные формы являются наиболее пригодными для синдикатов, в особенности в наших условиях, в условиях государственного капитализма. Тов. Шнееров, а с ним вместе и тов. Иваницкий, мыслят себе акционерные общества, как форму об'единения прежде всего капитала, а не лиц. Выходит, что владельцы акций заинтересованы лишь в том, чтобы на свои капиталы получать определенный дивиденд. Это совершенно неверно, особенно если иметь в виду практику акционерных обществ, которые имеют место в Европе за последнее время. Нужно признать, что там вовсе не так далеки участники акционерного общества от самой деятельности этих акционерных обществ. Они заинтересованы вовсе не только в том, чтобы получить дивиденд от акции. Стиннес и другие крупные акционеры в Германии заинтересованы в образовании того или другого акционерного общества для исполнения заказов для заводов, принадлежащих акционерам. Сплошь и рядом возникают самые разнообразные формы акционерных обществ, различные формы участия. Синдикаты также сплошь и рядом образуются в форме акционерных обществ.

Что же здесь предлагают? Говорят, нужно образовывать общества с переменным капиталом. А капитал акционерных обществ разве не меняется? Бесспорно, он меняется. Разве он все время остается на одной высоте, разве цены на акции не меняются, разве это не есть показателем того, что капитал изменяется? Тут пытаются строить новые формы товариществ. Разумеется, эти новые формы могут иметь успех только на короткое время, да и то потому, что авторы обнаруживают известную изобретательность. Но признать их необходимыми для нашей хозяйственной жизни я не берусь,—в этом я сомневаюсь, В синдикате я не представляю себе какой-нибудь значительной деятельности без того, чтобы не было значительного капитала. Поэтому я думаю, что не зачем гоняться за бесконечными формами гораздо проще использовать то, что есть—простые товарищества и акционерные общества. Статьи закона, касающиеся образования простых товариществ и акционерных обществ, достаточно разработаны, и здесь можно было бы внесением известных улучшений и проверкой на практике удовлетворить потребности жизни.

Остановлюсь вкратце на простых товариществах.

Если необходимо какое-нибудь соглашение между немногими организациями и трестами, недлительного характера или длительного, но направленного на определенную ясную цель, то применима форма простых товариществ. Если предусматривается длительная деятельность при многих участниках и для

разнообразных целей, как, например, синдикат, тогда применима форма акционерная.

К. М. Зеленский.—Жизнь показала, что синдикатские организации сами пробили себе дорогу и требуют только определенного оформления. Это оформление, эта правовая одежда, которая должна быть возложена на синдикатские об'единения, рекомендуется нам двумя органами—Наркомвнуторгом и ВСНХ. О проекте Наркомвнуторга я скажу только, что с ним согласиться нельзя уж потому, что по проекту для возникновения синдикатского об'единения должно собрать такой складочный капитал, какой при нынешних условиях является непосильным.

Проект ВСНХ создает наиболее облегченные условия для возникновения синдиката, хотя и требует составления складочного капитала, но не ставит этого требования во главу угла, допуская повышение и понижение капитала.

Но я все же с тем проектом, который изложил докладчик, в целом не могу согласиться. Я остановлюсь на тех местах проекта, с которыми нельзя согласиться. § 29 проекта говорит о подчиненности синдиката наркомату. Как сказал докладчик, цель и задачи синдиката определяются целью и задачами входящих в него трестов. Если это так, то, мне кажется, ставить здесь, как говорит докладчик, очень жесткие рамки, это значит положить в мешок синдикатское об'единение и завязать его узлом, но это было бы совершенно не нужным. И вот почему. Деятельность трестов находится под регулирующим воздействием наркомата, которому они подведомственны. Если же мы эти функции контроля и наблюдения распространим и на синдикатские об'единения, то мы создадим препятствия в развитии и расширении деятельности синдикатских об'единений.

Второе краткое замечание по поводу той части проекта, которая говорит о порядке распределения прибыли. Надо придти к тому выводу, что синдикат не имеет права на прибыль. Прибыль синдиката образуется в результате деятельности входящих в него трестов, поэтому она должна быть возвращена трестам соответственно размерам их деятельности. Еще одно замечание по вопросу о том, имеет ли основание и имеет ли какой-нибудь фундамент то положение, чтобы конвенции придать права юридического лица. Сам докладчик считает этот вопрос еще недостаточно освещенным и недостаточно прощупанным. С этим согласиться нельзя—не по тем даже мотивам, что конвенция не должна ни в какие моменты смешиваться с синдикатом, что придание прав юридического лица конвенции может приравнять ее к синдикату, но и потому, что конвенцию по самой природе должно характеризовать как явление более или менее мимолетное, преходящее. Поэтому конвенция не может иметь комплекса тех прав, которыми должно обладать юридическое лицо.

Последнее замечание уже по докладу второго докладчика, о трактовке соглашений, которые должны иметь место между

единицами, составляющими синдикат, и последним. Совершенно правильную и здоровую линию проводит в этом направлении докладчик. Он говорит, что является сугубо неправильным нагромождением, сопровождающимся лишней тратой денежных средств, заключение этим синдикатом отдельных договоров по каждому входящему в него тресту, по каждой отдельной операции. Это верно, но мне кажется, что об'ясняется теми отношениями, в каких в настоящий момент стоят синдикатские об'единения. Об'яснить эти особенности можно тем, что деятельность синдикатския недостаточно урегулирована. На ней и под ней нет того правового фундамента, который только сейчас подводится, но это явление, во всяком случае, ненормальное.

Ливенсон Я. В.—Тов. Шкляр считает необходимым освобождение синдикатов от всех видов обложения по сделкам между трестами и синдикатами. Эту мысль он мотивирует и подтверждает не соображениями юридическими, что было бы в нашем собрании уместно, и в каковом отношении я считал бы себя вполне компетентным, а соображениями чисто экономическими.

Он все время говорит о том, что синдикаты, это—особые аппараты трестов. Он говорит об экономическом и организационном единстве синдикатов и трестов. Его тезисы очень красивы, но они оставили меня в тумане. В чем видит он организационное и экономическое единство? Если он хочет сказать, что трест и синдикат—единая организация, то это неверно, т. к. синдикат совершенно самостоятельное юридическое лицо. Если он хотел сказать, что между трестом и синдикатом нет разницы в организации, то это тоже неверно: их организация совершенно различна, как и их цели. То же самое и относительно экономического единства. Если он хочет сказать, что экономически они связаны, то это совершенно верно, но я полагаю, что финансовая и экономическая сторона деятельности совершенно самостоятельна у трестов и синдикатов. Иначе и быть не может.

Из этого единства тов. Шкляр делает такой вывод: сделки и соглашения между синдикатами и трестами по реализации синдикатами продукции трестов не должны носить договорного характера, т. к. эти тресты вошли в синдикат и по уставу последнего 60% всей продукции должны сдавать синдикату для реализации; следовательно, эта сдача делается на основании уставного генерального соглашения между трестами и синдикатом, а поэтому договоров на каждую сделку не заключается. Это неубедительно. Отношения между синдикатами и трестами должны строиться по одному типу—по типу договора торговой комиссии. Этот договор настолько удовлетворяет всем требованиям, которые могут пред'являться к отношениям синдикатов с трестами, что он должен быть применен.

Синдикаты выступают вовне от своего имени, а не от имени треста, но за счет последнего. Это есть тот момент, который характеризует каждую сделку торговой комиссии. Тов. Шкляру

рисуется это дело так, что синдикат есть какой-то коллективный приказчик целого ряда трестов. Правда, такое положение знало дореволюционное право. Тогда существовали агенты, которые действовали по доверенности от целого ряда отдельных фирм,—от их имени и за счет их.

Но синдикат, повторяю, выступает от своего имени, а не от имени трестов. То, что говорит тов. Шкляр, было бы крайне невыгодно для самих трестов.

Я считаю, что нам не нужно прибегать к уродливой юридической конструкции для того, чтобы добиться тех положений, которых желает добиться тов. Шкляр. Тов. Шкляр хочет добиться, чтобы все сделки между трестами и синдикатами были освобождены от всех видов обложения. Я вполне разделяю его точку зрения. Я не экономист, но мне все же совершенно ясно, почему этого он добивается, но для этого должен быть избран другой путь, а не путь извращения структуры отношений между трестами и синдикатами.

Драбкин, С. Л.—Мы считаем, что вопрос о конвенциях должен быть разрешен не в смысле предоставления таковым прав юридического лица, потому что если канвенциям предоставить права юридического лица, то это, с одной стороны, будет противоречить ст. 13 Гр. Код., а с другой, в конце-концов они выльются в куцые синдикаты, т.-е. такие организации, которые в конечном счете превратятся в процессе своей работы в те же синдикаты, но с ограниченной сферой деятельности; юридически никакой разницы между этими обоими правовыми фигурами не будет.

Второе мое положение касается необходимости большего учета в законах о синдикатах, интересов республиканской и местной промышленности. ВСНХ республик дожны иметь определенное влияние как на торговую политику общеюзных синдикатов, так и на назначение руководящего персонала торговых отделений синдиката.

Затем интересы бюджета Союзных Республик должны быть также уточнены в том смысле, что прибыль синдиката распределяется между трестами, его пайщиками и никоим образом не должна взиматься непосредственно в центре. Необходимо также выявить в законе, что паи должны распределяться в зависимости от производственной и экономической мощи каждого члена синдиката. Правильность и целесообразность этого тезиса подтверждается на целом ряде примеров украинской промышленной деятельности (сельско-хозяйственное машиностроение, соляная промышленность и т. д.).

В целях увязки деятельности синдикатов с регулирующей работой ВСНХ СССР, ВСНХ Союзных Республик и Наркомвнуторга необходимо учреждение в синдикате совета в числе других органов управления. До сих пор существует некоторый отрыв синдикатов от ВСНХ Союзных Республик, для устранения

этого необходимо учреждение советов, сконструировав их состав из представителей ВСНХ и НКВТ республик и Союза.

Есть еще ряд поправок, но я на них останавливаться не буду. Коснусь некоторых оппонентов наших докладчиков, в частности речей представителя Наркомвнуторга. Т. Долматовский и Иваницкий являются фетишистами акционерной формы. Этот фетишизм может быть хорош, но только не в рамках нашей действительности. Если взять проект о государственных паевых товариществах, который внес Наркомвнуторг, и посмотреть внимательно на все те поправки, которые вызываются жизнью, в частности вопрос о делегации представителей в органы управления, о замене советом собрания и т. д., то мы видим, что от формы акционерного общества в ее чистом виде, в аспекте нашего Гр. Кодекса, не остается и следа. Если мы проанализируем нашу хозяйственную и экономическую действительность и с этой точки зрения подойдем к тем организационным и правовым формам, в которых нуждается аккумуляция у нас капиталов, то с самого же начала мы придем к тому, что форма акционерного общества в чистом виде являются у нас неприемлемой. Относительно проекта Наркомвнуторга о синдикатах говорить много не приходится, поскольку он потерпел поражение по всему фронту, — и при рассмотрении этого проекта в нашем Украинском Совнаркоме, где был принят за основу проект ВСНХ СССР, и в целом ряде других высоких учреждений СССР

В докладе тов. Шкляра я не видел того, что нас особенно интересовало. В чем, собственно говоря, выражаются эти внутрисиндикатские отношения и отношения между трестом и синдикатом? Тов. Шкляр говорил, что юридической характеристикой этих отношений является организационное и экономическое единство. Это фраза, за которой я не вижу никакого определенного юридического содержания, отношения, и можно ли установить особую правовую форму этих отношений. Этого мы не слышали. Я просил бы тов. Шкляра в заключительном слове больше уяснить эту сторону внутрисиндикатских отношений, углубиться в эти отношения, дать им соответствующую юридическую характеристику.

Если против доклада т. Шнеерова в целом возражать не приходится, то тезисы т. Шкляра подлежат безусловному отклонению.

Виноградов, Л. А.—Тов. Долматовский утверждал, что акционерная форма пригодна для синдикатов, однако, соображения оппонента едва ли могут заслуживать доверия в наших глазах. Необходимо сообщить занимающемуся вдали от трестов и синдикатов оппоненту, что единственная возможная форма, о которой мы можем говорить — это отнюдь не акц. о-во, а только т-во с переменным капиталом и ограниченной ответственностью. История синдикатов на Западе и у нас показывает, что сначала синдикаты об'единяли 2 — 3 предприятия, потом разрастались в 5 — 6 и т. д., т.-е. постепенным присоединением новых

участников; это — основная черта образования синдикатов; непременное условие развития синдиката есть легкость вступления в него; в синдикат должны быть принимаемы все новые и новые участники. Затем, вследствие изменений финансовой кон'юнктуры и состояния рынка, может возникать в течение года необходимость затребования от участников дополнительных средств. Общее собрание может вынести постановление, вменяющее в обязанность всем членам представить дополнительные взносы. Обращаться же каждый раз с требованием доплаты, по тому или другому случаю: (вступление нового участника или в связи с вздорожанием сырья, наприм., картофеля, льна, топлива и т. д.), — с ходатайством о разрешении правительства увеличить основной капитал, или, при обратных условиях, уменьшить капитал синдиката, технически затруднительно. Единственный способ облегчить разрешение всех таких вопросов это тот, чтобы т-во было с переменным капиталом, увеличиваемым свободно по постановлению исполнительного органа самого же т-ва, не обращаясь к законодателю по поводу каждого отдельного случая. Тот же товарищ утверждал, будто для синдиката пригодна акционерная форма, не иначе как с большим основным капиталом, ссылаяясь на пример крупных синдикатов. К сожалению, и здесь должно возразить против этой эрудиции. Как видно из биографии Стиннеса, переведенной при участии т. Радека (см. стр. 94), созданная им организация типа синдиката-концерн Сименс-Рейн-Эльба Шукерт—образовалась таким образом: 6 крупных акционерных обществ, из которых капитал каждого был по 130 миллионов марок, подписали договор об образовании Т-ва с ограниченной ответственностью; весь основной капитал товарищества определен в сумме 517 тыс. марок и лишь впоследствии достиг 900 тыс. марок! Таким образом, вы видите, что современная финансовая техника вовсе не требует, чтобы синдикат обладал громадными суммами, но достаточно, чтобы члены его кредитовали его своими ресурсами.

Один из главных авторов законопроекта о синдикатах, А. А. Шнееров в свое время выставил этот тезис, и мне кажется, что двухлетнее испытание на практике 15 наших синдикатов вполне оправдало этот тезис. Тов. Шнееров выдвинул во-время вопрос о том, чтобы в уставах синдикатов можно было устанавливать дополнительную кратную ответственность участников за долги синдиката, подобно тому, как это проводится теперь в кооперативных об'единениях. Если этот принцип будет усвоен и синдикатами, в нем, несомненно, должен оказаться эликсир жизненности синдикатов. Если теперь известно, что синдикат имеет акционерный капитал в 300 тыс. рублей, ему не дадут кредита в банке в большей сумме. Но если будет сказано, что синдикат есть товарищество с дополнительной кратной ответственностью, разумеется, и кредитоспособность синдиката будет в несколько раз больше.

Акционирование.

Доклад Л. А. Виноградова.

Вопросы акционерного права и акционерной практики вновь начинают привлекать внимание хозяйственников и юристов.

Развитие акционерного права совершается на основе начал, диктуемых финансовым капиталом, регулятором которого является биржа, денежный рынок, мировой международный рынок. Этим можно об'яснить, почему в столь оригинальном институте, неизвестном классическому праву, явились новшества, идущие вразрез с общепризнанными основаниями учения о товариществе.

Личный момент отодвигается на задний план, капиталистическая сторона усиливается настолько, что возникают мнения, высказываемые большими авторитетами права, что в сущности „социетас анонима", акционерное о-во, это—вовсе не товарищество. Представители этого учения в Германии Гирке и Рено; у нас на это указывали проф. Петражицкий и Цитович; последний, в качестве автора проекта закона об акционерных компаниях 1898 г., предлагал вытравить из названия акционерных компаний самый признак общества или товарищества, поставив вместо него просто — „предприятие".

Если акционерные общества являются оружием, столь противным нашим началам, может быть органически несовместимым с нашим режимом, следует ли совсем пренебречь этим испытанным капиталистическим механизмом? Нет. Поскольку мы находимся в стадии, переходной к иным формам хозяйства, можно извлечь много поучительного и из этого сильного, употребляемого с таким успехом во всем мире оружия. Ведь не напрасно на земном шаре более 100.000 акционерных обществ, и не напрасно вымирают на Западе старые формы полного и командитного товарищества. Идет какая то новая организационная сила. Старые принципы круговой поруки уже теряют свою популярность в коммерческих кругах, и, наоборот, новые течения ведут к тому, чтобы освободить предпринимателя от безграничной ответственности за долги. В отличие от наших эко-

номических условий, в тех странах где акционирование достигло пышного расцвета, акционерные общества возникают не иначе как при самой мощной поддержке банков. Банки принимают на себя задачу финансирования с самого начала; они либо сполна покрывают подписку на акции и сразу освобождают общество от больших забот по накоплению денег, либо берут на себя черновую и тяжелую работу по зазыву новых капиталистов, больших рантье и мелких вкладчиков.

Этот способ у нас неприемлем. Обычно банки работают только на деньги, полученные на бирже, а биржевой капитал требует, чтобы способы вложения денег в акц. общества были привычными для него, удобными, чтобы акции превращались в такие бумаги, к которым привыкла биржа, каковы государственные займы, облигации, жел. дор. облигационные займы, купоны, железнодорожные накладные, коносаменты и т. п. документы, почти всегда безымянного характера; капитал не любит, чтобы его ущемляли, ловили и знали кому он принадлежит,

Мобильность акций (легкая передаваемость из рук в руки), отчуждение и легкое приобретение—это настоящий палладиум, который биржевой капитал требует себе; он готов принять какие угодно другие коррективы к акционерному праву, но от этого не отступает.

Что же этот принцип приносит для остальных основ акц. о-ва? Даже такая, казалось бы, уважительная при частной собственности случайность, как истребление предъявительскмх акций, утрата, похищение их, когда можно было бы оказать сочувствие потерпевшему, допустить замену новыми или виндикацию в его пользу похищенного, не встречают поддержки; требование легкой мобильности торжествует и над этим моментом, и виндикация акций отрицается... Легкая аккумуляция капиталов в форме акц. общества достигается призывом людей с разных сторон и даже из разных стран. Но в этом содержится и большая опасность: акционерное общество, собравшее свой основной капитал в одной стране, легко может через год оказаться рабом акционеров, живущих в другой стране, и такие превращения бывали не раз.

В государствах, которые заинтересованы в привлечении иностранного капитала, юристы должны всегда штудировать эти темы, чтобы извлекать из них поучительные выводы.

Обычно, первыми акционерами бывают люди, слетевшиеся в расчете, что они получат биржевую курсовую разницу и затем могут уйти, перепродав акции под покровом ажиотажа. Однако, нельзя отрицать того, что некоторые общества возникают и на основе серьезной инициативы, если во главе их стоят дельный инженер, большой изобретатель, какой-нибудь Дизель, Эдиссон, Маркони, которым нужна помощь могущественного капитала для дальнейшего развития изобретения. Наличие такого ядра людей, серьезно заинтересованных в существовании акц. общества, в

программном, последовательном, плановом развитии его работ— дело случая; напротив, замечается стремление срывать биржевую разницу на курсе, и это настолько владеет большинством акционеров, (как доказал еще проф. Петражицкий), что во всяком обществе резко обозначаются два течения. Одно за константное, устойчивое существование его, другое за то, чтобы подвергать акционерное общество лихорадочной горячке сюрпризов. Крупный акционер финансирующий акционерные общества, концерны и чужие страны, заинтересован не столько в получении сравнительно небольших дивидендов по купонам, сколько в ловком использовании моментов неопределенности, когда он больше заработает на биржевых спекуляциях, покупая и перепродавая акции по колеблющемуся курсу. Это дает ему не скромные 4—5—8% в год, а десятки процентов на затраченный капитал. Именно этим способом составились те миллиарды, о которых говорят в последнее время.

Итак, если биржевой капитал навязывает промышленному капиталу и предприятию вовсе несвойственную и нежелательную по его внутренней природе деятельность: то требует сжатия производственной программы, то безудержного, чрезмерного расширения, то сокращения основного капитала, чтобы вымородить некоторых акционеров, то выпуска новых акций по падающему курсу, чтобы обогатить других,—естественно, что от этого существо предприятия должно страдать.

В противовес этому, четверть века назад возникла, главным образом, в Германии и Англии, реакция против указанных эксцессов со стороны биржевого капитала, и юридическая мысль стала изыскивать способы обороны хозяйства против аггресивной спекуляции. Я хотел бы поделиться сейчас наблюдениями в этой области, указав несколько новых правовых способов обеспечения наибольшей плановости в акционерном предприятии.

I. В первую очередь необходимо отметить чрезвычайное развитие так называемых привилегированных акций. Еще когда большинство из нас было на школьной скамье, господствовало учение, что все акции равны между собой, и акции привилегированные являются одиозными; в большинстве случаев под привилегированной акцией разумелась только та, которая давала больший дивиденд. Теперь совсем иного добивается привилегированный учредитель акционерного общества: он ищет усиления власти в общем собрании, чтобы дать желательное ему направление всей деятельности общества. В истории этого течения нужно отметить покойного Вальтера Ратенау, одного из самых больших специалистов в акционерном деле, и Гуго Стиннеса. Четверть века назад Стиннес и его Дармштадские адвокаты, а затем и Ратенау пришли к новой мысли, что не большая доля капитала в акционерном обществе, не „преобладающий пакет акций“ должны обес-

печивать руководство в обществе, а условное, искусственное присвоение большого числа голосов по акциям: так, впервые был нарушен принцип равноправия акций. Изъявляя согласие на вступление в число акционеров общества, но давая туда только небольшой капитал, крупные организаторы требовали изменения устава общества в том смысле, чтобы группе акций, принадлежащих им, выделенных в особую серию, давалось многократное количество голосов—впятеро, вдесятеро и даже больше, чем следует на простую акцию. С тех пор этим способом—созданием многократных голосов по отношению к некоторым акциям—стали пользоваться все концерны, синдикаты и тресты, ибо в нем давалось могучее орудие в руки технически авторитетной группы, владевшей общественным мнением акционеров.

По этому поводу поучительно цитировать из очерка по хозяйств. праву проф. Гедемана, следующее: „Старая догматика, при которой казалось, что все акции равны, теперь стала бы идиллией. Было время, когда вся область акц. права была монотипна. Существовали акции, действовавшие в виде абсолютного владения, и опять-таки на первом плане стояло спокойное обладание ими; хотя теоретически и тогда существовали привилегированные акции, но на практике они тихо прозябали и то лишь изредка... В настоящее время все это взбудоражено. Победа осталась за привилегированными акциями. Сотни обществ выпускают эти привилегированные акции на рынок. Их почти насильно втянули в оборот, и стало почти модным выпускать привилегированные акции. Опасаются даже прослыть отсталыми, если отказаться от выпуска таких акций... Эти акции в большинстве случаев приобрели многократное право голоса, в некоторых случаях достигшее, как известно, до 30 раз. На задний план отступило обладание (включая и дивиденд); решающее значение приобрело распределение власти, соучастие, влияние на текущий хозяйственный процесс. Образовываются союзы для защиты „основных" акционеров (см. Осн. черты хозяйств. права стр. 13).

Описанный метод закрепления за собой командующих высот в акционерном предприятии представляется мне возможным и осуществимым в тех случаях, когда наши госучреждения, располагающие сравнительно небольшими капиталами для создания акционерного дела, хотели бы привлечь к нему иностранный капитал, при небольших собственных взносах, напр., в 5—10% основного капитала; в этом случае привилегия иметь в 10, 20, раз больше голосов, могла бы создавать громадный перевес в руках той организации акционеров, которая считает себя наиболее заинтересованной в планомерном развитии общества.

II. Другим методом, укрепляющим за одной группой акционеров влияние, считается установление в учредительском

договоре или в самом уставе права учредителей в течение первых лет существования общества (5—10—15 лет) занимать места в составе правления, помимо выборов.

Этот метод в недавнее время начал применяться и в отношении наших акционерных обществ с участием госкапитала, и хотя не в смысле назначения какого-либо срока, но в смысле обеспечения определенного числа мест в правлении за представителями казны. Нужно было бы приветствовать появление этого метода и в уставах тех смешанных акционерных обществ, которые до сих пор им не пользовались.

III. Есть еще одно любопытное явление в практике германских акц. обществ, которое имеет некоторую аналогию с нашим трестовым началом безответственности части трестового имущества, защищенности фабричных зданий и оборудований от опасности пойти на удовлетворение кредиторов. Аграрная Германия столкнулась с этим вопросом и разрешила его так же однородно, как и мы. В области свекло-сахарного производства, которое всегда основывается в больших поместьях, а частью и в майоратных, заповедных имениях, забронированных от взысканий, устройство заводов сопровождалось такими условиями, что, с одной стороны, приходил банковский капитал, а с другой—давалась земля, усадьба, с оговоркой, что в случае банкротства общества такая-то часть основного капитала, заключающаяся в заповедной усадьбе и строениях, не поступает на удовлетворение кредиторов (Это имеет опору в соответствующей статье германского уложения, предусматривающей, что в уставах допускается указание, что некоторым акциям могут предоставляться преимущества при ликвидации общества). Таким путем в легальной форме и заведомо для кредиторов устанавливается разделение основного капитала на две неравнообязанные части. Эта идея заповедных имуществ, своего рода государственных майоратов, воспроизведена и в нашем трестовом праве. К сожалению, наши акц. общества не всегда соблюдают требование закона о точном указании той части капитала, которая забронирована от взысканий; а между тем, это необходимо, в силу прим. 2 ст. 331 Гр. Код., обязывающего, чтобы в уставе были точно указаны привилегированные акции. По-моему, неоспоримо, что если в составе какого-либо государственного акц. общества имеется забронированное имущество, то в уставе оно должно быть указано самым точным образом и с отдельной оценкой.

IV. Во французской акционерной практике наблюдаются случаи образования внутри акц. общества особой группы акционеров—старейших учредителей общества, или патронирующего банка, с привиллегией высказывать свои заключения особо, даже налагать вето

при разрешении таких важных вопросов в жизни общества, как залог имущества, расширение или уменьшение основного капитала, переброска капитала в колонии и т. п.; французское остроумие называет их сенатом или верхней палатой акционеров. В наших смешанных акционерных обществах указанный метод также мог бы быть использован, если бы в уставах указывалось, что при разрешении таких-то вопросов требуется безусловное согласие госорганов-акционеров. Это значило бы, что помимо участия госорганов в общих собраниях, требуется еще отдельное из'явление согласия их на проектируемые операции. В нашей практике известен пример, когда в одном акционерном обществе, с участием иностранного капитала, выделенного в особую группу, этой последней было предоставлено право из'являть свое согласие на некоторые изменения в уставе и даже потребовать выхода из общества в определенный срок. Подобная оговорка может быть полезна и вообще всякому смешанному акционерному обществу, особенно же такому, где капитал государства в меньшинстве; но необходимо своевременно предусмотреть ее, чтобы не очутиться в безграничной зависимости от правящего большинства.

V. Затем, одним из самых интересных новшеств, усвоенных в последнее время английским правом, является реформа ревизионных комиссий. Еще полвека тому назад, проф. Победоносцев указывал, что ревизионные комиссии, комплектуемые из того же состава общего собрания и назначаемые тем же большинством, которое назначает правление, не обладают достаточной смелостью, чтобы осветить и до конца проанализировать деятельность правления; в сущности, эти ревизионные комиссии бывают младшими, подчиненными при правлении, следящими, чтобы как-нибудь не обидеть правление. Такие „беззубые ревизионные комиссии" никогда не предупреждали катастрофы внутри акц. общества... И вот, в стране господства манчестерской доктрины: „laissez faire, laissez passer", 25 лет тому назад, при полном сочувствии большинства акц. обществ, был издан закон, по которому ревизия акционерных обществ производится не ревизионными комиссиями из среды акционеров, а посторонними авдиторами и ревизорами с бухгалтерским образованием и экономическим стажем, авдиторами—безусловно и инспекторами—дополнительно, по усмотрению общества. Целесообразность этой меры мне представляется совершенно бесспорной. Нельзя рассчитывать, это в каждом обществе найдутся среди акционеров бухгалтеры или просто люди, обладающие досугом, чтобы пересмотреть все книги, проверить в натуре склады и т. д. Акционеры, большей частью,—капиталисты и временем для занятия бухгалтерской работой не располагают. Поэтому организация такого института авдиторов и государственных инспекторов из числа независимых ответственных бухгалтеров (идея которых давно витает и в

наших бухгалтерских кругах) могла бы раскрывать и предупреждать в акционерных обществах крупные злоупотребления. Сами акционеры дорожат этой формой, т. к. отзывы авдиторов считаются бесспорными, и после их заключения не возникает контроверз об отчетности с податными учреждениями.

От общих заключений о том, что нового можно наблюдать на Западе, можно перейти к одному выводу: всякие реформы, всякие новшества, всякие приспособления акционерного права переносит крупный международный капитал, но от одного не отказывается — от легкой мобильности (отчуждаемости) акций.

Обращаясь к нашему акционерному праву, изложенному в 45 статьях Гр. Код., очень краткому (особенно, если сравнить его с английским актом 1908 г., состоящим из 296 статей), отметим, что оно было расчитано в 1922 г. на применение среди частного капитала, и в настоящее время не разрешает вопросов, поставленных нашим государственным капитализмом. Нам потребовалось создание и государственных замкнутых, на все 100%, акц. обществ и смешанных акц. обществ; между тем все это не укладывается в рамки общего акционерного законодательства.

Останавливаясь, прежде всего, на акц. обществах, составившихся из частного капитала, я хотел бы разобрать 3 вопроса, за последнее время наиболее занимавших юридические круги.

А) Следует ли считать установленные в нашем законе нормы для акций в 100 руб. и для основного капитала 100 т. р. безусловно целесообразными? В пролетарском государстве иногда может возникнуть необходимость привлечь низы, пролетарскую среду, располагающую очень небольшими денежными средствами, для которой покупка 100 руб. акций недоступна. У нас такие случаи несколько раз представлялись; и всякий раз, когда акц. о-во имело широкое социальное назначение и существование общества было рассчитано на привлечение народного энтузиазма, всегда было единственным выходом понизить стоимость акций до возможно большего размера. Вот какие примеры можно привести из последнего времени. Московское Рабочее Жилищное Строительное Т-во получило разрешение выпустить акции по 5 руб.; акц. общество „Добролет" выпустило акции по 50 руб. на миллион и по 1 руб. также на миллион руб. (в последнем случае не разрешен вопрос, как устраивать многолюдные общие собрания акционеров, но в другом акц. обществе по жилищному строительству этот вопрос разрешен в том смысле, что в общих собраниях участвуют только делегаты от акционеров, представляющих 1.000 р.). В Белорусской реслублике было учреждено также жилищное строительное т-во с акциями по 25 руб. В законе установлен порядок из'ятий из общих начал акц. права в том смысле, что всякое отступление требует разрешения Совнаркома Союза.

Именно, так сказано в новейшей редакции третьего абзаца ст. 323 нашего Гр. Код., принятой ВЦИК'ом 16 октября прошлого года: „Когда устав общества допускает из'ятие из действующих законов, таковой устав представляется учредителями через Главконцеском на утверждение Совнаркома Союза". На-днях ожидается опубликование такого же закона для всего Союза ССР. Нельзя не согласиться, что сложность прохождения устава в случаях, когда явно необходимо поддержать начинание неоспоримо громадного социального значения, должна бы получить более упрощенную форму разрешения; и мы хотели бы услышать ваше мнение: не нужно ли изыскать другие формы к облегчению открытия акц. обществ, поскольку цель их—общеполезное дело и, конечно, только в том случае, если деятельность обществ протекает в самом тесном контакте с государственной властью и обеспечена от всяких эксцессов азарта?

Затем, второй вопрос, в недавнее время заинтересовавший юридические круги: может ли быть пред'явлен иск к акционеру, не покрывшему сполна в уставный срок акцию, на которую он подписался? Тема эта подверглась большой трактовке в кругах тех юристов, которые ближе всего стоят к регистрации акц. обществ. Они наблюдали, что многие акц. общества испытывают затруднения от систематических побегов подписчиков из акц. общества; им казалось, что должны бы быть устроены какие-то преграды и созданы способы, чтобы удержать подписчика во что бы то ни стало. В совещаниях бюро юрисконсультов при Институте Экономических Исследований при Наркомфине этот вопрос был разрешен в положительном смысле, но я оспариваю это заключение, утверждая, что оно не приемлемо для нас, как по мотивам общесоциалистического характера, так и потому, что противоречит букве нашего закона. Необходимо обратиться к истории вопроса; только в с перспективном освещении он предстанет ясно. По закону 1836 г. подписчик, пропустивший срок для уплаты, лишался всех внесенных им денег. Однако, это было жестоко, практика акц. обществ стала смягчатьсяи, в проектах Гр. Уложения 1898 и 1913 г. были приняты более европейские меры; незадачливому подписчику назначался месячный срок, в течение которого полагалась пеня в $^0/_0$ в банковском размере; по прошествии месяца акция неисправного подписчика, или вернее сказать, временное свидетельство, продавалась с публичных торгов. Разумеется, если за акцию было внесено 25 руб., то на публичных торгах давали гораздо меньше, на чем и наживались близкие к учредителям люди; это—обычный способ, употребляемый на Западе недобросовестными учредителями.

Редакционная комиссия 1913 г. предложила более снисходительное правило: акция должна быть продана с публичных торгов, и разницу, за вычетом организационных расходов, незадачливый подписчик должен бы получать себе на руки. Когда проект статей об акц. т-вах рассматривался социалистическим

законодателем, он не мог посмотреть с легким сердцем на положение акционера, оказавшегося в стесненном положении за недостатком средств или, быть может, разочаровавшегося в дальнейшем существовании акц. общества (потому что компания, до того времени незнакомая ему, оказывается ему не подходящей); социалистический законодатель пришел к выводу, что он не может быть строже, чем законодательство николаевское, и что нельзя допустить, чтобы учредители общества обогащались на продажах временных свидетельств незадачливых акционеров. Это он формулировал во второй фразе ст. 328. „Из вырученной от продажи акции суммы (заметьте: не от публичной продажи, а просто, от продажи), держателю аннулированной акции возмещается сделанный им взнос (заметьте: взнос, а не остаток взноса), с удержанием расходов, связанных с заменою акции и с продажею новой акции". По поводу последней фразы надо оговорить, что никаких расходов, связанных с заменой акций, не бывает, т. к. акции в это время еще не печатаются, и продажа временных свидетельств не вызывает расходов.

Итак, общее собрание может постановить продать неоплаченную сполна акцию, но не за бесценок, а оно должно продать ее так хозяйственно, чтобы „сделанные акционером взносы" были возвращены ему. Вывод из этого тот, что продавать с публичных торгов, где все продается с вольной цены, общество не может, а должно продать другому охотнику в том обычном порядке, как оно продает свои акции, т.-е. по полному номиналу, без скидок. В отличие от проекта 1913 г., наш социалистический Гр. Код. не допускает экзекуционной публичной продажи; это—дело уставов.

Таким образом, ст. 238 Гражд. Код. не карает, а облегчает утечку акционеров из акц. о-ва, и по этой причине многие уже учредившиеся у нас акц. о-ва испытывают затруднения. Но следует ли из этого, что непременно должно торжествовать право акц. о-ва и должен погибнуть акционер, можем ли мы последовать девизу: fiat sociatas anonyma, pereat actionarius? Конечно, нет. Снисходительное отношение социалистического законодательства к случайно впавшему в неоплатность контрагенту известно по ряду статей, и в данном случае сказалась та же тенденция, и нет никакого пробела в ст. 238.

В этом вопросе есть еще и экономическая сторона. Опыт прошлого учит, что при учреждении акц. обществ открытие их деятельности зависит часто от ничтожного меньшинства акционеров; по нашему закону общество может быть признано состоявшимся, если 25% капитала собрано; если половина держателей этого капитала явилась в общее собрание, и если три четверти явившихся, (т.-е. от $12^1/_2{}^0/_0$) примут решение о начале операций и избрании правления, то общество получает свое бытие. Значит $9^3/_8{}^0/_0$ всего основного капитала общества могут принять решение о том, чтобы принудить остальные $91^0/_0$

всех акционеров судебным путем по исполнительным листам пополнить тощую кассу акц. о-ва!.. Это повело бы к тому, что правящая тирания меньшинства могла бы злоупотреблять своим положением, и, конечно, законодатель не мог пойти на это. Единственный вывод из ст. 328 может быть тот, что иск к незадачливому акционеру недопустим. Закон устанавливает иные четыре способа выйти из затруднения: 1) можно ходатайствовать перед правительством об отсрочке для собирания капитала, 2) об уменьшении суммы основного капитала, 3) можно совсем закрыться, направить общество к ликвидации, и четвертый способ—вместо выбывших искать других охотников участвовать в обществе (ст. 327). Если общество настолько нежизненно, что не находится других охотников вступить в него, пускай оно и не существует.

Переходя к акц. обществу, состоящему на 100% из государственного капитала, мы полагаем, что по букве Гражд. Код. оно—частноправная организация; то обстоятельство, что высшую власть в нем представляет общее собрание и никакой наркомат не может изменять решений собрания, более всего доказывает частноправный характер организации. Акц. о-ва стоят вне общей лестницы правительственного аппарата. В обществах этого рода самое большое затруднение возникает в связи со ст. 22. Гражд. Кодекса, которая должна быть применена и к 100—процентному акционерному обществу. Раз это частноправная организация, всякая передача государственных аппортов, в строениях или оборудованиях, не может последовать в форме простой продажи. Утверждают некоторые, что для внесения аппорта должна быть только форма арендная. Мы беремся категорически оспаривать такое толкование, утверждая, что оно нецелесообразно: 1) арендный договор с течением времени обесценивается; так, если в первый год существования общества цена арендного договора при 10-летней аренде может быть определена в 1 миллион руб., то в течение последнего года аренды стоимость этого аппорта падет до 100.000 руб. Кредитные учреждения должны это учитывать, так как здесь, разумеется, будет нарушаться коренное требование в отношении капитала—твердая фиксированность суммы обеспечения; 2) при аппорте в форме аренды может иметь место следующий конфликт: в случае несостоятельности акционерного общества кредиторы могут потребовать, чтобы арендный договор был им передан для дальнейшего использования арендных строений и оборудований, и тогда создастся положение необычайное: имущество, которое государство с такой большой осторожностью отдает в аренду, проверяя арендатора со стороны всех его качеств, убеждаясь в его пригодности для аренды, вдруг достанется скупщикам претензий, и они по-своему воспользуются фабриками и заводами, владея ими до конца арендного срока. Разумеется, это шло бы вразрез с государственной арендной

политикой, и потому явно, что способ аренды аппортов неприемлем. 3) Наконец, 100-процентное акц. государственное о-во требует излишне-громоздкого аппарата управления и неуместного формализма. Если каждая отдельная акция принадлежит государству, то и совокупность их тем более, и правительство не может отказаться от своей прямой обязанности вмешиваться в инциденты и устранять безобразное ведение дела; недавние примеры ликвидации трех акционерных обществ с участием госкапитала показывают, что обязанность соблюдать государственное достояние ставилась выше, чем буква закона. Исходя из этих положений, мы полагаем, что 100-процентное акц. общество в чистой форме есть nonsens. Но мы имеем исходящие от наших экономических кругов указания, что в отдельных случаях подобные общества все-таки желательны, поскольку предвидится выход на заграничный рынок или близкое преобразование обществ в смешанное с участием частного капитала.

В силу этого, ВСНХ стал искать более совершенных способов к об'единению в одном коллективе госорганов. Мы остановились на вопросе, можно ли госорганам об'единяться в простые товарищества, но здесь сказалось то неудобство, что простые товарищества так же, как и полные, имеют в основе своей круговую поруку. Круговая порука в простых товариществах возникает не в первую очередь, как в полных, а во вторую: когда первая разверстка долгов не даст удовлетворения, тогда производится вторичная, и здесь круговая порука может сказаться тяжелой для государственных органов. Точно так же невозможна и форма полных товариществ, и всякая модификация их была бы нецелесообразна. Оставалась форма акционерных обществ, но и здесь обнаруживаются те затруднения, на которые я сейчас указывал.

ВСНХ пришел к мысли, что могут быть созданы две параллельные системы коллективов: 1) коллектив на началах жесткой проводимой в отношении трестов подчиненности наркомату, и в форме междуведомственных трестов, в соответствии со ст. 25-й декрета о трестах от 10/IV 1923 г. Не изменяя в законодательном порядке положения о трестах, можно бы легализовать образование междуведомственных трестов путем издания от имени Совета Труда и Обороны инструкции, определяющей черты междуведомственных трестов. Проект инструкции роздан присутствующим. Я отмечу лишь главные моменты; нельзя обойтись без того, чтобы междуведомственный трест не был связан с каким-нибудь наркоматом республики или союза, с ВСНХ, или каким-либо другим. Если несколько губисполкомов, наркоматов или других органов, заинтересованных в общем ведении дела, сговариваются образовать общее правление, делегируя в него своих представителей, а какому-нибудь одному наркомату вверяют руководство по части издания приказов, планирования, отчетности, подсудности

и т. п., это и будет междуведомственный трест; он даст то удобство отдельным участникам, что прибыль не будет сполна обращаться в республиканский бюджет, а каждый участник по окончании операционного года получит порознь свою прибыль. При ликвидации каждый получит обратно свой имущественный взнос. Мы с интересом выслушаем замечания представителей мест, насколько была бы целесообразна такая организация междуведомственного коллектива. Один пример в большом масштабе уже налицо: Севгосрыбтрест, утвержд. СТО в декабре 1924 г. 2) Другая система коллективов—госуд. паевых товариществ—зиждется на началах некоторой более широкой автономии: в основе должно иметься соглашение учредителей по духу и общим положениям акционерного права, но со следующими исправлениями: должен быть упрощен механизм управления; не нужны многоголовные общие собрания, долгие сроки ожидания их созыва, печатание публикаций о созыве и самих листов—акций, не нужен обязательный минимум—5 учредителей, не нужно двух собраний—предварительного и учредительского — и, наконец, правление из 3 членов во многих случаях может представляться излишним; достаточно и одного директора для управления таким гос. паевым т-вом, ибо опыт показал, что единоличный директор бывал на месте и в тресте с громадным капиталом. Затем мы считали полезным образование таких гос. паевых товариществ не только с капиталом в 100.000 р., т.-е. в больших центрах, но и в центрах уездного и волостного значения, где можно бы ограничиться капиталом в 25.000 р. с тем, чтобы дать возможность и волостным и районным единицам устраивать государственные паевые товарищества. Из трестового права мы проектировали позаимствовать следующие особенности: во-первых, паи могут быть оплачены государственным забронированным по 22 ст. Гр. Код. имуществом, без составления какого-либо арендного концессионного или т. п. договора, а в таком же порядке, какой соблюдается при образовании трестов, и с тем, что оценка должна проверяться в общем собрании пайщиков; земли и воды могут быть показаны, как внебалансовая статья. Наконец, гос. паевые т-ва должны быть приравнены во всем, что касается товарного оборота, налогов и занаряжения, к гос. трестам. Проект, представленный НК'внуторгом и ранее того идеологически одобренный в ВСНХ, занимает 91 статью; в настоящее время он находится в законодательных органах и временно встречает замедление, в связи с ожиданием общего закона об акционерных обществах. Мы также заинтересованы в том, чтобы выслушать ваше мнение по поводу желательности и конструкции этого вида коллектива госорганов. Нам могут задать вопрос: не слишком ли много форм управления, зачем одновременно и жестко - связанные

подчиненностью тресты и автономные паевые государственные товарищества? Товарищи, здесь нужно считаться с перспективами будущего: государственное паевое товарищество может служить для нас контрольной, опытной, показательной формой, на которой мы можем учиться управлять на иных началах, не столь „ненавистных" началах централизма, который проводится в трестовом праве. Указывается, что при дальнейшем углублении нашего государственного строительства, когда начнется децентрализация власти, когда коммуны заменят громадный аппарат и поведут на началах взаимного соглашения хозяйства коммун в полном смысле коммунистической программы, тогда в первую очередь может понадобиться децентрализованное управление громадными трестами, разбросанными по разным территориям, иногда в разных республиках; тогда этот опыт гос. паевых товариществ может послужить для нас полезным материалом.

Наконец, нас занимала еще одна проблема: как создать наиболее отчетливое волеизъявление в общих собраниях акционеров смешанных и государственных обществ. Руководители ведомств не имеют возможности участвовать в общих собраниях акционеров. Между тем, часто под влиянием изменившейся обстановки, в общих собраниях вспыхивают новые вопросы, по которым требуется немедленно принять твердые решения. Делегаты от учреждений не могут принять немедленное решение от своего имени и бывают случаи, что на другой день действия или голоса, поданные делегатами, не встречают одобрения руководителей учреждений. Здесь единственный выход— устраивать подготовительнные собрания, так сказать, генеральные репетиции к общему собранию акционеров. Долго по этому поводу не было никаких указаний и все базировалось на случайной практике. В прошлом году Наркомфин РСФСР издал циркуляр, многим из вас известный, в котором была проведена директива этим предварительным собраниям. В циркуляре Наркомфина от 19/VI— № 1431 говорилось, что „заблаговременно, впредь до того, как отчеты и баланс общества местного значения поступят на утверждение собрания акционеров или пайщиков, местное управление госдоходами проверяет баланс, дает оценку и по рассмотрении отчета и баланса, обязано созвать пайщиков и ознакомить их с заключением управления, предложив им проводить его в общем собрании пайщиков". Третий пункт циркуляра говорил, что „в случае разногласия, последнее передается на разрешение губисполкома, решение коего является обязательным и окончательным для пайщиков". Могут спросить: к чему же сводится автономия общества? Если вопросы и выводы были предрешены, никто не может протестовать, и зачем тогда собрание акционеров?.. В нынешнем году последовал закон в общесоюзном масштабе—постановление СТО от 30 января, опубликованное в Собрании Зако-

нов под № 79, где эти прошлогодние директивы Наркомфина получили несколько новое истолкование. Закон признает необходимость предварительного инструктирования общего собрания, но теперь иное значение и юридическая сила придаются этим собраниям. Постановление СТО говорит, что при Наркомфине или при губернских отделах Наркомфина за некоторое время до общего собрания смешанного акц. общества созываются Комиссии из акционеров, в целях правильного составления балансов и обеспечения интересов госбюджета: упомянутые вопросы рассматриваются в установленном выше порядке предварительно для надлежащего инструктирования представителей госкапитала и согласования их выступлений на общих собраниях...

Вот по поводу употребленного здесь выражения „инструктирование" было бы желательно услышать ваше мнение. Что означает это и какую силу могут иметь „комиссии"? Мы полагаем, что поскольку настоящим законом не отменяется действие Гражд. Кодекса и высшим органом в акц. обществе остается общее собрание, следует слово „инструктирование" разуметь не в жестком смысле твердого обязательного указания, а придавать ему только консультативный характер информации, увещания пайщиков, чтобы они действовали законосообразно в отношении отчислений, назначенных законодателем (в прошлом году—не менее 70%).

Но можно ли сказать, что пайщики и делегаты, посланные на эту репетицию и оказавшиеся в меньшинстве, обязаны следовать решению большинства, идущему дальше законной нормы; обязаны ли они на следующем общем собрании акционеров подчиняться решению, принятому в предварительном собрании? Мы полагаем, что должно быть принято единообразное толкование такого рода: Комиссии при Наркомфине не должны быть трактуемы в смысле обязательности всех их директив для пайщиков в общем собрании; поскольку пайщиками сделаны требуемые законом отчисления, во всем остальном расходовании прибыли, они вольны голосовать по своему соображению.

Поскольку цель нашего совещания— разрешение практических вопросов, позвольте остановить еще ваше внимание на трех частных вопросах, занимавших нас в последнее время: 1) на форме, в которой должен быть вносим аппорт в смешанные общества, 2) на способе оценки аппорта и 3) допустимо ли образование акц. обществ, состоящих исключительно из кооперативов.

Так как статья 22 Гр. Код. заканчивается фразой, что государственное национализированное имущество может быть отдаваемо в аренду, то некоторые делают из этого вывод, что передача этого имущества только в одной арендной форме и может быть. Мы позволяем себе с этим не согласиться. Почему законодатель запретил отдачу национализированного имущества

в частный оборот? Не потому ли что он хотел сохранить за собою распоряжение всем государственным достоянием на праве собственности. С другой стороны известно, что против управления „на праве пользования" он не встречал препятствий. Поводы к установлению права пользования разнообразны. Кроме аренды существуют и другие формы передачи права пользования. Так, например, пользование может сопровождать договор о закладе; кредитор, получивший в заклад имущество, может пользоваться им в силу оговорки в самом договоре, не заключая отдельного арендного договора. Пользование может быть оговорено и в завещании и,—что особенно ценно для нашей темы—пользование может быть установлено договорами товариществ. Нам кажется, что аппорт... есть всегда аппорт, у него определенная природа во всех 5 видах товарищества. В частности в учении о простом товариществе есть определение аппорта, вполне приложимое к пониманию особенностей аппорта и в других видах товариществ. 279-я статья указывает: „всякое имущество, кроме денег, потребляемых и заменимых вещей, составляющее предмет вклада, признается находящимся в общем пользовании, поскольку договором не установлено противное".

Таким образом, в договоре простого товарищества пользование может быть установлено и не в форме арендного договора, а самим учредительным актом, самим договором, учреждающим простое товарищество. Ст. 279 имеет свое повторение в следующей статье 294, где в пункте „а" говорится: предметы, внесенные в т-во лишь в общее пользование, возвращаются внесшим их товарищам" и т. д. На статьи 279 и 294 имеется ссылка в статье 299, указывающей, что это начало применяется и в полном товариществе. Из дальнейшей статьи 329 видно, что аппорты свойственны и акц. обществу. Исходя из предложенного толкования, я полагаю, что самим учредительским договором, устанавливающим программу финансирования общества, может быть определено, что часть имущества, вносимого в натуре, может быть передана не на праве собственности, а на праве пользования, на срок существования акц. общества, и что для этого вовсе не требуется отдельного договора. Это первый вариант разрешения проблемы. Другой вариант: если, в силу ст. 154 Гр. Код. нельзя перейти за предел 12-летнего срока аренды, а срок этот обычно недостаточен для целей общества, нельзя ли вообще парализовить действие ст. 154? Не найдется ли для этого путеводная нить в ст. 323 в 3-м абзаце, который гласит: „когда устав общества допускает из'ятие из действующих законов, таковой устав представляется учредителями через Главконцесском на утверждение Совнаркома Союза ССР". По-моему, именно таким путем можно получить из'ятие от 22-й статьи Гр. Код.

Этот вариант особо отстаивается и вторым докладчиком проф. Шретером, указывающим, что наиболее естественным раз-

решением вопроса должен быть концессионный путь внесения аппорта по уставу, но без испрошения отдельной концессии, без особого договора. Когда в уставе акц. общества, проведенного через Главконцесском и Совнарком Союза, будет такая фраза: „государственные национализированные строения и оборудования могут быть передаваемы в оплату акций на праве пользования ими по срок существования акц. общества",—не будет затруднений ни в 12-летнем сроке, ни в общем запрете отдачи госимуществ на сторону, не государственным учреждениям.

Второй вопрос об оценке аппорта. Экономика учит: кто меньше рискует, тот должен получать и меньшую прибыль. Если в обществе одновременно участвуют один капитал на праве собственности, а рядом с ним капитал менее высокой квалификации—лишь на праве пользования, естественно, что держатели второго капитала должны удовлетворяться и менее выгодным пользованием в прибыли. Можно учесть это снижение их выгод двумя способами: или 1) в момент раздела дивиденда, по окончании каждого года, они должны получить несколько меньший процент, или 2) при самом учреждении общества должно дешевле расценить вносимое ими имущество. Этот вопрос с особой остротой вставал в одном акционерном обществе, по существу государственном, но имеющем некоторые перспективы привлечения частного капитала; в уставе общества было в отдельной статье сказано, что государственные имущества, подходящие под действие ст. 22 Гр. Код. передаются в пользование по срок существования общества с расценкой их в 50%. Можно спорить, не слишком ли велика скидка с себестоимости имущества. Я бы полагал, что не следует делать разницу ровно вдвое. Но В. Н. Шретер указывает и сейчас и в прежних своих сообщениях нам, что не только туземный, но и иностранный капитал понимает, что когда государство дает в смешанные общества свои забронированные от взыскания имущества, то все-таки эти имущества представляют громадную полезность для обществ; их не следует расценивать ниже их себестоимости, ниже их капитальной материальной стоимости, ни в 90, ни в 80%, потому что они несут за собою целый ряд привилегий для общества, освобождение от некоторых налогов, более легкое получение заказов, авансов, товарных вагонов для перевозки своих грузов, более доступное получение кредита в банках и т. п. Словом,—такие привилегии и льготы, которых частный акционер не мог бы дать. Если учесть все эти привилегии, даваемые государством смешанным обществам, то совершенно справедливо было бы, чтобы в период оценки аппортов госорганы, как таковые, могли бы с большей настойчивостью требовать определения аппортов в полной их материальной стоимости.

Наконец, третий вопрос, связанный с существом кооперации: следует ли допускать образование акц. обществ, участниками которых могут быть исключительно кооперативы? Был случай, когда проектировалось учреждение такого общества, и организаторы его пытались доказать, что это единственный способ об'единить большое число кооперативов в организацию с зафиксированным, не убавляющимся капиталом, из которой нельзя выступить в любое время, и что это необходимо в интересах выхода на внешний рынок, требующий капиталов, твердо зафиксированных. Мы позволяем себе усомниться в достаточной мотивировке и соответствии ее самой природе кооперации. Если нужно, чтобы капитал кооперативного предприятия был зафиксирован надолго, чтобы кредиторы знали, что на ряд лет, 10 и больше лет, этот капитал будет оставаться в неизменной сумме, для этого достаточно, если будет существовать тот же самый кооперативный союз, но в его уставе должна быть одна исключительная статья: „союз учреждается на столько-то лет, и раньше истечения этого срока никто не может выйти". Этим самоограничением участники кооперативного союза приблизят себя к акц. форме, в смысле константности капитала, и достигнут того, чего требуют от них кредиторы. Затем, кооператоры должны понять, что, приняв акц. форму, они потеряют симпатии к себе, потеряют налоговые льготы, потеряют в смысле лучшего социального положения в среде трудящихся и т. п. Зачем им переходить от своего привилегированного государственного положения в худшую форму, стоящую не в столь благоприятствуемом положении, как кооперация? Поэтому такой вопрос мы полагали разрешить в отрицательном смысле.

К вопросу о юридической природе акционерных обществ с участием госкапитала.

Доклад проф. В. Н. Шретера.

В ряде пунктов я совершенно схожусь с докладчиком Л. А. Виноградовым. Должен сказать, что опыт акционирования госпредприятий, по моему мнению, заставляет притти к чрезвычайно пессимистическим выводам. Я лично являюсь категорическим противником этой организационной формы в применении ее к 100% обществам.

При сравнении „акционирования" предприятия с построением трестов, торгов, пайторгов и проч., нужно помнить, что в основе своей то и другое является методом организации предприятий, при чем „акционирование"—есть метод организации частно-правовой, а тресты и проч. метод публичного права. Это различие приобретает решающий смысл, если принять во внимание, что частное право проникнуто началом автономии, личного интереса и базируется только на санкциях иму-

щественной ответственнсти, наоборот, публичное право покоится на подчинении власти, на идее государственного служения и базируется на санкциях дисциплинарных и уголовных.

К сожалению, и как мне кажется, к большому ущербу для правовой работы, у нас такое разделение на публичное и частное права считается сейчас совершенно преодоленной ересью; у нас считают, что его вообще нет; между тем, это находится в настолько разительном противоречии не только с историей, но и со всей нашей действительностью, что без этого расчленения мы только затмеваем свой основной подход к всякой основной правовой проблеме в условиях нашего хозяйствования. Поскольку совершенно несомненно, что между централизованным плановым хозяйством в условиях 1920 года и хозяйством, базирующимся на вольном рынке, есть коренное отличие, постольку очевидно, что правовые системы того и другого должны в корне чем-то отличаться. Не только у нас, но и в буржуазной Европе несомненно есть отрасли, которые ведутся в хозяйственной области иными организационными методами, чем то хозяйство, которое ведется на базе частного хозяйства и вольного рынка. Это и заставляет пользоваться, с одной стороны, частным правом, а с другой стороны публичным правом, опять-таки как формами организационными.

Поскольку после перехода к новой экономической политике, у нас вольный рынок положен в основу хозяйства, поскольку на этой базе в известной сфере создается и развивается вольное автономное хозяйство, исторически неизбежно, налицо частное право. Почему так? Я полагаю, эти признаки являются именно организационными и существенными, так как они характеризуют то практическое отличие, которое в данном случае имеется. Это отлично выдвинуто было в блестящей форме покойным цивилистом Покровским в его книге, равной которой в Европе не имеется—„Проблемы гражданского права". Эта книга подводит итоги целому ряду спорных вопросов; все вы наверное читали и знаете ее. Вы помните, у него имеется глава о публичном и частном праве и разграничении их.

В основе частного права лежит начало автономности, и таковое мы в известных границах, действительно, имеем: на вольном рынке господствует принцип паритетного вольного договора, где стороны добровольно заключают такие договоры, т.-е. каждый по своему усмотрению определяет свои действия в хозяйственной сфере; это первый признак. С другой стороны, мы имеем завершенное централизованное плановое хозяйство, в порядке соподчинения. Если возьмем построение трестов по ныне действующему праву, то увидим в нем принцип планирования и подчинения центру, внутренние отношения треста, в зависимости от руководящего центра; это, конечно, уже не частноправовая зависимость, а форма власти и подчинения, и эта линия практически проводится не юристами, а нашими

руководящими хозяйственниками. Здесь правоведение должно найти иные организационные формы, и оно их находит в категории публичного права. И второе различие не менее существенное: частное право проникнуто личным интересом, не всегда эгоистичным, но во всяком случае односторонним; в частности, акционерная форма создана так, что руководители предприятий, целиком должны исходить из интересов предприятий, как такового, и тех прибылей, которые они могут извлечь из процветания предприятия; здесь индивидуальная точка зрения предприятия в целом противопоставляется общественным и государственным интересам; они, именно: полярны. В акционерной форме мы имеем, быть может, наиболее завершенную форму индивидуализма (несмотря на то, что здесь много участников), где точка зрения „собственного интереса" целиком концентрируется. и получает наиболее яркое проявление и возможность своего осуществления. Наоборот, любая из хозяйственных форм, если она ориентируется на общегосударственный план, и не ради прибылей и доходов отдельных лиц и организаций, а ради общественных интересов, не только в нашей стране, но и буржуазной Европе, должна отыскивать другие нормы и методы, более подходящие к ориентации на общественное государственное служение. Между идеей государственного служения и идеей служения только собственным интересам существенное различие; вся история культуры показывает что право, если только оно соответствует действительности, создает и разные организационные формы для обслуживания индивидуального и, с другой стороны, общественного интереса. И вот здесь вскрывается чрезвычайно характерное различие в методах санкций по поводу правонарушений: а) где действуют нормы частного права, там и иск об убытках, возмещение ущерба, возвращение экономического равновесия тому, кто от нарушения этого равновесия потерпел; б) иначе подходит общественное публичное хозяйство. Для него критерий имущественной ответственности не всегда является весомым и чувствительным; часто ущерб—вовсе не имущественного характера, и денежное возмещение вовсе не компенсировало бы дезорганизацию, которую государство или общество потерпело от нарушения правопорядка; поэтому, совершенно естественно, что в области общественного хозяйства, санкция состоит в дисциплинарном и уголовном судебном воздействии. Наконец, и методы принуждения к выполнению распоряжений совершенно иные, чем те методы, которые возможны в области частного права, где все опирается на иске об убытках. Уже а-приори можно сказать, что, имея в виду плановое хозяйство, нельзя безнаказанно вливать наши государственные предприятия с 100%-ным госкапиталом в акционерные формы. Ведь они не отвлеченные геометрические линии, бесплотные и воздушные, они имеют такую инерцию за собой в бесчисленных, веками сложившихся деталях, что совер-

шенно неизбежно при всем нажиме и внимании будет всегда уклон частнопредпринимательский, а ничуть не государственно-капиталистический.

С этой точки зрения акционирование госпредприятий, т.-е. частей нашего планируемого из центров государственного хозяйства, глубоко нецелесообразно. Акц. предприятие со 100% госкапиталов ничего обшего с „акц. о-вом" Гр. Код. не имеет. На практике здесь остается только одно фальшивое название, исключающее применение законов об акц. о-вах по существу, и законов, о трестах или пайторгах—по формальным соображениям.

Быть может мне возразят: акционерная форма все-таки удобна, там есть несколько трестов или пайщиков; она построена коллективно, в ней есть элемент корпоративности, есть там иногда и общие собрания, хотя и крайне редко; есть исполнительный орган в виде правлений, словом некоторые общие черты с акц. о-вами есть. Но, согласитесь, это характерно не только для акц. о-в—это свойственно всякому уставному коллективу, и я вовсе не возражаю, чтобы госпредприятие с 100%-ным госкапиталом не строились в виде уставных коллективов, но форма должна быть совершенно своеобразна. Следовательно то, что здесь имеется, это еще не значит, что акционерное право применяется. Как показал Л. В. Виноградов в начале своего доклада, не в этом суть всего: для акц. о-ва акция—все, и вся работа предприятия ориентируется на обслуживание этой акции, ее цене, доходе этой акции, в смысле соответствующей прибыли и соответствующей мобильности акций, ее постоянного оправдания на денежном рынке, как товара и т. д.

Теперь я спрошу: существует ли такая акция в наших 100%-ных госпредприятиях? Конечно, нет, и лучшее доказательство тому—декрет, что все акц. о-ва обязаны напечатать свои акции в Гознаке, декрет, вызванный тем, что многие общества несклонны вообще оформлять свои акции, которые записываются по книгам и довольно, потому что никто на них, как на товар не смотрит, и наши госакционерные общества акциями не торгуют; эта основная черта здесь сплошь отмирает.

Затем возьмите акционерную практику. Участники консультации при НКФ здесь подтвердят, какие казусы приходится обсуждать в отношении 100% акц. о-в. Правления запрашивают раз'яснения по такому поводу: общее собрание, несмотря на что устав и закон требуют полной оплаты акций, постановило дальнейших взносов на оплату акций не производить. Правление спрашивает: что будет, если несмотря на такое отступление от устава, мы не уйдем в отставку, ссылаясь на единогласное постановление общ. собрания и по существуе не протестуем? Правление не протестует. Такие факты показывают, что акц. формой злоупотребляют, и правление в недоумении спрашивает:

что отсюда будет уголовная или только гражданская неприятность? Это свидетельствует о непригодности этой формы; не буду останавливаться на этом много. Таких примеров можно приводить без конца. Можно категорически сказать, что специфические нормы акц. права, в 100% госпредприятиях не применяются.

Если мы категорически возражаем против 100% акц. о-в, считая, что эта форма фальшива, что она несомненно организационно не соответствует госпредприятиям, то при этом, конечно, нельзя забыть одного: наш закон другой формы не давал и неизбежно было пользоваться ей при необходимости строить междуведомственную организацию.

Но сейчас, повидимому, мы стоим накануне декрета о государственных паевых т-вах, который даст существование коллективным междуведомственным организациям на более жизненных началах, чем внешне-акционерные. Знакомясь с ним, я обращаю внимание, что проект имеет в виду не только торговые, но и промышленные государственные т-ва с участием госпредприятий всех видов и госучреждений, кому СТО разрешит. По моему название, имя благополучно поставлено правильное: государственное т-во, но все все же суть остается акционерная, принимая принципы, ничего общего с нашей организационной действительностью не имеющие. Что же мы имеем. При образовании основного капитала почему то сказано, что в виде аппорта, могут быть вносимы земли, леса и воды. Я бы хотел видеть, как практики справятся, как будут оценивать землю в виду аппорта и будут вносить это в баланс. Затем дальше: оказывается, что при производстве взносов (а мы не деньгами собираем капитал, а кто товаром, кто чем может) общее собрание оценивает эти взносы и больше ничего. В акционерном же законе сказано, что Наркомвнуторг проверяет правильность оценки взносов. Когда создается трест, то не только ВСНХ и Наркомфин тщательно рассматривают правильность оценки уставного капитала; его проверяет Госплан и, наконец, ЭКОСО или СТО. Почему же если несколько предприятий будут создавать единое госпредприятие, это будет предоставлено суб'ективному усмотрению учредителей, ведь, тенденция их—раздуть капитал, или его сократить—известна. Во всяком случае, в дальнейшем проверка неизбежна, иначе не будет об'ективной, верной таксации. Если никто не контролирует, не проверяет—это большая автономия, чем дает акционерное право, и это никак не вяжется с методом ведения нашего хозяйства. Далее проблема раздела прибылей взята пряма из акц. о-ва. Общее собрание пайщиков распоряжается прибылью как хочет—отчисляет в запасный капитал сколько захочет и т. т. Это не соответствует нашему режиму регулирования процесса накопления, и я думаю, что едва ли кто-либо здесь согласится, чтобы этот вопрос, в отношении коллективных предприятий, решался иначе, чем в

трестах. С этими поправками нужно приветствовать тот декрет, который здесь намечается. Он еще не опубликован, но кратко характеризуя его, можно сказать, что он широко ставит корпоративное построение госпредприятий на паевых началах. Он дает возможность, независимо от размеров пая, всевозможному числу предприятий участвовать на равных началах. Дает возможность организовать общее собрание, на-ряду с возможностью заменить его советом гибкого типа; передача паев другим предприятиях такова-же, как она допускается в кооперации. В этом отношении проект организационно наметил то, что нужно для междуведомственных предприятий.

Разрешите теперь еще оговориться. Если нужно принципиально высказаться против акционирования 100% гос. предприятий, то во всяком случае допустимо исключение: когда предприятия должны работать на внешний рынок, завязывать там кредитные и товарные отношения. Здесь в смысле удобства и большого привлечения иностранного рынка, нам выгоднее выступать в форме акционерной. Практика работы за границей показала, что Западная Европа крайне трудно осваивает эти формы; здесь просто, ради экономии сил, ради удобства, целесообразнее выдвинуть акционерную форму. Возможно, что исключения должно сделать и для 100% гос. банковских организаций. Предвижу, что тут еще скажут, что эта форма годится и для внутреннего употребления, если предвидится привлечение в в дальнейшем частного капитала. Но, по-моему, этим не следует и злоупотреблять. Мы слышим, как часто говорят, что частный капитал придет к нам, когда покажем как блестяще идут в обществах дела, но это только разговоры; что то не приходилось видеть, чтобы частный капитал приходил, если частные акционеры придут, они потребуют переработки всего устава по типу смешанного о-ва и только тогда войдут.

Теперь я перейду к смешанным обществам. Под смешанной формой я понимаю участие государственного и частного капитала. Здесь я выдвигаю следующий тезис: „Смешанные акц. общества, так же как обыкновенные акц. общества, суть частные предприятия". Тенденция распространять на них нормы о госпредприятиях приводит лишь к присвоению им привилегий госпредприятий. Если в смешанное общество капитал будет введен в количестве 51 и более процентов, то его нужно считать,—говорят некоторые,—как „смешанное до известной степени", а другие просто считают такие общества „государственными предприятиями". По существу от этой квалификации зависит, какие нормы о госпредприятиях распространять на такие смешанные общества. В практике здесь идет неразбериха. Л. А. Виноградов в своих тезисах представил 26 практических вопросов, которые зависят от того, считать ли смешанные общества государственными или частными предприятиями. Но не успел он этот список, блестяще составленный, закончить,

как совет с'ездов промышленности присылает новую слезницу с двумя новыми вопросами, а именно: НКПС не дает смешанному акц. обществу „Хлебопродукту" в эксплоатацию под'ездных путей, указывая, что в декрете сказано, что ими могут пользоваться только госпредприятия. В вопросе о ж.-д. тарифах также, оказывается, расчленяются четко государственные предприятия и частные. Таких недоразумений не оберешься.

Я вовсе не против того, чтобы акц. смешанные общества пользовались теми или иными привилегиями, но я полагаю, что эти привилегии в виде особых исключений, имя рек, должны быть перечислены в уставе общества. Тогда никаких сомнений не будет, и все остальное, о чем не сказано, будет как в частных предприятиях; это единственный выход из чрезвычайной неразберихи. Смешанные общества очень громко кричат, что они госпредприятия, когда речь идет о привилегиях, и столь же громко кричат, что они частные предприятия, когда речь идет о стеснениях при регулировании госпредприятий; здесь, грубо выражаясь, имеется спекуляция, когда выгодно—они госпредприятия, когда не выгодно—они частные предприятия.

Я категорически утверждаю, и вам, как юристам, это легко понять, что, даже будучи в большинстве в акц. обществе, нельзя проводить абсолютно плановой государственной директивы; когда напр., вам скажут, сжимая ножницы: торгуйте в убыток,—этого вы не сделаете в смешанном обществе, потому что, как бы вы это ни делали, каждый акционер, даже в меньшинстве имеет совершенно определенные права на прибыль и определенные права на деятельность правления, в стиле частно-предпринимательском. Если тот или иной акционер, который заведомо для себя пошел в это общество для извлечения прибыли, увидит, что правление ведет линию по соображениям общегосударственным, но убыточным для него, как для частного капиталиста, он может, по-моему, пред'явить гражданский иск к этому акц. обществу и соответствующие дивиденды взыскать, несмотря на то, что он в меньшинстве. Он может доказать, что эта линия взята в разрез тому, что заведомо было бы прибыльным. Поэтому я говорю, что вы, даже сидя в правлении в большинстве, не можете превратить его в госпредприятие.

Какой же отсюда вывод?

Я считаю, что смешанные общества, будучи частными обществами, должны по нашей советской хозяйственной системе вводиться в ориентацию государственного плана, главным образом, путем концессирования, и смешанные общества промышленного типа иначе и не могут возникнуть. Этот метод создает вполне жизнеспособное предприятие, с достаточной маневренной свободой, и вместе с тем позволяет ориентировать его по линии государственного плана.

В чем суть концессионного договора и всякой концессии. Это не только предпринимательские права и из'ятие из государственной монополии, но и те обязанности по ведению хозяйства, по эксплоатации, которые на концессию возлагаются. Всякий концессионный договор содержит указание на то, что нарушение условий или прав, дарованных концессионным договором как центральной, так и местной властью обязывает государство к возмещению ущерба и затем к восстановлению в правах соответствующего концессионера. Здесь мы имеем чрезвычайно жесткую и во всяком случае чрезвычайно чреватую для государства последствиями ответственность. Частный капитал при таких условиях идет на целый ряд обязательств, которые ему несвойственны, а именно: он готов принять на себя и производственную программу и соответствующую программу оборудования, готов гарантировать неустойки и т. д. именно потому, что он в стране социальной революции получает права на базе концессий большие, чем имеет в буржуазной стране, где государство не связано в своем законодательстве в отношении его прав и где эти права могут быть сужены. Этот метод, как мне кажется, должен вводить смешанные общества с участием частного капитала в сферу государственного плана.

Затем, Л. А. Виноградов подчеркивал вопрос об аппортах: как быть, когда таким смешанным обществам передаются национализированные заводы и проч.? На каком праве они передаются? С юридической стороны я не вижу здесь трудностей.

Мы не должны забывать, что, кроме форм отчуждения в собственность и арендной формы, есть ряд других форм, которые для частного капитала и для госкапитала вполне приемлемы. Первая—собственность, не годится, потому что национализированное имущество не отчуждаемо даже на бумаге; затем, арендная форма, в особенности при долгосрочных смешанных обществах, является недостаточно приемлемой, главным образом, в виду краткосрочности аренды, не больше 12 лет. И вместе с тем, практика показала, что попытка капитализировать арендную плату приводит к сложным и запутанным расчетам. Мы теперь поступаем иначе: указываем концессионерам, что смешанные промышленные общества получают из'ятое по 22 ст. оборудование и имущество и должны оценивать их совершенно также, как бы оценивали, если бы произведена была продажа, потому что это имущество передается в пользование на 30—40—50 лет, а за такой срок амортизуется любое имущество, что технически идентично отчуждению, но с обязательством заменить новыми частями с производительной способностью, не меньше прежней.

В заключение я полагаю: акционерную форму нужно сохранить не для стопроцентных госпредприятий; в чистом же виде—для смешанных акц. обществ. Во-втором случае

нужно исходить именно из Гр. Код., и засим, идя в порядке дарования льгот, делать те или иные исключения и предоставлять права. Еще одно замечание: если не частный капитал участвует, а участвуют местные кооперативы, крестьянские организации, то я убежден, что для такого рода организаций акционерная форма не годится; во многом она не подходит; здесь нужно брать особый тип обществ с переменным составом и капиталом, по типу электрификационных товариществ, или, скажем, как было раньше, по типу обществ взаимного страхования, т.-е. то, что теперь Гр. Код. называет „товарищество с ограниченной ответственностью". Вот тот тип, который, повидимому, больше всего соответствуют задаче организации коллективных предприятий при участии местных госпредприятий, госорганов и кооперативов. Хорошо было бы сработать устав в этом духе, дать его как образец для разрешения этой проблемы.

Итак, я полагаю, что акционирования стопроцентных обществ не должно быть.

Два года тому назад я уже указывал, что пора бы было создать междуведомственные паевые государственные товарищества. Это единственный выход из положения, и это даст нам четкие организационные формы. Борьба за четкие организационные формы идет всюду, где ставятся определенно культурные, хозяйственные задачи, и для нашего хозяйства это является совершенно назревшим и необходимым лозунгом. Раз необходимы четкие правовые формы, надо проблему паевых гос. товариществ хорошенько проработать, придав ей соответствующую гибкость и согласовать ее с принципами нашего хозяйственного строительства. Проработав это вместе с законами о синдикатах, трестах и торгах, мы получим стройную систему форм для построения гос. предприятий. Современем эти законы можно будет об'единить и вывести за скобки все общие в них нормы, и тогда вы увидите, что закон о госпредприятиях всех видов окажется столь же ясен, как закон об акц. обществах.

Прения.

Н. А. Арефьев. Я в большинстве согласен с выводами, установленными докладчиками, но не согласен с тем, что все существующие акц. о-ва с исключительным участием госкапитала должны быть пересмотрены и реорганизованы в тресты или в организации с известными особенностями.

Я конечно, не отвергаю различия между частным и публичным правом, но это различие все таки не дает основания устанавливать такую принципиальную разницу в организационном построении акц. о-в на Западе и у нас; как на Западе, так и у нас действуют товарные отношения; хотя там общества действуют на индивидуальном начале, но это начало в наше время

в значительной степени проникается публично-правовыми чертами (возьмите рабочее, налоговое законодательство, попытки регулировать имущественные отношения, банковское право и т. д.).

У нас мы имеем государственное хозяйство. Что же, социализм это? Нет, мы имеем пока государственный капитализм, сущность которого покоится на тех же товарных отношениях, которые регулируются спросом и предложением, рынком. И вот эта товарность нашего хозяйства создает то, что наши гос. хозяйства вынуждены строиться на тех же самых индивидуалистических началах, что и на Западе. Я не буду отрицать, что гос. хозяйство регулируется административным воздействием и финансово-экономической политикой государственной власти, но все-таки основная сила—стихия товарного рынка.

В анализе тов. Виноградова очень много правильного, но он забыл одно: о роли финансового капитала. Он должен вспомнить, что Гильфердинг говорит об удвоении средств страны, благодаря акционерному капиталу. В акц. о-ве, с одной стороны, имеется финансовый капитал, а с другой стороны—промышленный капитал. Акционер, давший денежный капитал, получает акции, и эти акции по экономической сущности приобретают характер самостоятельного финансового капитала; обладатель этих акций является все равно, что обладателем золотых монет, а на-ряду с ним получается ряд новых ценностей, фабрик, оборудований; значит, капитал удвоился. Тов. Виноградов, анализируя акц. о-во, имел в виду этот последний аспект,—роль акций, как финансового капитала; с этой точки зрения он совершенно прав. Эта сторона не могла не наложить особенностей на акц. законодательство, но все-таки развилось и выросло оно не на этой базе. Акц. законодательство есть построение той организации, которая должна управлять промышленным и торговым капиталом. Потребность целесообразного управления капиталом определяет форму акц. о-ва. Какие же преимущества в акц. форме? Прежде всего, ограниченная ответственность. Собран капитал и дальше те, кто финансировал акц. о-во, перестают быть владельцами этого капитала, они превратились как бы в кредиторов; различие в историческом процессе между акциями и облигациями совершенно стирается; имущество общества становится самоцелью. Это большое преимущество акционерного предприятия.

Другая особенность—легкость финансирования акц. о-ва. Затем, при всех изменениях кон'юнктуры рынка есть возможность приспособиться к новой кон'юнктуре; акционерная форма уничтожила другие организации торгового и промышленного капитала и не изжила себя и сейчас; она реальна и у нас. Для государства, которое хочет и вынуждено хозяйствовать в сфере товарных отношений, она безусловно необходима везде, где требуется не посредственное хозяйствование, а через авто-

номные предприятия. Трест есть сколок акц. о-ва, — права ВСНХ есть права общего собрания; поэтому, я говорю, что акционерная форма сейчас себя не изжила.

Есть еще один момент—чисто политический; говорят, что акц. о-во со 100 процентным участием госкапитала нужно планировать и регулировать, что оно—одна из командных высот и поэтому нельзя его переводить на частно-правовые основания. Я думаю, что в этом отношении также нет никаких препятствий, т. к. вчера т. Шретер указал, что даже госучреждения бывают вынуждены участвовать в товарном обороте на частно-правовых началах: покупать как частное лицо, нанимать служащего, как нанимает частный предприниматель по Кодексу Труда и т. д., и т. д.; публично-правовое регулирование даже в тех случаях, когда нужно сохранить командные высоты, бывает совместимо при выполнении отдельных функций с частно-правовыми основаниями.

Не случайно все наши банки, за исключением Госбанка, организуются как акц. о-ва. Попробуйте сказать, чтобы банк перестал быть акц. обществом и превратился в госпредприятие под строгим контролем наркомата; если вы к нему будете применять те же методы, какие применяете иногда к трестам, он перестанет существовать как банк. Банк настолько тонкое учреждение, тесно связанное с широким денежным рынком, с широкими кругами товарооборота, что всякая попытка такого административного регулирования привела бы к тому, что банки просто начали бы хиреть.

Затем, у меня принципиальное расхождение с тов. Шретером и Виноградовым в оценке способов регулирования; у них это регулировение сводится к какому-то административному регулированию, между тем, регулирование по приимуществу должно быть основано не на методах административного регулирования. Когда государственная власть вырастает в смысле хозяйственном, и начинает обладать твердой, стройной и крепкой банковской системой, когда она может бросить в хозяйство больше денежных средств, когда она закрепила за собой известные командные высоты, в виде крупных отраслей промышленности, методы административного регулирования отходят на задний план и выдвигаются другие методы регулирования: путем финансирования, кредитования, налоговой политики, хозяйственной политики и т. д., и т. д. Так вот, при этих обстоятельствах нечего бояться признать наши акц. о-ва частно-правовыми организациями. С этой точки зрения, мне кажется, что в проблеме может остаться даже возможность перевода некоторых из существующих трестов на акционерные начала.

Я думаю, что в нашей практике есть много нецелесообразного, неясного, и нужно привести это в известный порядок, но мне кажетси, что в этом отношении нужно не закон пригонять к практике, а нашу практику пригонять к закону. Надо

целый ряд наших акц. о-в пересмотреть. Может быть, есть такие, которые по своей природе не являются акционерными обществами и должны называться трестами, может быть и нужно перевести их на положение трестов, но в основной своей массе хозорганы этого типа должны оставаться акц. о-вами на частно-правовых началах, они от этого только выигрывают. У т. Шретера почему-то выходило такое положение: если государственно-правовая организация, то она получает какие-то привилегии, а если частно-правовая,—она их лишается. Согласитесь, что можно для ряда частно-правовых организаций сохранить часть привилегий, но, конечно не тех привилегий, которым обладают сейчас некоторые гос. предприятия и от которых они часто готовы были бы отказаться. Возьмите 13 статью Положения об арбитражных комиссиях, когда приходишь с иском, а вам в этом иске отказывают по хозяйственной целесообразности. Есть целый ряд положений в смысле нормирования заработной платы, в смысле установления лимитных цен и т. д., и т. п. Есть целый ряд таких положений, которые, если не признать их за акц. о-вами частно-правового характера, то общества не потеряют, а только выиграют. Иногда они могут потерять в том, что им не будут подавать вагоны, тарифы будут выше и т. п. Но, ведь, это уже не область акцион. законодательства, а область регулирования оборота, и другая тема дискуссии.

Вахчисарайцев Х. Э. (ГУВП). Я полагаю, что весь опыт образования и деятельности акц. обществ, где участвует исключительно гос. капитал, приводит к выводу, что здесь действительно кроме вывески акц. общества, очень мало того, что мы могли бы разуметь под именем акц. общества, как оно дано у нас в Гражд. Кодексах, и что методы управления и регулирования в отношении этих обществ, в общем, фактически те же методы, как и установленные для наших госпредприятий. В значительной мере относится это и к тем из так называемых акц. обществ, которые имеют выход на внешний рынок. Конечно, на внешнем рынке умеют разобрать контрагента, и никого в заблуждение там не введешь. Да и необходимости в попытках последнего рода нет. На европейский рынок выходят наши тресты и синдикаты, о которых все знают, что это госпредприятия, и хотя общегосударственная казна по их долгам не отвечает, удельный вес их и заграницей признается, повидимому, весьма серьезным.

Но если за одними обществами признавать права государственных, а за другими частных, как прикажете разобраться в этом третьим лицам, которые могут быть заинтересованы в осведомлении, кто тут фигурирует? И это не только, когда они вступают с самим таким „Акц. Обществом" в контрагентские отношения (здесь еще можно спросить устав), но и тогда, когда при обязательственных или залоговых операциях с какой-либо

сторонней организацией вы узнаете, что эта же организация состоит в контрагентской связи с упомянутого рода „акц. обществом"; ведь тут для определения очереди и размера вероятного покрытия претензии весьма важно знать, кто с вами в качестве другого кредитора будет конкурировать, — госпредприятие ли (пользующееся некоторыми преимуществами, скажем, по ст. 101 Гр. Кодекса) или предприятие частное. Таких существеннейших в условиях нашего оборота неудобств и недоразумений должно, при данном положении вещей, возникать немало. Нельзя, чтобы иногда дважды два имело выводом четыре, а иногда—пять. Нельзя, чтобы институт, называемый акц. обществом, иногда был обыкновенным частно-правовым явлением, а в другом случае он оказывался гос. предприятием, с соответственными преимуществами, но и с соответственными же методами регулирования и управления им. Полагаю, что такого рода придание двойного значения одному и тому же определению, применение одноименной квалификации и конструкции для юридических явлений разного порядка—было бы ошибкой (несмотря на наличие некоторого сходства по структуре их органов и т. п.). И вот отсюда мы приходим к тому положению, которое было выдвинуто здесь докладчиками.

В основу нашей резолюции надо взять тезисы докладчика В. Н. Шретера. Исходным пунктом нам мог бы послужить его тезис о том, что в виду различия природы акц. общества со 100%-ным участием госкапитала от прочих акц. обществ—те и другие должны трактоваться особо, в настоящее же время 100%-ные по госкапиталу акц. общества имеют „фальшивое" наименование.

Но если мы принимаем приведенный тезис пр. Шретера, то возникает вопрос: в какие же формы можно было бы облечь гос. предприятие, образованное общими усилиями нескольких других государственных предприятий? Обращаясь к 6-му из тезисов Л. А. Виноградова, мы видим, что здесь устанавливаются два пути—*либо междуведомственный трест, либо государственное паевое товарищество*,

и что и на дальнейшее время допускаются обе эти формы. Ввиду того, что гос. паев. товарищества в той формулировке, которая здесь проектирована, разумеют не только торговые, но и промышленные предприятия, *думается, эта форма должна будет поглотить и междуведомств. трест*. Издание же соответств. закона о гос. паев. товариществах, повидимому, не за горами. Впрочем, поскольку закона о гос. паев. товариществах еще нет, *возможность создания междуведомственных трестов еще себя не изжила*.

Я должен указать, что когда мы защищаем мысль о преобразовании акц. обществ с исключительным участием госкапитала в гос. паев. товарищества, то этим не предрешается полная солидаризация с соотв. проектом НКВнуторга. Напро-

тив, сделанные здесь замечания т. Шретера должны найти у нас полный отклик. В целом же в форме гос. паев. товариществ мы думаем найти ту организацию, которая действительно будет отвечать природе тех гос. предприятий, которые ныне облекаются в одежду акц. обществ (или, как говорят иногда—гос. акц. обществ) и которые по условиям своей работы и правового режима требуют как упрощения порядка возникновения и структуры, так и закрепления прав и преимуществ, свойственных госпредприятиям.

В заключение отмечу, что нужно было бы остановиться особо на смешанных акц. обществах, где гос. капитала более 50%, т. к., повидимому, и эта группа имеет некоторые особенности, требующие соответственного выявления. Для остальных обществ можно принять соответственные тезисы тов. Шретера.

Розенблюм, Д. С.—Я не согласен с основным положением доклада тов. Шретера. Я могу сочувствовать его тоске по четким организационным формам и различиям между частным правом и публичным, но что же делать—жизнь в наши юридические организационные формы не укладывается. Задача юриста не в том, чтобы уничтожить жизнь, а обратно—изучать жизнь и по ней строить и к ней приспособить те или другие юридические формы. Мы привыкли учить везде, что государственное имущество, двинутое в частный оборот, становится подчиненным правовому режиму частного права; согласно учения западно-европейского права, госимущество в этом случае становится фиском. Но у нас об этом нет речи, у нас госимущество, вдвигаемое в частный оборот, фиском не становится: оно не может быть отчуждаемо, хотя и может быть внесено как аппорт. Таким образом, нужно подумать о том, чтобы построить теорию, которая отвечала бы жизни, а не поступала обратно.

Докладчики утверждают, что центральной идеей их являются акции,, цена, дивиденд, мобильность. Да, об этом говорит старое доброе акционерное право. Но в Западной Европе, по существу говоря, давно об этом забыли. Душа акц. о-ва не в мобильности акций, не в дивиденде, а в пакете акций. В нынешнее время финансового капитала главное заключается не в вопросе о ценах акций, а в том, в чьих руках находится их пакет. Из-за пакета идет борьба; цены на акции подымаются высоко, когда нужно скупить акции, получить 51%. Эта идея пакета акций отвечает общей идее всего современного построения собственности и, вместе с тем, нашему советскому строю. Для современной собственности совсем не важно, что ее можно отчуждать и продавать, как это было раньше; для современной собственности важны ее социальные функции, важна хозяйственная эксплоатация, заключающееся в собственности полномочие хозяйственной эксплоатации. Вот центральная идея нынешней правовой системы. Поэтому для

познания существа обществ важно, кто хозяйственно эксплоатирует их предприятия. Я утверждаю, что в этом—главнейшая центральная идея акц. о-в современной Западной Европы, которая в действительности, фактически ничего не оставила от былых прав—общего собрания и всех великих демократических свобод, сопровождающих систему акц. права. Возьмем для примера такие общества, как акц. о-во Транспорт, Промбанк, Каспийское пароходство и все коммунальные банки. Все они построены по тому же принципу государственного пакета акций в 51%, причем все преследуют исключительно публичные цели, будучи построены по принципу смешанных акц. о-в. Неужели мы должны их трактовать, по мнению проф. Шретера, как частно-правовые организации?

Словом, в нашей промышленной и торговой жизни распространена идея пакета акций, защищающая госимущество. Эта идея, что не меньше 51% должно принадлежать госпредприятиям, нашла себе широкое применение и в нашем законодательстве, где такие акц. о-ва приравниваются в силу целого ряда законов к госпредприятиям и защищаются, как таковые. Все правила о налоговом обложении, о подоходном налоге, о помещении резервных капиталов, которые применяются к госпредприятиям и учреждениям, распространяются и на акц. о-ва с преобладающим участием госкапитала. Это—факты жизни, от который уйти нельзя. Нельзя сказать: факты противоречат теории и потому надо их отвергнуть. Нельзя утверждать, что всякое акц. о-во будет частное о-во, и потому надо создать новый закон о каких-то специфических паевых товариществах, которые не будут частно-правовыми акц о-вами, а скорее будут видом трестов. Это—теория для удобства юриста. Мы должны поступать совершенно обратно, и я утверждаю, что наша законодательная и уставная практика отвечают общим экономическим тенденциям акц. права на Западе, если юридически оформляют факт пакета акций.

Я должен, однако, сделать одну оговорку, что положение о гос. паевых товариществах не должно быть относимо к тем смешанным акц. о-вам, в которых участвует иностранный капитал; особые отношения между нами и буржуазной Западной Европой являются тому достаточным обоснованием.

К каким трудностям привела бы точка зрения В. Н. Шретера, как бы она необычайно запутала всю нашу жизнь, показывает пример акц. о-ва „Хлебопродукт", которое имеет выход на внешний рынок и которое, по мнению докладчиков, должно сохранять акц. форму, оставаясь частно-правовой организацией. Это общество обратилось с слезной мольбой в законодательные органы о том печальном положении, в котором оно очутилось, вследствие такого четкого юридического различия, так как оно в качестве акц. о-ва частно-правового не пользуется никакими льготами госпредприятия, и потому при распределении претензий ничего не получает от своих должни-

ков. Помимо того, оно особо облагается рентой, не имеет права на под'ездные пути и т. д. Между тем, в нем участвует исключительно госкапитал. Общество правильно не понимает, почему его лишают тех привилегий, которые имеют все госпредприятия, когда все обязанности, которые возлагаются на госпредприятия, оно несет, получая своевременно приказы и распоряжения НКВнуторга и других высших органов. Поэтому я думаю, что мы должны построить другую теорию, вдуматься ближе в идею юридического оформления пакета акций и сказать, что не будет противоречить современной жизни, ее тенденциям и самой природе нашего советского государства, если постановить, что акц. о-ва с исключительным и преобладающим участием госкапитала должны быть приравнены к госпредприятиям. Еще один вопрос: не кажется ли вам удивительным, почему госпредприятия в форме акц. об-в. Транспорт, Хлебопродукт, коммунальные банки, Промбанк, Льноторг, почему все они стремятся к этой самой акц. форме? Очевидно, есть такие стороны акц. о-ва, которые им удобны, дают большую свободу оперирования, автономию и удобства при распределении той власти в хозяйственном предприятии, которую дает тот или другой пакет акций.

А. И. Поволоцкий. Я согласен с докладчиками, что акц. предприятие это форма частно-правового предприятия, и здесь не нужно вносить путаницы. Если государство по соображениям экономической целесообразности признает необходимым определенную сумму своих средств вложить в организованное на частно-правовых основаниях предприятие, то к этому предприятию и надо подходить как к частно-правовому. Поэтому, исходя из тех же предпосылок т. Розенблюма, я прихожу к диаметрально-противоположному выводу: там, где есть чисто-государственное предприятие, там не нужно прибегать к фикциям. Если мы не создаем частных трестов, так давайте разграничим: акц. о-ва это—одно, а гос. паевое товарищество это, совершенно другое дело; тогда мы не будем путаться в трех соснах. Пример: помните вы принудительное размещение облигаций, сначала их вручение шло по принципу преобладания государственного капитала в акц. обществе. Затем Наркомюст раз'яснил, что по своей природе всякое акц. о-во есть частно-правовая организация, и тотчас же Наркомфин издал циркуляр, чтобы всем акц. общ-ам вручать облигации. Поэтому говорить, что четкость форм не имеет значения, — нельзя. Ссылка на то, что часто хозяйственники хотят превратить государственную организацию, в которой они работают, в акц. о-ва—не доказательство. Здесь мы из области экономики, из области права переходим в область психологии. Если будут чисто-государственные акц. о-ва, то совершенно ясно, что государство будет регулировать деятельность гос. обществ, как регулирует оно работу трестов. Формы для этого найдутся. Я в полной мере

согласен с докладчиками в том, что форма акц. обществ со 100% госкапиталом пока нужна там, где государству в этом виде удобнее выходить на заграничный рынок.

С. Л. Драбкин.—Структура, предлагаемая нам Гр. Кодексом, абсолютно не пригодна для нашей акционерной действительности. Правовая фигура акц. о-ва по Гр. Код. Союзных Республик, с одной стороны, слишком громоздка, а с другой,—своим излишним демократизмом совершенно не соответствует всему нашему хозяйственному и политическому укладу. Поэтому, я удивляюсь, что докладчики совершенно забыли о той форме аккумуляции капитала, которая так прекрасно оправдывала себя в Германии в области создания смешанных предприятий; это—форма товариществ с ограниченной ответственностью. Достаточно только вспомнить Стинеса, одного из талантливейших организаторов германского хозяйства, который, когда ему пришлось создавать свое смешанное предприятие в Рейнской области, организовал таковое по типу т-ва с ограниченной ответственностью, потому что в таких смешанных товариществах требуется в первую очередь отсутствие громоздкостиорганизации, необходима эластичность как в управлении предприятием, так и в смысле аккумулирования капитала, при чем не играет роли именно товарность пая, акции, а ценно личное участие участников дела. Если государство вносит в организуемое предприятие определенное имущество или же регалию, то в данном случае ценно именно участие государства, как такового, а участие частного капитала и частных лиц ценно тем, что они вносят свою инициативу, свое личное участие в ту сферу, которую государство считает своей исключительной прерогативой. Нам именно нужен такой тип смешанной индивидуалистично-капиталистической товарищеской формы. Поэтому я считаю целесообразным, чтобы в эту резолюцию по докладам т. т. Шретера и Виноградова было бы помещено упоминание о необходимости выдвижения формы т-ва с ограниченной ответственностью, как более соответствующей нашей хозяйственной структуре, но, конечно, в более разработанном виде, чем это имеет место в Гражд. Код.

Поскольку т. Шретер говорил о частном и о публичном праве, я считаю, что в наших условиях гос. капитализма, коренным образом отличающегося от гос. капитализма в Западной Европе, говорить о четкой отграниченности частного и публичного права представляется не только нецелесообразным, но это создает путаницу в построении правовых фигур. Если уже говорить об автономии частной воли, то надо вспомнить, что автономия, свободная воля в условиях капитализма—это есть лишь химера и самообман, потому что за частными интересами, за этой автономией кроются определенные капиталистические группы и силы, которые в конечном счете определяют то или иное правовое волеиз'явление.

Затем, относительно гос. паевых о-в. Проект НКВТ отмечен отсутствием жизненности и ответа на требования, выдвигаемые нашей повседневной практикой. В наших гос. акц. об-вах органы управления, как известно, фактически назначаются. Это нужно было бы отразить в первую очередь в проекте НКВТ, ибо акционерами являются не лица а госпредприятия, подчиненные наркоматам по той или иной отрасли хозяйства, и эти наркоматы по свойству своей власти заранее предписывают выбирать то или другое лицо в органы управления; необходимо путем правовой нормы оформить эти фактические отношения, не создавая излишней трудности при организации органа управления.

Теперь относительно предложения т. Виноградова, чтобы по примеру Англии создавать присяжных ревизоров, коим поручать ревизию акц. о-в. Конечно, эта идея хорошая, но в нашей практике это совершенно неприемлемая форма производства ревизии, потому что фактически в ревизионной комиссии членами являются представители наркомата или госпредприятия, которое с помощью выделенных членов ревизионной комиссии—своих сотрудников—следит за работой этих обществ. Приглашение особых присяжных ревизоров, которые не связаны с работой наркомата или госпредприятия, конечно, не даст желательных результатов и привиться не сможет.

Затем отнсительно проблемы аппорта.

Точка зрения, предлагаемая докладчиками, о внесении госпредприятий по их стоимости в оплату паев, не является реальной в наших условиях. При неотчуждаемости основного капитала гос. промпредприятий совершенно невозможно установить коммерческую стоимость таковых. Нельзя говорить о стоимости имущества, когда нет рынка, где эта стоимость могла бы устанавливаться. Поэтому мы пришли к другой конструкции, предложив расценивать аппорт по арендной плате за эксплоатацию предприятия в течение, примерно, 12 лет аренды. На практике у нас на Украине это дало хорошие результаты; поэтому было бы целесообразным обсудить нашу практику здесь и выявить ваше мнение по этому вопросу.

В. Н. Шретер.—Тов. Арефьев, защищая акц. формы, указывал, что в сущности нельзя отрицать, что даже и тресты (а тем более стопроцентные акц. о-ва) ведут строго-товарное хозяйство; следует ли из этого, что они являются частными предприятиями? Здесь кроется недоразумение: это касается внешних методов ведения предприятия; даже казна, бесспорно публично-правовая организация, ведет на рынке операции при помощи частных сделок; это вне плоскости нашего спора. Мы же говорим о внутренней организации, и я выдвигал положение, что вся внутренняя организация госпредприятий построена на публично-правовых началах.

Затем т. Арефьев подошел к вопросу об урегулировании и говорил, что в сущности различие в качестве, а не в количестве. Здесь уже коренное расхождение, и я подтверждаю это различие в качестве и могу привести исторический пример: когда у нас проводилась кампания „ножниц" и введения лимитных цен, государство при всей катастрофичности положения не шло на то, чтобы установить лимитные цены для частного опта. Было прямое раз'яснение, что лимитные цены для него не обязательны. Вот ярко выраженный пример различия не в количестве, а в принципе, в качестве. Здесь наше правительство совершенно сознательно признало автономность частного предпринимателя и не признало автомности госпредприятий; пример совершенно определенный.

Затем т. Арефьев говорил, что регулировать можно и на базе акционерной формы. Нет, этого именно сделать нельзя; укажите законную форму регулирования акц. предприятия, когда в сущности его хозяином является общее собрание... За 3 года эта форма не сумела найти себе оправдания. Наконец, он же указывал на известные преимущества и говорил об ограниченной ответственности государства за долги. Но ведь та форма паевых товариществ, о которых мы говорим, также ограничивает ответственность. Что же касается легкости финансирования, то это заявление не обосновано. Никто не сумеет привести случая, где бы эти 100%-ные госпредприятия сумели бы черпнуть с рынка какой-нибудь особый приток частного капитала. Я предупреждал это возражение в своем докладе и указывал, если в запасе оставлять какие-то акции, чтобы частный капитал затем пришел за ними, то нет такого примера, где бы этот частный капитал пришел, а практика показывает, что если частный капитал идет в эти смешанные общества, то он сначала прощупает устав и переделает его под свои требования. Практика показывает, что это только самоутешение, и я утверждаю, что никаких преимуществ акц. о-ва, из-за которых эту грешницу следовало бы помиловать,—нет.

Тов. Драбкин в поисках новых форм предложил вспомнить германское т-во с ограниченной ответственностью. Но я тут напомню т. Драбкину, что там это G. m. b. H. переделывается на другую кличку в смысле „подмоченных предприятий", и вовсе не вызывает восторга. Нужно взять историческую справку о развитии этой формы довольно широко применяемой теперь, в эпоху нужды, в Германии: по существу здесь просто ряд поблажек против требований акционерного закона, и я полагаю, что эту форму нельзя предлагать взамен наших акц. предприятий. У нас этих Стиннесовских поблажек быть не может.

Единственным защитником акц. о-в явился сегодня т. Д. С. Розенблюм, начавший ссылками на факты. Прежде всего он указал на положение фиска на Западе. Но тут ошибка и для Запада: там продажа с молотка фискального имущества тоже

пассует и платежи вынуждаются только в ведомственном порядке. Наоборот, наши тресты, построенные на публично-правовом начале, поставлены в другие условия, и здесь нам перед западно-европейским фиском не стыдно, у нас линия коммерческого расчета проведена до максимальности. Другой факт. Д. С. Розенблюм указывает, что трагическое положение создалось бы, если принять мнение докладчика, на примере „Хлебопродукта"; но я как раз говорил, что „Хлебопродукт" должен сохранить акц. форму, как оперирующий на внешнем рынке. Если угодно уточнить тезисы, то я считаю, что 100%-ные предприятия допустимы в виде акц. формы, но только в качестве белой вороны, т.-е. в виде исключения. „Хлебопродукт" и Промбанк это колоссы, и мы все знаем, что для них вовсе не нужно общих законодательных норм, но благодаря личной унии в управлении, они подчиняются плановой линии. Следовательно, это—исключения, против которых никто не станет спорить. Западная Европа знает такие же исключения. Других фактов не было у т. Розенблюма, единственного защитника, а молчание остальных товарищей может быть истолковано, как согласие с докладчиками в том смысле, что акц. 100%-ные предприятия не оправдали себя, они чреваты бесконечными недоразумениями, а положительных фактов в их защиту не приведено.

Теперь дело с преимуществами, которые выдвинул Д. С. Розенблюм. Он говорил: „Не верно вы говорите, что все дело в акциях, и что политика акций кладет свой отпечаток; все дело в пакете". Но согласитесь, банк гонится за пакетом акций не для того, чтобы извлекать выгодный дивиденд, но чтобы заставить предприятия покупать только для своих заводов, кредитоваться в своих банках и заставить платить большие проценты, т.-е. снять у этого акц. о-ва прибыль другими путями. Вот где задача пакета, но эта задача нежизненна и неприемлема и не имеет смысла для построения нашего хозяйства. Следовательно, проблема пакета так же, как и проблема акций, для наших госпредприятий практического смысла не имеет. Следовательно, и относительно преимуществ дело слабо.

Было указано и другое преимущество: можно легче привлечь частный капитал; но я уже говорил, что это самоутешение; если дело пойдет хорошо, то госпредприятия не пустят частных капиталистов—зачем делиться прибылью; если же дело пойдет плохо, то частный капитал не пойдет в смеш. о-во.

Остаются общие соображения т. Розенблюма. Он апеллирует к жизни и говорит, что, увы, жизнь не укладывается в определенные правовые рамки. Я полагаю, что результат нашего Совещания по моему иной: наоборот, акц. форма в жизнь не уложилась и противоречит ей, и я испытываю тоску от неразберихи и от нашего юридического бессилия, когда мы видим больше года, что нет четкой здоровой организационной

формы, и мы до того беспомощны технически, что до сих пор месяцами прорабатывается этот проект о паевых т-вах, а воз ни с места. И еще большую тоску я буду испытывать, если такое высоко квалифицированное собрание, которое для меня является праздником, на таком Всесоюзном Совещании только распишется в беспомощности: давайте, мол, заявим, что жизнь есть жизнь, пусть хаотически развивается как может... Это была бы печальная позиция.

Я, наоборот, хотел бы верить, что на основании точного жизненного анализа, строя правильные обобщения, мы должны и способны дать соответствующие здоровые формы. Задача юриста попытаться дать четкие формы, регулирующие то, что фактически есть; в этом я вижу нашу величайшую и ответственную задачу перед страною и профессией, представителями которой мы являемся, ибо простой опыт и практическая линия, проводимые в условиях беззакония, без четких правовых форм, связаны с большей потерей времени и с неразберихой в экономике. Четкие правовые построения—это величайшая экономия и с точки зрения хозяйства; они дают возможность сразу учесть явления и в момент, когда дело начинает сходить с рельс, сразу заметить это. Я всегда выдвигал утверждение, что нам нужно четкое торговое законодательство так же, как нужен устойчивый рубль, устойчивая политика цен и вообще устойчивая экономическая политика. И сейчас я полагаю, что меня поддержат в этом направлении. Я защищаю основные положения моего доклада: 1) в настоящее время можно твердо говорить, что жизнь доказала, что 100% акц. госпредприятия в общем неудачная форма, и 2) я констатирую, что против признания смешанных предприятий частными, даже с преобладанием госкапитала, по существу серьезных возражений не было.

Виноградов, Л. А. Необходимое замечание по поводу точки зрения, которую отстаивал т. Розенблюм; мне кажется в ней много догматики и мало увязки с экономикой, которую мы, работники центра, также должны ставить своей целью и тем более бороться со всеми тенетами, налагаемыми на образование смешанных акц. обществ, хотя бы и под предлогом содействия их возникновению.

Президиумы ВСНХ РСФСР и СССР уже давали отзывы, что нельзя итти по линии крайнего огосударствления акц. о-в, навязывая смешанным акц. обществам максимум государственного регулирования и опеки: это значило бы отвергнуть весь частный капитал; никто не пошел бы в учреждаемое на таких условиях общество.

Новейшее течение нашей экономики требует возможно больше вовлекать частный капитал в оборот. Надо призывать к раскрепощению смешанных обществ от приравнения к госорганам, к восстановлению частно-право-

вой природы их, без присвоения особенных льгот и без резко выявленного регулирования их внутренней жизни.

Вместе с тем мы не откажемся и от идеи образования междуведомственных трестов. Они желательны и пример таковых уже существует. Северный рыбный трест, образованный ВСНХ СССР и тремя губисполкомами и утвержд. СТО 3 декабря 1924 года (приказ № 66); в этом тресте гегемония принадлежит союзному ВСНХ и три губисполкома признают, что это вполне удачная для них форма. Поскольку ВСНХ имеет в тресте большую часть капитала, он дает своего председателя правления, а остальные места распределены между тремя ГИК'ами; дивиденд распределяется, соразмерно доле участия, в союзный и в местные бюджеты. Такая форма оказалась вполне жизненной. По линии РСФСР прорабатываются четыре проекта таких же междуведомственных трестов, в организации которых участвуют одновременно несколько губисполкомов во главе с федеративным ВСНХ. Один проект рассчитан на 8 губисполкомов и федеративный ВСНХ. Словом это идея, которая претворилась в жизнь, и я не мог бы отказаться от нее после того, как она стала для нас вполне реальной. Но по соображениям идеологического характера, параллельно с междуведомственным трестом мы хотим установить форму, в которой представлялось бы больше инициативы и местам, форму более автономных государственных паевых тов-в, на работе которых мы могли бы яснее проверить, что наиболее отвечает и государственному капитализму и задачам строительства промышленности.

Что касается шумной рекламы в пользу товариществ с ограниченной ответственностью, которые и в Германии иногда называются Gesellschaft mit beschränkter Hoffnung, то я бы сказал, что они действительно являются товариществами „с ограниченной надеждой на успех". Несколько десятков тысяч их представляют собою вульгаризованную форму акц. общества, весьма спорную по структуре и кредитоспособности и еще недавно отвергнутую в проекте швейцарского кодекса известного цивилиста Губера. Эта форма может привиться только в тех странах, где имеются вековые навыки отчетности, кредитной осведомленности и где может очень скоро караться всякое нарушение мелочных предписаний об оглашении изменений в капитале и составе участников. В большинстве стран такие т-ва не могут получить применения.

Мне кажется, что цель наших докладов почти достигнута. Мы старались показать, что акц. форма бесконечно интересна, открывает блестящие возможности, но обращение с ней требует большой осторожности и практической подготовки к пользованию ею. Немецкие юристы называют эту форму instrumentum diaboli, от которого можно ожидать не только добра, но при неумелом

обращении и зла. Большой практик и выдающийся юрист Гольдгейм бросил крылатую оценку этого института: „Я бы написал на первой странице каждого учебника акционерного права большими буквами эпиграф: Научись терпеть, страдать и никому не жаловаться". Именно: не жаловаться, так как в акц. обществе слишком возможны на легальной почве злоупотребления по существу, в ущерб общему делу, и слишком часто забываются принципы солидарности, свойственные общепризнанным понятиям товарищеской этики и товарищества.

Резолюция.

1. Существующие акционерные общества, с исключительным участием по уставу госкапитала (100%), образованные в порядке гражданских кодексов союзных республик, ни по своему положению в хозяйственной жизни страны, ни по своей организации не отвечают частно-правовому характеру акционерного общества, как он установлен в гражданских кодексах союзных республик.

2. Осуществляя фактически задания советского государства в области промышленности, транспорта, торговли и кредита, такие общества должны быть признаны особым законом предприятиями, которым предоставляются преимущества госпредприятий, действующих на началах коммерческого или хозяйственного расчета, почему они и должны выступать в обороте под особым наименованием „государственных паевых товариществ".

3. Учреждение и организация государственных паевых товариществ должны происходить по общим правилам акционерных обществ, с из'ятиями, освобождающими их от излишних формальностей:

а) предоставлением им права получения в основной капитал имуществ, из'ятых из оборота, и

б) упрощением порядка учреждения и формы управления (единоличный директор, совет вместо общих собраний и т. п.).

4. Смешанные акц. о ва с преобладанием по уставу госкапитала должны учреждаться на основании гражданских кодексов союзных республик и приравниваться в пределах, указанных уставом и специальными узаконениями, к государственным предприятиям на хозрасчете.

5. Впредь до издания положения о государственных паевых товариществах, совещание полагает, что действующие акционерные общества с исключительным или преобладающим участием госкапитала должны пользоваться всеми льготами, присвоенными по закону госпредприятиям на хозяйственном или коммерческом расчете.

Возникновение и правоспособность юридических лиц в области госпромышленности и торговли.

Доклад Л. И. Поволоцкого.

Значительное количество заключений юрисконсультам приходится давать по вопросу о том, пользуется ли данная организация, претендующая на промышленную и, главным образом, на торговую деятельность,—потому что в этой области больше всего бывает недоразумений,—правами юридического лица и каков об'ем ее правоспособности. Эти организации обычно имеют целый ряд мандатов и удостоверений от исполкомов и от центральных органов, иногда с предложением об оказании содействия их деятельности, и когда вы, проверив положение или устав данной организации, даете заключение, что она не пользуется правами юридического лица и что поэтому вы не можете допустить ее к участию в торгах, или не принимаете ее векселей, то начинается недовольство, звонки по телефону и т. д. Но когда вы этим самым, так наз. юридическим лицам предлагаете обжаловать ваши действия, то, по моим наблюдениям,—обжалование не производится. Организация предпочитает не жаловаться, так как в порядке проверки жалобы может быть установлено, что это действительно не юридическое лицо и деятельность его будет прекращена. Поэтому, потерпевший фиаско в одном месте, где юрисконсульт более определенен, организация продолжает действовать в других местах до тех пор, пока не последует ее ликвидация.

Я считаю, что одним из основных положений советского гражданского права является система предоставления прав (ст. 4 Гр. Код.). Литература выставляет это положение, как одну из основ советского гражданского права, и если предоставление прав признается необходимым моментом для правоспособности физического лица, то тем более это положение применимо к юридическим лицам. По отношению к физическим лицам мы действительно видали предоставление различных по об'ему прав. Возьмем, например, вопрос о кооперации,—и мы увидим, что

закон предоставляет не всем физическим лицам равные права участия в различных видах кооперативных организаций. Об'ем прав находится в зависимости от классового положения данного лица. То положение, что права юридического лица присваиваются только в порядке, установленном в законе, совершенно ясно и четко выражено в ст. ст. 13 и 14 Гражд. Код., выражено настолько ясно, что казалось бы не требует никаких доказательств. Правовая литература определенно стоит на той точке зрения, что самовольное возникновение юридических лиц невозможно. Сошлюсь хотя бы на Гойхбарга; „Хозяйственное право", изд. 1, стр. 28, Кобленца „Комментарии к Гражданскому Кодексу" в издании Института Советского права, вып. 1, стр. 41.

Второй вопрос, который имеет большое значение при изучении природы юридических лиц по советскому праву, это—вопрос о том, признает ли наше законодательство неограниченную правоспособность юридических лиц, или ограниченную, и если ограниченную, то по какому признаку ограничивается правоспособность. Определенный ответ на этот вопрос дает Гражданский Кодекс. Я не пойду по пути Никонова, который в статье „Юридические лица по Гражданскому Кодексу и в нашей современной действительности" в журнале „Право и Жизнь" за 1924 г, №№ 7—8, правильно признавая специальную правоспособность юридических лиц, строит свое построение на указании в ст. 13 Гр. Код., что юридические лица, „как таковые", участвуют в гражданском обороте и этими словами „как таковые" он обосновывает свою теорию специальной правоспособности юридических лиц по советскому праву. Мне кажется, гораздо правильнее и шире подходит к этому вопросу проф. Попов в докладе „Юридические лица по Гражданскому Кодексу и интересы госпромышленности", на Совещании юрисконсультов ВСНХ УССР („Вестник Юстиции" № 6—1925 г.), указывая на то, что система предоставления прав не мирится по существу с системою неограниченной правоспособности юридических лиц.

Во всяком случае литература по этому вопросу совершенно единодушна. Гойхбарг, Кобленц (цитиров. соч. стр. 27 и 42), Сливинский в Комментариях к Гражданскому Кодексу под редакцией Малицкого, Попов и Никонов (цитиров. соч.) определенно признают это положение.

Очень точно сказано у тов. Сливинского: „всякое юридическое лицо имеет определенную цель, выраженную в положении о нем, в уставе или ином акте, на основании которого оно существует. Этой целью определяется и ограничивается об'ем принадлежащей ему правоспособности. Соответственно этому определяется и предоставленный ему круг деятельности". В известной мне литературе, я не нашел противоположной точки зрения.

Таким образом, то положение, что правоспособность юридического лица по Гражданскому Кодексу есть правоспособность

специальная, правоспособность ограниченная, — мне кажется общепризнанным, и едва ли оно встретит возражение в нашей среде.

В дальнейшем я исхожу из этих двух предпосылок: 1) юридическое лицо должно возникнуть в порядке, установленном законом, и 2) юридическое лицо обладает ограниченной правоспособностью.

Чем же ограничивается правоспособность юридического лица? К этому вопросу можно подходить с двух точек зрения. Можно было бы стоять на точке зрения специальной правоспособности по роду или виду сделок, придерживаясь перечневой системы. По этому пути шло, например, наше дореволюционное право, которое ограничивало вексельную правоспособность целым рядом условий, то же и в вопросе о недвижимостях и т. д.

Я по этому пути не иду. Я считаю, что правоспособность юридических лиц в нашем Гражд. Код. ограничена теми целями, для которых они возникают. Гр. Кодекс ограничивает правоспособность юридических лиц не перечнем тех договоров и сделок, которые они вправе совершать. Ограничения правоспособности по роду сделок и договоров Гр. Код. не знает. Следовательно, я разделяю ту точку зрения, которая в последнее время проходит в раз'яснениях Наркомюста, например, что Губисполкомы и Уисполкомы вправе выдавать векселя, что госучреждения вправе выдавать векселя и т. д. („Фингазета", № 94 26 апреля 1925 года).

На этой же точке зрения стоят все первые статьи декрета о гострестах, о сельско-хозяйственных трестах и коммунальных трестах. Первые статьи всех Положений о трестах (а мы имеем 4 отдельных Положения о трестах) говорят о том, что тресту предоставляется самостоятельность в производстве своих операций, согласно утвержденного для каждого их устава. Эти слова служат показателем того, что трест пользуется самостоятельностью в производстве только тех операций, которые входят в круг его деятельности.

Указание на специальную правоспособность мы имеем и в ст. 35 декрета 10 апреля 1923 г. (и соответствующих статьях отдельных декретов о трестах), указывающей, что правление заключает все сделки, „входящие в круг операций треста".

Нельзя считать при этом, что цель деятельности треста — только извлечение коммерческой прибыли. Еслиб мы стали на эту точку зрения, то можно было бы сказать, что цель треста — извлечение прибыли, и, следовательно, все то, что дает прибыль, является допустимым для деятельности треста; такой взгляд был бы явно неправильным. Вопрос нужно ставить иначе, и цель извлечения прибыли это—дополнительная цель в деятельности трестов. Основная цель его деятельности есть развитие производства, сбыт изделий, которые входят в сферу его деятельности. Но нельзя слишком узко толковать цель деятель-

ности треста в соответствии с декретом от 2 января 1923 года, так как в таком случае мы заведем наши тресты в тупик. Я приведу пример из действительной жизни. Возьмите Резинотрест и Ленинградский кожевенный трест. В уставе Резинотреста сказано, что он производит торговлю резиновыми изделиями, а в уставе Кожтреста сказано, что он торгует кожевенными изделиями, но если для достижения общей цели расширения сбыта Кожтрест производит торговлю резиновыми галошами, то здесь, конечно, нет нарушения той цели, которая указана в его уставе. Таким образом, мой общий подход к этому вопросу таков: цель деятельности, указанную в уставе, нельзя толковать только потому формальному словесному выражению, которое в этом уставе дано.

Мы видим, что закон стоит достаточно определенно на точке зрения необходимости возникновения юридического лица в порядке, установленном законом, что юридическое лицо действует в пределах предоставленных ему прав для достижения определенных в законе или уставе целей его деятельности. Именно цель деятельности, цель промышленной деятельности, составляющая задачу данного треста и должна служить руководящим указанием при разрешении всех возникающих спорных вопросов о правоспособности треста.

В последнее время по этому вопросу возникает целый ряд коллизий, создается практика арбитражных комиссий по вопросу о внеуставных сделках. В частности я бы сказал, что инициатором постановки этого вопроса явилась Северо-Западная Арбитражная Комиссия, которая в двух решениях по делу Стандарт и Красного Водника определенно высказала ту принципиальную точку зрения, что трест должен сообразовать свою деятельность с той целью, какая указана в уставе. Вопрос этот дошел до Высшей Арбитражной Комиссии при ЭКОСО, и Пленум ВАК при ЭКОСО РСФСР 23 февраля 1925 г. вынес общее постановление: „признать, что явно неуставная сделка, не оправдываемая хозяйственной целесообразностью, должна быть признана недействительной, согласно 148 ст. Гражд. Кодекса с последствиями, предусмотренными 399 ст., а никак не 147 и 402 ст. ст. Гражд. Кодекса". Я считаю, что этот взгляд Пленума ВАК при ЭКОСО РСФСР является вполне правильным, потому что здесь дается указание на то, что нельзя узко толковать цель, указанную в уставе, а нужно подходить при рассмотрении вопроса о действительности внеуставной сделки еще и с точки зрения хозяйственной целесообразности.

Это постановление ВАК при ЭКОСО РСФСР подверглось подробному обсуждению в Еженедельнике Советской Юстиции в статье т. Фелонова (№ 16 1925 года). Т. Фелонов несомненно знал постановление Пленума ВАК при ЭКОСО по этому делу и на его основании строил свои выводы. Но он не знал дальнейшего движения этого дела. Между тем, после решения Пленума оно

поступило в ВАК СССР, которая в судебном заседании от 24 февраля 1925 года высказала некоторые дополнительные соображения, которые я нахожу совершенно правильными. Тов. Фелонов строит свои выводы на двух положениях. Первое: он говорит о том, что в двух случаях, доходивших до АК, для одной из сторон сделка была уставная, а для другой неуставная. На этом основании он приходит к выводу, что такого рода сделка не может быть признана недействительной. Эта теория является для меня совершенно новой и с точки зрения старого права, и с точки зрения современного права, и вероятно, с точки зрения будущего права, потому что если вы вступаете в сделку с недееспособным контрагентом (31 ст. Гр. Код.), а тем более с неправоспособным суб'ектом, то ясно, что сделка будет недействительна. Если признать положение т. Фелонова правильным, то и сделка взрослого с малолетним должна быть признана действительной, так как одна из сторон—взрослый—действует в круге своих прав.

Второе положение, которое высказывает тов. Фелонов, сводится к тому, что декрет 2 января 1923 года указывает, что нарушение этого декрета влечет за собой привлечение по 106 ст. к дисциплинарной ответственности, и говорит: в законе не сказано, что сделка признается недействительной, а потому наступает только дисциплинарная ответственность, но сделка остается действительной. Прежде всего, между дисциплинарной ответственностью и уголовной ответственностью по нашему Уголовному Кодексу в конечном счете различие не качественное, а количественное. Возьмем 105, 106 и 103 ст. ст. Всюду говорится о дисциплинарной и уголовной ответственности. Закон 2 января 1923 г. говорит о привлечении к ответственности по 106 ст. У. К., т.-е. допускает не только дисциплинарную, но и уголовную ответственность. Таким образом, то обстоятельство, что законодатель указывает, что за совершение такого рода сделок необходимо привлекать хозяйственников к ответственности, может только служить дополнительным основанием к признанию сделки в силу 30-й статьи Гр. К. недействительной. ВАК РСФСР высказал по этому поводу соображения, которые в общем совпадают с теми соображениями, которые я вам сейчас указал. ВАК в противоположность мнению, высказанному тов. Фелоновым, признает несомненным то, что сделки, совершенные вопреки декрету от 2 января 1923 г., подлежат признанию недействительными: запрещение совершения сделок под угрозою уголовной ответственности, по заключению ВАК, может лишь усиливать, а не ослаблять применение к делу ст. 30 Гр. Код., постановляющей о недействительности сделки, совершенной с целью противной закону".

Затем ВАК дает указание, что надо избегать чисто формального отношения к внеуставным сделкам, т. к. вполне возможны случаи, когда внеуставная сделка может для данного

предприятия оказаться хозяйственно целесообразной, а часто и совершенно необходимой.

Я исчерпал основные мои положения и те предпосылки, на которых я строю свои выводы. Разрешите мне теперь от твердо установленных положений перейти к вопросам действительности. Тов. Калинин на III С'езде Советов СССР (ВЦИК от 19 мая 1925 г.) сказал, что нужно проводить революционную законность даже в администрировании, что администратор, действующий вне закона, действует часто по произволу. Совершенно очевидно, что революционная законность должна быть еще в большей и, во всяком случае, не в меньшей степени проводиться в гражданских правоотношениях, в правоотношениях имущественного свойства. И если закон говорит о том, что юридические лица возникают в установленном порядке, то только та организация, которая возникла в установленном законом порядке, может быть признана юридическим лицом. Я считаю, что по отношению к промышленности вопрос достаточно урегулирован. Совершенно иначе обстоит дело с вопросами о гос. торговых организациях. Гос. торговые организации должны возникать в порядке, указанном Гражд. Код., как паевые товарищества и акционерные общества с уставом, утвержденным СТО и т. д. Другого пути для их учреждения нет. Но на местах, несмотря на это, возникает ряд гос. торговых организаций, присваивающих без законного на то основания права юридического лица. В связи с этим Наркомвнуторг РСФСР разослал циркуляр от 4 февраля 1925 г. № Т. П. 13., в котором указывает на то, что необходимо обратить внимание на порядок возникновения юридических лиц на местах и их деятельность и в частности на возникшие почти повсеместно „торги". В подтверждение своего права регулировать эти вопросы Наркомвнуторг ссылается на неопубликованное постановление Совнаркома РСФСР от 21 ноября 1922 г. (прилож. № 2 к прот. № 533 п. 2). В постановлении этом определенно указывается на то, что рассмотрение устава и торговых организаций возлагается на Комвнуторг. Следовательно, если какое-либо юридическое лицо хочет заняться торговой деятельностью, то оно должно предварительно обратиться в Наркомвнуторг. В этом циркуляре Наркомвнуторг дает поручение своим отделам пересмотреть юридическую физиономию торгов. Вот это и есть один из тех вопросов, по которому я от теории перехожу к действительности. В этой самочинности организации торгов виноваты все ведомства, не исключая, конечно, и нашего ВСНХ. Я заранее говорю об этом, чтобы кто-нибудь не сказал мне, что вы упрекаете другие ведомства, а сами делаете то же самое. Я и говорю, что и ВСНХ делает то же самое, например: Калужский Губсовнархоз образовал „торг" на хозрасчете и предоставил ему права юридического лица, не имея на это права. Случай этот, конечно, не единственный.

Другой пример из государственной деятельности. У нас в Ленинграде дело обстоит так: по закону Губисполкомам предоставлены права юридического лица. Губисполком создал райисполкомы и предоставил им права юридических лиц. Это не вызывает возражений, потому что Ленинградский и Московский Райисполкомы, хозяйственно и административно значительно большие единицы, чем уездные Исполкомы, а часто и губернские Исполкомы. Но затем при райисполкомах создаются производственно-эксплоатационные отделы, при чем Губисполком им не предоставляет прав юридического лица (Вестн. Ленингр. Сов. № 34—25 г). При производственно - эксплоатационных отделах возникают торговые под'отделы и Райисполком предоставляет торговым под'отделам права юридического лица на хозрасчете. Конечно, такого передоверия своих прав юридического лица закон не предусматривает, и, следовательно, юридическим лицом является только Райисполком, а не его торговые под'-отделы, которые широко выдают векселя.

Можно привести несколько примеров из деятельности организаций, преследующих общественные цели.

Русское Театральное Общество создало Коммерческое Управление, хотя по уставу оно является обществом, не преследующим целей извлечения прибыли. Это Коммерческое Управление торгует в Москве и в Ленинграде; в Москве занимается подрядами, комиссиями, операциями, лесозаготовками и т. д. Совершенно ясно, что часто при такой форме мы имеем прикрытие общественной формой частного капитала. Я не против допущения частного капитала к торговой деятельности. Но если частный капитал допущен, то он и должен работать, как частный капитал. Недопустимо ни госучреждениям, ни общественным организациям прикрывать своей фирмой частный капитал

Второе обстоятельство, на которое, по моему мнению, надо обратить серьезное внимание, на коммерческую деятельность учебных заведений Наркомпроса. Есть декрет о специальных средствах учебных заведений Наркомпроса. Там сказано, что (Собр. Уз. 1923 г. № 18 и 85) учебные и научные учреждения Наркомпроса могут иметь доход от производственных предприятий. К этому декрету есть инструкция Наркомпроса, опубликованная в „Еженедельнике Наркомпроса" № 7—20 февраля 1925 г., где определенно указывается, что эти подсобные предприятия должны быть использованы, как учебные мастерские, для того чтобы дать учащимся практический опыт и т. д. Конечно, они могут принести прибыль и эта прибыль пойдет в специальные средства данного учебного заведения, ни в декрете, ни в инструкции не говорится, что эти предприятия являются юридическими лицами. А что делается на местах? Например, Ленинградский педагогический техникум имени Некрасова—очень почетное и уважаемое учебное заведение, которое, конечно, может иметь мастерские научного труда, принимать для исполнения

в них заказы и т. д. Этот педагогический техникум имеет Строительное Бюро, принимает участие в подрядах, учреждает производственные мастерские и постановлением своего совета переводит их на хозрасчет с правами самостоятельного юридического лица. Тем же делом занимается Академия Художеств. Положение о строительном бюро учебных мастерских Педтехникума им. Некрасова в Ленинграде, составлено почти как устав треста, только без вложения особого капитала. Бюро начинает работать без капитала, но отвечает своими собственными средствами. По положению Строительное Бюро является самостоятельным юридическим лицом, и, следовательно, Педтехникум является тем уполномоченнным госучреждением, которому предоставлено право создания юридических лиц (ст. 14 Гр. Код.). Конечно, это не так.

Если мы проводим плановое начало в промышленности, нужно проводить плановое начало и в торговле, я говорю это не в смысле планировки торговли—это вопрос политики, но нужно во всяком случае твердо провести в жизнь то общее начало, что юридические лица с правами коммерческой деятельности возникают только в установленном порядке, и что те из них, которые претендуют на торговую деятельность, должны быть предварительно зарегистрированы в Наркомвнуторге.

Я приведу еще раз'яснение Н. К. Ю от 11 марта 1925 г. № 146 к 34 на имя Ленинградского Губсуда (по нотариальному отделению); „Правоспособность юридических лиц возникает с момента утверждения устава (ст. 14 Гр. Код.), Устав паевых товариществ утверждается в порядке ст. 323 Гр. Код. До утверждения устава в указанном порядке от имени паевого товарищества не может совершаться никаких нотариальных действий". На основании этого правильного раз'яснения мы формально не можем вступать в сделки ни с одной органазацией до тех пор, пока ею не представлены доказательства возникновения в установленном порядке, т.-е. надлежаще утвержденного устава.

Вернемся к ВСНХ. Мне могут возразить, что ВСНХ само допускает к деятельности тресты без устава. Жизнь иногда вынуждает отходить от закона. Если это необходимо в интересах государства, то приходится делать и отступления от закона, но они должны быть исключениями. Мы знаем из доклада т. Крупнова, что ВСНХ на этот вопрос обратил внимание, и выработан проект положения о временных правлениях треста, действующих до утверждения устава. Но мы считаем, что и в этих случаях должно быть определенно сказано, что до тех пор, пока устав треста не будет утвержден, пока действует временное правление треста, трест не есть самостоятельн, юридическ. лицо, а организация, за деятельность которой будет отвечать ВСНХ.

Перехожу к выводам. Нужно настаивать, чтобы то начало, которое заложено в Гражданском Кодексе, начало специальной правоспособности юридических лиц и зависимости правоспособ-

ности от целей деятельности—было бы более четко и ясно выражено в законе.

Второй мой вывод—необходимо, хотя бы в циркулярном порядке, изданном Наркоматами, чтобы все торгующие организации зарегистрировались в органах Наркомвнуторга с предоставлением органам Наркомвнуторга права проверить их правоспособность. Почему я говорю о Наркомвнуторге? Потому что регистрация всех видов торговых и промышленных организаций производится в Наркомвнуторге. Кроме того, деятельность Наркомвнуторга тесно связана с вопросами торговли.

Третье пожелание—скорейшее издание декрета о торгах. Я не буду останавливаться на этом подробно, потому что это завело бы нас далеко, но, конечно, этот декрет должен быть согласован с ВСНХ, потому что Наркомвнуторг по своему проекту предоставляет торгам открывать промышленные предприятия; должно быть проведено и в этом декрете общее начало регулирования торговли Наркомвнуторгу, промышленности—ВСНХ.

Последний момент, о котором я хочу сказать, Наркомвнуторг опубликовал в „Бюллетене Наркомвнуторга" от 5 марта 1925 г. № 28 циркуляр, где определенно говорится: „по поступающим в Наркомвнуторг СССР сведениям некоторые торговые и торгово-промышленные предприятия как государственные, так и частные, а также их отделения и представительства в своей торговой деятельности выходят за пределы прав, установленных для них в предусмотренном законом порядке", и далее подчеркивая начала специальной правоспособности, говорит „в пределах уставов и договоров и должна протекать торговая деятельность вышеуказанных организаций и их различного наименования филиалов". Все это, конечно, соответствует закону, но иногда повторенное напоминание того, что указано в законе, в условиях действительной жизни бывает очень полезно. Поэтому я считаю полезным, чтобы ВСНХ, не ожидая прохождения всех этих законопроектов, издал подобный же циркуляр по линии ВСНХ. Не нужно упускать условий работы; имея прямое указание из Наркомата, легче возражать против заключенных сделок с организацией, не имеющей устава, но допущенной губисполкомом к деятельности до утверждения устава. Если Наркомвнуторг счел необходимым за подписью Наркома СССР издать соответствующее раз'яснение, то и ВСНХ следует временно пойти по тому же пути, и указать в этом циркуляре два положения, что в тех случаях, когда тресты или хозорганы входят в соприкосновение с какими-либо организациями, они, прежде всего, должны петребовать заключения юрисконсульта о правоспособности данного юридического лица, и что юрисконсульт при рассмотрении этого вопроса должен, конечно, не по букве, а по общему смыслу закона руководствоваться тем положением, что правоспособность юридического лица тесно связана с целью его деятельности.

Я закончу теми словами, которые были здесь сказаны тов. Шретером, который говорил, что нужна определенная четкость организационных форм. Если эта четкость нужна в промышленности, то еще более эта четкость нужна в области торговли, дабы действительно можно было определенно знать, имеем ли мы дело с юридическим лицом, с госорганом или с госпредприятием, с общественной организацией или частным капиталом, потому что современная неясность этих форм причиняет убытки и вредит прежде всего самому государству.

Прения.

О. Д. Шапиро.—Многие организации возникают не имея достаточных средств, но имея перед собою определенные задачи. Вот та причина, которая приводит к тому, что разного рода организации начинают заниматься такой деятельностью, которая никакого непосредственного отношения к их основной деятельности согласно уставу не имеет. Во всех этих случаях, я думаю, что мы—юрисконсульты, должны занимать определенную позицию—не фиксировать договоров, заключаемых нашими госорганами с такого рода организациями, и обращать их внимание, что заключение этих договоров незаконно, выдача авансов незаконна, т. к. обратное получение этих авансов нельзя гарантировать.

Возникает еще вопрос об отделах Губисполкома. По последнему декрету о советском строительстве эти отделы — Губздрав, Губотдел Труда—считаются инспектурами при Губисполкоме. Эти учреждения имеют у себя детские дома, больницы, они требуют, чтобы им отпускались в кредит определенные продукты и т. д., могут ли они кредитоваться, можно ли им отпускать в кредит и заключать с ними сделки формального характера? Мне казалось бы, что с ними непосредственно нельзя заключать сделки, а только с Губисполкомом. Если Губисполком не заключает сделку от своего имени или не дает визы на севершение сделки своему отделу, то с последним нельзя заключать сделку.

Еще вопрос о Волисполкомах. По декрету РСФСР Волисполкомам предоставлено право кредитоваться векселями, но в пределах опущенного им кредита по смете. Значит, когда Волисполком желает заключить договор на отпуск в кредит и обеспечивает сделку векселями, мы должны требовать от него формального доказательства, использовал он ту смету, которая ему утверждена Губисполкомом, или нет. Разве так возможно совершать сделки в кредит? Одно из двух—или он имеет право обязываться векселями, то мы принимаем их и они пускаются в оборот; если же он не вправе, если у него ограниченная кредитоспособность вексельная, то мы не можем контролировать. Если векселя будут пред'являть к учету в Госбанк или Пром-

банк, то они этих векселей не примут, потому что Банк требует, чтобы вексель имел мобильную силу документа, который не возбуждал бы спора о том, правильно или неправильно он выдан.

Докладчик не коснулся вопроса о вексельной правоспособности. Конечно, когда в уставе данного общества сказано, что оно вправе выдавать векселя, то не возникает вопроса, но как быть, когда в уставе данной организации нет пункта о том, что эта организация вправе выдавать векселя,—требовать ли специальной правоспособности или нет,—если она вытекает из существа той цели, которую данная организация преследует. Мне представляется, что согласно существующему положению специальная вексельная правоспособность не требуется, если это коммерческая организация, которая вправе по своему уставу покупать или продавать в кредит.

Д. С. Розенблюм.—В данное время прошел Комиссию Малого Совнаркома внесенный Наркомвнуторгом проект о торговой регистрации. В силу этого законопроекта ни одна организация, ни один коллектив не может выступать в торговом обороте, не будучи зарегистрирован в Наркомвнуторге или в его Губотделах. До этой регистрации ни одна такая организация не имеет прав юридического лица. Таким образом, с принятием этим законопроектом законодательной силы будут восполнены те дефекты, которые указал т. Поволоцкий. Этот законопроект распространяется на все организации, не только возникающие в порядке, указанном законе, но и на те, которые возникают в порядке особых Положений, т.-е по постановлениям Наркоматов или Губисполкомов.

По вопросу о вексельной правоспособности должен сказать, что я лично сомневаюсь в правильности данного Наркомюстом раз'яснения, что наш закон стоит на точке зрения отсутствия специальной вексельной правоспособности, почему всякое юридическое лицо имеет право выдавать векселя. Тов. Поволоцкий правильно установил положение, что об'ем дееспособности всякого юридического лица определяется теми целями, ради которых учреждено юридическое лицо, в противоположность швейцарскому праву, по которому юридическое лицо имеет все те права, которые имеет и физическое лицо, почему и не нужна специальная уставная дееспособность. Советское законодательство стоит на позиции ограниченности дееспособности юридического лица теми целями, ради которых оно учреждено. С этой точки зрения правилен циркуляр ВСНХ по вопросу о рабочем кредите, указавший трестам, что они не имеют права выдавать гарантийные обязательства и векселя, обеспечивающие рабочий кредит, так как обеспечение рабочего кредита не входит в круг операций, предоставленных уставами трестам. Тем более выдача таких векселей не входит в круг деятельности госбюджетных учреждений. Бюджетное учреждение административного упра-

вления имеет определенный круг деятельности, установленный законом. Лишь в пределах этой деятельности оно совершает те или другие операции и может выступать в торговом обороте. Поэтому выдача векселей по рабочему кредитованию, как не входящая в круг деятельности административных учреждений, находящихся на бюджете, не может иметь места.

Вексель есть абстрактное оборотоспособное обязательство. В нем не видно того основания, по которому он выдается. Он—документ, предназначенный для торгово-промышленного оборота. Исходя из этих двух соображений, я глубоко сомневаюсь в том, чтобы госбюджетные учреждения административного управления, т.-е. состоящие на бюджете и имеющие круг деятельности, относящийся к сфере административного управления, имели право выдавать векселя. Ни торговля, ни промышленность, как таковые, не входят в задачи госбюджетных учреждений. Поэтому, если такие учреждения желают учреждать у себя торгово-промышленные предприятия, то они должны выделить из своего бюджета определенный капитал и от их имени выдавать векселя. Если мы такое разграничение поведем, то мы должны будем притти к выводу, что административные учреждения, действующие на основании бюджета, ни в коем случае вексельной правоспособностью не обладают.

Я формулирую: вексельная правоспособность предполагается для торговых деятелей; для неторговых она должна быть установлена.

Эйбушитц П. С.—Если бы ВСНХ или Наркомвнуторг сейчас обратили особое внимание на дефекты в конституции наших государственных предприятий, которые заключаются в отсутствии у них законом установленных прав, то едва ли бы это привело сейчас к чему-нибудь существенному. Вопрос сложнее и несколько глубже. Дело в том, что государственная торговля еще не окончательно выработала формы, в которых она работает. Нельзя ответить на то, что из себя представляют местные торги, не в том смысле этого термина, как ему придал Наркомвнуторг в своем проекте, а в смысле тех Губторгов и пайторгов, которые мы уже имеем. Здесь даже нет единой линии, которая проводилась бы при образовании этих аппаратов. Они образовались историческим путем. Со времени декларации начала НЭП'а, Губснабы стали преобразовываться и вместо распределительных аппаратов образовались торговые аппараты. В начале они выявились в виде торговых отделов Совнархозов, потом начали преобразовываться в своеобразные организации, утверждаемые в самом разнообразном порядке. Здесь определенной формы еще не выработалось. Можно было бы привести наудачу несколько уставов и положений об этих торгах и вы натолкнулись бы на удивительное разнообразие функций. Кроме функций коммерческих, на них во многих случаях возлагаются и функции чисто публично-правовые. Это наблю-

дается и в тех случаях, когда мы имеем дело не с отделами местного Совнархоза, а с паевыми товариществами, даже с участием частного капитала, по крайней мере, с правом участия в них частного капитала.

В законодательные инстанции представлены законопроекты о государственных паевых товариществах—и этих государственно—торговых трестах (торгах), но я склонен думать, что этого, все-таки, недостаточно, надо остановиться еще на вопросе о праве государственных предприятий организовывать товарищества простые, полные, на вере и с ограниченной ответственностью. До сего времени можно было образовывать только акц. о-ва, а такая форма, несмотря на всю свою гибкость, несмотря на всю желательность, временами неподходяща, потому что требуемого законом капитала не всегда соберешь, и весь порядок несколько сложен, и местные условия в том или ином случае не соответствуют. А образовать то или иное товарищество на основании товарищеского договора, в большинстве случаев дело не приемлемое. Без установления форм, с указанием прямого порядка, как эти формы должны утверждаться и получать права юридического лица, я думаю. что и закон о регистрации, который рассматривается в законодательных инстанциях, ничего не даст. Как будет регистрироваться вся эта масса форм уже образовавшихся, еще не установивших с необходимой четкостью не только второстепенных, но зачастую и основных своих признаков?

С. И. Вильнянский.—Докладчик требует ясности, точности и четкости юридических формулировок, но мне кажется, что наше время не призвано для точных юридических формулировок. Мы, прежде всего, обязаны подчиниться директивам, следить за ними и за изменением юридической ситуации. Но можем ли мы всегда поспевать за этими директивами? Если мы, в конце концов, приложим штамп, то не будет ли этот штамп уже устаревшим?

Ст. 14. говорит, что юридическое лицо не зарегистрировавшееся, не есть юридическое лицо.

Это значит, что такие акц. о-ва, как Коксобензол, Украиналес и др. должны прекратить свое существование, так как они не зарегистрировали свои уставы. Оказывается, что они давно просят Наркомвнуторг о регистрации, но Наркомвнуторг им отказывает, потому что они не внесли своих капиталов; не смотря на то, что зарегистрировать устав Коксобензола нельзя, но в то же время нельзя и прекратить его существование. Говорят, что благодаря тому, что будут существовать такие юридические лица, которые будут иметь зарегистрированные уставы, не будет таких явлений, когда академия художеств занимается торговыми операциями. Но какой-либо институт внесет указание в свое положение, что ему принадлежит право организовать производственный отдел и

все будет правильно. Но вместе с тем будет нарушен тот план, относительно которого говорил докладчик. План этот требует, чтобы этими операциями занимались такие организации, которым свойственно этим заниматься, которые для этой цели существуют.

Можно дать несколько формулировок правоспособности юридических лиц. Можно формулировать так: юридическое лицо вправе заниматься только теми сделками, которые прямо предусмотрены в уставе. Другая форма: юридические лица могут заниматься теми операциями. которые соответствуют цели данного общества. Можно сказать иначе, и это был бы другой оттенок: правоспособность юридических лиц определяются характером их деятельности. Если стоять на той точке зрения, что правоспособность определяется целью или характером деятельности, то торговые сделки обществ, которые вносят явно не торговый характер, были бы недействительны. Но такое общество вносит в свой устав специальную статью, что, кроме того, оно вправе организовать обувной магазин: тогда придется преклониться перед уставом, если стоять на такой точке зрения, что устав есть специальный закон. Я бы считал, что это не так. Если бы в законе были точные нормы, что правоспособность юридических лиц определяется характером деятельности юридического лица, тогда не было бы возможности вносить в устав такие специальные дополнительные постановления. Поэтому, мне казалось бы, что необходимо дополнить наш Гр. Код. указанием на определенную правоспособность юридического лица. Ст. 18 здесь недостаточно. В тех случаях, когда с точки зрения государства, уклонения юридического лица от поставленной цели не носят однообразного характера, государство не прекращает существования юридического лица, но тем не менее, сделки, заключенные юридическим лицом, и выходящие за пределы цели, являются недействительными. Возможно установить правоспособность юридического лица, которая является специальной, путем толкования нашего закона. Но этого толкования недостаточно; следовало бы внести специальное постановление. Если бы оно было введено, тогда не было бы тех примеров, которыми так богато был иллюстрирован доклад.

С. Л. Драбкин.—Реформа института юридических лиц должна быть поставлена в порядке дня, дабы привести в соответствие закон с жизнью. Также следует различать не только правоспособность, но и дееспособность юридического лица и это положение отразить в законе. Если мы будем обладать правовой нормой, указывающей, с какого момента будет устанавливаться дееспособность юридического лица, когда оно может начинать совершать свои сделки, в каком об'еме и порядке оно может таковые заключать, то те недоразумения, которые имеются на практике, будут тем самым устранены. Затем необходимо законодательным путем разрешить вопрос о внеуставных сделках.

Вопрос о вексельной правоспособности, выдвинутый Д. С. Розенблюмом, должен быть поставлен несколько иначе. Вексельной правоспособности, как таковой, у нас не существует, а существует правоспособность вообще заключать те или другие сделки. Установление специальной для государственных органов вексельной правоспособности было бы нецелесообразно и шло бы в разрез с нашим законодательством. Если выводы Д. С. Розенблюма в общем и целом приемлемы, то предпосылка, конечно, должна быть иная. Ясно, что у нас, благодаря тому, что многие государственные учреждения, состоящие на госбюджете, заключают всякого рода договоры и выдают векселя, не имея на это никаких хозяйственных и финансовых оснований, вексельная дисциплина в стране нарушается, страдает наш торговый оборот в целом. Поэтому было бы, конечно, целесообразно, если бы ни один волисполком, ни одно госучреждение, состоящее на госбюджете, не имело бы права обязываться по всякого рода договорам, выдавать векселя и пр. без соответствующей визы органов НКФ, потому что результаты таких сделок бывают весьма печальными, чреваты весьма нежелательными последствиями и приносят в конечном счете довольно солидный убыток государству и подрывают его авторитет.

Еще вопрос, касающийся нашей трестовской практики. Наши тресты, имея утвержденные на основе декрета от 10 апреля 23 г. уставы, поскольку таковые не зарегистрированы в НКВнуторге, не вправе совершать те торговые и иные сделки, которые они совершают. Тресты совершают свои сделки, в сущности говоря, не на основании закона, а на основании своих старых положений, которые в силу декрета о трестах, вследствие утверждения новых уставов, не являются действующими. Полагаю, что в нашей резолюции следует отметить, что необходимо ввести статью, аналогичную 339 ст. Гр. Кодекса, также и по отношению к госуд. предприятиям.

К. А. Герц.—Говорят, что пока не зарегистрирован устав треста, до тех пор он не имеет прав юридического лица и не может действовать. Но жизнь ставит ряд положений, которые побуждают это обходить. Я укажу на такое положение: преобразуется трест из областного во всесоюзный. Конечно, устав должен измениться, но, ведь, не может же трест прекратить свою деятельность, пока устав пройдет все инстанции.

Вновь образованные тресты пока не только не имеют утвержденных уставов, но и баланс их еще не определен, но к нам, юрисконсультам. Обл. СНХ, пред'являются требования, чтобы оформить как-нибудь тресты, чтобы они могли существовать в качестве юридических лиц. Приказом ВСНХ образован Химический трест, в него влит Уральский Химтрест. Вновь образованный трест действует в лице временного правления, назначенного ВСНХ. На основании этого приказа выдана временному правлению особая доверенность ОСНХ, который делает в подоб-

ных доверенностях указание, что данное предприятие действует на началах декрета 10 апреля 1923 года, в зависимости от той категории, к которой отнесено предприятие.

Я возбуждаю этот вопрос для того, что может быть совещание найдет возможным указать способы, которые могли бы смягчить те острые углы, которые мы имеем в жизни при оформлении трестов.

Я. Е. Трахтенберг.—В законе сказано, что каждое акц. о-во является юридическим лицом только с того момента, когда оно зарегистрировано Наркомвнуторгом. Нам нужно было два предприятия, из которых одно трест, а другое торговое—Фарматрест и Госмедторг — слить в одно акц. о-во, под названием Госмедторгпром. Оно должно быть юридическим лицом. Но утверждение нашего устава заняло чрезвычайно много времени, как это обычно бывает у нас. Нужно было бы, чтобы эти оба учреждения, которые должны слиться, умерли, т.-е. ликвидировались. Поэтому была учреждена ликвидационная комиссия Фарматреста и ликвидационная комиссия Госметорга. Вам понятно, что с того момента, когда ликвидационные комиссии были учреждены, перестали существовать и Фарматрест и Госмедторг. Но Госмедторг еще не начал существовать, а ведь у нас заводы, у нас дела, у нас миллионы. Что нам делать? Через 8 месяцев после утверждения устава, мы зарегистрировались в Наркомвнуторге, а как мы существовали до сих пор? Мы обошли закон, потому что хотя мы умерли, а жизнь требовала свое. Я вошел в ВСНХ с ходатайством об утверждении уполномоченных, которых я назвал почему-то „Бюро учредителей". Но дело не в названии, а в том, чтобы им были предоставлены все права юридического лица. И они были предоставлены. Итак, Фарматрест умер, Госмедторг умер, а Госмедторгпром не родился, а Бюро учредителей существовало. И мы 8 месяцев работали, как Бюро учредителей. Наш устав был утвержден лишь 10 мая 24 г., а в марте 25 года мы только зарегистрировались. Мы существовали 8 месяцев, не будучи юридическим лицом, и совершали абсолютно все дела от имени Бюро учредителей.

Не говорите мне о пережитках. Я говорю о той эластичности, которая должна быть у хозяйственников, и той формалистике, которую мы применяем там, где ее применять не нужно.

Л. И. Поволоцкий.—Моя принципиальная точка зрения, что ограничение правоспособности в нашем законодательстве идет не по виду сделок, а по соответствию деятельности целям организации. Этот ответ, с точки зрения нашего законодательства, является безусловно правильным и никто этого моего вывода не опровергнул.

Вопрос о вексельной правоспособности можно поставить на следующем совещании и, может быть, он займет не меньше, а больше того времени, которое мы посвятили рассмотрению

моего доклада. Собрание юрисконсультов при Сев.-Заппромбюро вопрос о вексельной правоспособности поставило совершенно отдельно и пришло к выводу что госучреждения обладают вексельной правоспособностью. Возьмем для примера Волховстрой—госбюджетное учреждение, которому тресты оказывают кредит. По оказываемому кредиту Волховстрой не выдавал вначале векселей. Если бы он выдал векселя, то, не касаясь вопроса взыскания по ним, эти векселя могли быть учтены в банке и, таким образом, те средства, которыми мы кредитуем госбюджетное учреждение, не являлись бы из'ятыми из оборота на все время кредита. Таким образом, экономическая целесообразность так же подтверждает правильность признания вексельной правоспособности госучреждений.

Пользуются ли правами юридических лиц отделы Губисполкомов? Это вопрос сложный, который требует отдельного освещения, но который не входит в тему моего доклада. По этому поводу я скажу, что этот вопрос обстоятельно освещен в статье тов. Киселина в „Еженедельнике Советской Юстиции" 1923 г., № 41 и его выводы я разделяю. По этому поводу есть раз'яснение Наркомюста, в котором определенно говорится, что правами юридических лиц пользуются только Губисполкомы, а не их Отделы. Если на местах заключаются договоры с Отделами, то в конечном счете договор заключается с Губисполкомами. Я считаю, что в этой области время для полного уточнения всех этих вопросов еще не настало, а в области промышленности и торговли экономическая целесообразность требует уже в настоящее время уточнения организационных форм.

Я остановлюсь еще на одном вопросе—вы говорили, тресты существуют без уставов, и я об этом говорил. Существуют „торги" недостаточно оформившиеся и я говорил о том, что они существуют без устава. Но разве я хоть одним словом сказал, что нужно прекратить деятельность этих трестов или торгов—ничего подобного, но надо их практическое существование привести в соответствие с законом. Здесь есть целый ряд выходов. Один из товарищей говорил, например, о Коксобензоле. Почему бы ему не получить от СТО разрешения действовать на правах акц. о-ва до взноса капитала не в течение года, а в течение двух лет? Гр. Кодекс, как общее правило, допускает стоимость акции минимум до 100 р. (324 ст. Гр. К.), но в отдельных случаях СТО разрешает выпуск акций и меньшей стоимости, напр. в 25 р. В сфере имущественных правовых отношений не надо идти на авось, а если есть возможность,—под'искать соответствующие юридические формы. Мы прекрасно знаем, что если мы не захотим быть юристами-формалистами, то наверху еще меньше захотят ими быть. Если будет известная хозяйственная целесообразность, то центр пойдет навстречу, предоставит организации соответствующие права и оно будет действовать совершенно правильно и в соответствии с

законом. Я указывал на то, что, несмотря на определенность закона, всякий и каждый считает себя вправе предоставлять права юридических лиц.

Я вам приводил примеры, как право предоставления прав юридического лица передается из рук в руки. Я приводил пример, что совет учебного заведения создает при себе самостоятельные юридические лица. Вот в этой области нужно сказать, что уже в данный момент экономическая целесообразность требует, чтобы по отношению к юридическим лицам в области торговли была введена надлежащая четкость и определенность организационных форм.

Для меня циркуляры не нужны, мне достаточно закона, но если другие наркоматы по соображениям целесообразности прибегают к этому способу и дают указания своим органам об осторожном отношении к торгующим организациям, то не мешает не только для наших хозяйственников, но и для нашего брата напомнить некоторые азбучные истины, потому что как ни как иногда эти истины забываются. Находите ли целесообразным или нецелесообразным его издание—решит собрание.

Я знаю, что существуют у нас крупные акционерные общества, действующие без устава. Знаю и происходящие вследствие этого затруднения. Как ни толковать 137 ст. Гр. К., но договор на подряды должен быть засвидетельствован у нотариуса, и таким образом, заключая договор с паевым товариществом, не имеющим устава, мы становимся в явное противоречие и с законом, и с раз'яснением НКЮ, которое никогда не удастся опровергнуть, так как оно правильно и соответствует закону.

Резолюция.

1. Несмотря на прямой и определенный смысл закона (ст. 13—14 Гр. К.) о том, что юридические лица возникают только в порядке, установленном в законе, на местах эти положения недостаточно проводятся в жизнь и госпредприятиям в особенности в своей торговой деятельности часто приходится сталкиваться с организациями без законного на то основания присвоившими себе права юридического лица. Участие таких организаций в деловом обороте нецелесообразно, причиняет убытки госпредприятиям и нарушает общие плановые начала народного хозяйства Союза.

2. Принцип революционной законности, вновь подтвержденный III С'ездом советов СССР, должен быть в полной мере проведен и в сфере имущественных правоотношений и, в частности, в деятельности и возникновении юридических лиц. В этих целях должно быть ускорено издание разработанных законопроектов о государственных торговых предприятиях (торгах) и о порядке регистрации всех торговых предприятий в НКВнуторге СССР и союзных республик.

3. Одной из причин участия в деловом обороте недостаточно оформившихся юридических лиц является сложность порядка их возникновения и регистрации и в этом отношении должны быть внесены коррективы в действующее законодательство предоставлением больших прав местным органам, в особенности при возникновении паевых и подобных товариществ на основах нормальных уставов и с капиталом не свыше определенного размера, который должен быть указан в законе.

4. При пересмотре Гр. Код. должно быть уточнено и более определенно выражено понятие специальной правоспособности юридического лица, зависящей от целей и задач его деятельности, указанной в законе и его уставе или положении. Равным образом, должен быть пересмотрен, с сохранением его принципиальных положений, декрет 2 января 1923 г. „о мерах к урегулированию торговых операций гос. учреждений и предприятий" (С. У. № 14—1923 г.), но с допущением для госпромышленных предприятий производства торговли изделиями смежных отраслей промышленности (добавочный ассортимент).

5. Признавая принципиально правильным начало специальной правоспособности юридических лиц, производимое нашим законодательством, совещание разделяет взгляд, высказанный в решении ВАК при ЭКОСО РСФСР от 24 февраля 1925 г, по делу акц. о-ва „Стандарт" к управлению сланцевой промышленности северного района, что „при разнообразии и сложности хозяйственных отношений надлежит избегать чисто формального отношения к внеуставным сделкам и соблюдать особую осторожность при признании недействительности этих сделок, учитывая и дальнейшие хозяйственные последствия прекращения силы их действия".

Порядок ликвидации государственных предприятий.

Доклад М. С. Венецианова.

Декреты о трестах очень мало говорят о порядке ликвидации. Вся ликвидация предусмотрена в двух статьях. И это вполне понятно, потому что декреты о трестах создавались, как законы, оформливающие не сложившиеся уже, а только еще создающиеся отношения, Понятно, когда предполагалось только еще строить предприятия, никому не казалось целесообразным особенно подробно останавливаться на том, как прекращать эти предприятия. С течением времени надобность в этом оказалась и, притом, весьма настоятельная. Я не хочу этим сказать, что наши промышленные предприятия часто делались неплатежеспособными; нет, таких случаев не было, или они были очень редки, но в процессе работы оказывалось, что одни предприятия нужно прекратить для того, чтобы создать другие, или слить два предприятия в одно, или одно разделить, образовав из него два или несколько других и т. д. Вот все эти случаи привели к необходимости проводить ликвидацию уже на деле. А когда приступали к ликвидации, то обнаруживалось, что очень многие вопросы остаются неразрешенными в законодательном порядке; разрешить же их путем инструкций, приказов и распоряжений представлялось неудобным, Явилась необходимость выработки более подробных правил порядка ликвидации. Проект этих правил был выработан Правовым Отделом, одобрен Президиумом ВСНХ и представлен в Совет Народных Комиссаров Союза. Этот проект был построен на основе декрета о трестах, в развитие ст. 51 и 52, а потому распространялся только на промышленные предприятия и предоставлял решение вопроса о ликвидации треста—ВСНХ с утверждения СТО во всех случаях, не исключая случаев ликвидации вследствие неоплатности.

Между тем, отсутствие в нашем законодательстве правил производства дел о несостоятельности наталкивало юридическую мысль на необходимость восполнить этот пробел, и разные ведомства стали выдвигать проекты о несостоятельности и о

порядке ликвидации предприятий вследствие несостоятельности. Разрабатывался проект о несостоятельности в НКЮ, но эта работа почему-то была остановлена; был выработан проект о принудительной ликвидации предприятий в НКВнуторге, но не был представлен в законодательные учреждения, наконец, в Арбитражной Комиссии при СТО был выработан законопроект о порядке установления неплатежеспособности государственных предприятий общесоюзного значения и их ликвидации по неплатежеспособности.

Таким образом, в законодательные органы Союза поступили два параллельных законопроекта—один ВСНХ, который имел в виду установить порядок ликвидации промпредприятий, не выделяя особо случаев ликвидации по неоплатности, и другой АКСТО, которая в процессе своей работы сталкивалась с вопросом о необходимости создания закона, устанавливающего порядок ликвидации предприятий, находящихся в состоянии неоплатности. (Хотя в проекте АКСТО употребляется термин неплатежеспособность, но имеется в виду неоплатность).

Законопроект АКСТО был внесен предварительно в СТО, который образовал особую комиссию для рассмотрения и разработки соответствующего законопроекта под председательством т. Курского из представителя ВСНХ т. Ломова, представителя Наркомвнуторга т. Сыромолотова и инициатора проекта председателя АКСТО т. Лебедева. Впоследствии состав комиссии изменился и, кроме того, пополнился представителями РКИ и НКФ.

Хотя в основу работы комиссии был положен проект АКСТО, но он претерпел сильные изменения. Главной особенностью этого законопроекта была та роль, которая предоставлялась Арбитражной Комиссии СТО в производстве дел о ликвидации государственных предприятий. Самый вопрос о том, надлежит ли обратить предприятие к ликвидации вследствие его неоплатности, решался арбитражной комиссией, которая назначала особую наблюдательную комиссию для наблюдения за деятельностью государственного предприятия; эта комиссия должна была выяснить состояние госпредприятия и представить в АКСТО свое заключение, следует ли обратить предприятие к ликвидации, или же принять иные меры к восстановлению нормального хода дел. При обращении предприятия к ликвидации наблюдательная комиссия превращалась в ликвидационную, при чем назначение ее производилось АКСТО и вся ее деятельность протекала под наблюдением и контролем АКСТО.

При такой постановке дела предприятие, впавшее в неоплатность, выходило из ведения своего наркомата и через наблюдательную, а затем ликвидационную комиссию становилось подведомственным АКСТО.

Порядок деятельности ликвидационной комиссии намечался немногими положениями и должен был определяться более подробно особой инструкцией.

В процессе работы комиссии этот законопроект претерпел сильные изменения—была совершенно исключена наблюдательная комиссия; осталось рассмотрение и решение вопроса о неплатежеспособности (в действительности о неоплатности) арбитражной комиссией; если по рассмотрении поступавшего ходатайства о признании госпредприятия неоплатным арбитражная комиссия признает его заслуживающим удовлетворения, то для ликвидации предприятия назначается ликвидационная комиссия, но она назначается не арбитражной комиссией, а наркоматом, в ведении которого находится предприятие.

Таким образом, законопроект в редакции комиссии приблизился к законопроекту ВСНХ, но в отличие от последнего он охватывает все государственные предприятия (и даже смешанные акционерные общества и паевые товарищества с преобладанием государственного капитала), а не только промышленные и, таким образом, он значительно шире; а, с другой стороны, он имеет в виду только ликвидацию по неоплатности и, следовательно, сужает область своего применения. Последнее обстоятельство делает задачу решенной только в части; приходится ликвидировать предприятия не только вследствие их неоплатности; бывают и другре причины, причины хозяйственные, вследствие которых нужно ликвидировать предприятия; каким же порядком руководствоваться в этих случаях—должен ли быть для них другой порядок, или тот же, что при неоплатности? Казалось бы, что порядок должен быть один и тот же; нет основания устанавливать два разных порядка, например, назначать разные сроки для заявки претензий или разный порядок для рассмотрения этих претензий и т. д. А раз порядок должен быть один и тот же, то казалось бы, что проще всего было бы создать один закон, а не два.

Основываясь на декрете о трестах от 10 апреля, который прямо указывает, что вопрос о ликвидации предприятия разрешается ВСНХ (если предприятие находится в ведении другого наркомата, то другим наркоматом), следовало бы сохранить положение, что и в тех случаях, когда грозит неоплатность, все-таки вопрос должен быть решен самим наркоматом, а вовсе не АКСТО. По этому вопросу шли большие споры и большинство оказалось не на нашей стороне. Как в этой комиссии, так и впоследствии, при дальнейшем прохождении проекта, осталась та же мысль, что нужно создать два закона: один о порядке ликвидации в случае неоплатности и другой—для всех иных случаев. Порядки могут быть одинаковые за исключением одного пункта. Вопрос о том, следует ли ликвидировать предприятие в случае неоплатности — решается арбитражной комиссией.

Проект, выработанный комиссией под председательством т. Курского и внесенный в КЗП, был в обычном порядке разослан на заключение республиканских правительств. Совещание,

образованное МСНК РСФСР, рассмотрев проект, внесло в него очень много существенных и, на мой взгляд, весьма целесообразных изменений.

Вопрос об отношениях ликвидационной комиссии к назначившему ее наркомату и к АКСТО по проекту комиссии разрешался так: „ликвидационная комиссия является исполнительным органом по ликвидации предприятия того наркомата или центрального управления, в ведении которого находится ликвидируемое предприятие, получает от него необходимые указания и обязано перед ним отчетом о своей деятельности. Действия ликвидационной комиссии могут быть обжалуемы в арбитражную комиссию, при чем последняя по получении жалобы обязана представить ее на предварительное рассмотрение госоргана, в ведении которого находится ликвидируемое предприятие. Рассмотрение жалобы госорганом должно состояться не позднее 7-ми дней со дня ее поступления".

Проект ставит ликвидационную комиссию в положение органа наркомата, но в то же время устанавливает, что действия ликвидационной комиссии могут быть обжалованы в АКСТО, и, таким образом, создает двойную подчиненность ликвидкома по одним и тем же вопросам. Предварительное рассмотрение каждой жалобы наркоматом не улучшает положения.

В качестве представителя ВСНХ я протестовал против этого положения, указывая на то, что если наркомат рассмотрел жалобу, то состоялось постановление наркомата, а постановления наркомата не подлежат обжалованию в арбитражную комиссию, для обжалования их установлен другой порядок. Мои доводы не были приняты. Те же соображения я представил в совещание, которое было образовано Малым Совнаркомом, дополнив указанием на то, что деятельность ликвидационной комиссии, если не исключительно, то по преимуществу хозяйственная и коммерческая—по управлению предприятием, совершению различных коммерческих сделок, выполнению плана ликвидации; все эти действия рассматриваются наркоматом и обсуждаются по их хозяйственной целесообразности; АКСТО не компетентна в разрешении этих вопросов; что же касается деятельности ликвидационной комиссии по рассмотрению претензий кредиторов и удовлетворению их, то в этой части действия ликвидкома совершенно не затрагивают интересов наркомата и не подлежат его рассмотрению; в этих своих действиях ликвидационная комиссия, как и правление госпредприятия в своих взаимоотношениях с кредиторами, может быть поставлена под контроль суда. Совещание разделило представленные мною соображения и спроектировала вторую половину цитированной статьи в том смысле, что хозяйственные распоряжения ликвидационной комиссии могут быть обжалованы только в наркомат, а действия по распределению и удовлетворению претензий кредиторов предприятия в АКСТО.

При рассмотрении деятельности ликвидационной комиссии, возникает вопрос—каковы ее права и каковы ее обязанности. Этот вопрос не встретил больших споров. Все решали его в том смысле, что ликвидационной комиссии должны быть предоставлены те же права, какие предоставляются правлению, но пользование этими правами должно быть ограничено той целью, которая поставлена ликвидационной комиссии, т.-е. целью ликвидации.

Теперь, в чем выражаются действия ликвидационной комиссии? Эти действия двоякого рода: хозяйственные распоряжения и, затем, расчеты с кредиторами. Хозяйственные распоряжения, как я уже сказал, будут проходить в обычном порядке; они должны быть под наблюдением ревизионной комиссии по законопроекту ВСНХ, о чем умалчивают законопроекты АКСТО и комиссии т. Курского, Значит, эти действия будут в конце-концов под наблюдением наркомата. Что же касается расчетов с кредиторами, то здесь возник большой и сложный вопрос.

Само собою разумеется, что при ликвидации нельзя предоставить кредиторам производить взыскания в принудительном порядке. Если бы это было допущено, то планомерность ликвидации была бы невыполнима. Кто из кредиторов раньше получил исполнительный лист или судебный приказ, тот продал бы с молотка наиболее ликвидную часть имущества, быть может, за очень низкую цену, обесценив в то же время и все остальное имущество.

Отсутствие нормы, отменяющей при ликвидации производство взысканий в принудительном порядке, является несомненным пробелом закона.

В настоящее время на практике возникают большие недоразумения из за того, что при существовании ликвидационной комиссии принудительный порядок взыскания не приостанавливается. Нет таких правил, в силу которых при обращении предприятия к ликвидации кредиторы не вправе взыскивать по исполнительному листу в принудительном порядке, а Наркомфин не мог бы в бесспорном порядке взыскивать налоги. Насколько мне известно, это затрудение устраняется таким образом, что испрашиваются особые распоряжения губсудов о приостановлении взысканий. Но насколько это законно и насколько это удобно? Во всяком случае такой порядок сопряжен с большими трудностями, с большой потерей времени и с риском, что некоторые кредиторы могут пока-что воспользоваться и получить удовлетвование по своим долгам. Поэтому совершенно не вызвало никаких споров установление правила, что все взыскания в принудительном порядке, как по судебным решениям, по исполнительным листам и приказам, так и по взысканиям в бесспорном порядке, должны приостанавливаться на все время существования ликвидационной комиссии.

Но в таком случае, в каком порядке кредиторы получат удовлетворение при ликвидации?

Первоначально, по проекту АКСТО было сделано нечто вроде конкурсного управления. Затем, при переработке его все-таки сохранились до известной степени черты старого конкурсного процесса, а именно—были проектированы правила о том, какие претензии ликвидационная комиссия должна относить к спорным и какие к бесспорным; на постановления ликвидкома по этому вопросу кредиторы могли жаловаться в Арбитражную Комиссию и уже после того, как состоится окончательное постановление Арбитражной Комиссии и известные претензии будут признаны спорными, кредитору дается право пред'явить иск. Мне казалось, что это положение крайне неудачно; оно является повторением конкурсного процесса, что совершенно непригодно в настоящее время, в особенности, если принять во внимание, что деятельность ликвидационной комиссии должна непременно уложиться в определенный срок (по декрету от 10 апреля в годичный, а по декрету от 17 июля даже в 6-месячный срок). Поэтому я настаивал на том, и совещанием при СНК РСФСР было принято, что ликвидационная комиссия в данном случае действует так же, как и всякий хозяин, как и всякий предприниматель. Одни долги он признает и платит по ним, а другие долги он заявляет спорными и представляет по ним судиться. Этот принцип был принят совещанием, и на основании его выработан следующий порядок выяснения и погашения долгов.

Для того, чтобы все дело удовлетворения кредиторов получило известный планомерный характер, устанавливается срок для выяснения претензий.

Проект, внесенный в КЗП, не устанавливал точного срока. По этому проекту „ликвидационная комиссия должна об'явить срок от 2 до 6 месяцев". Я возражал против этого, указывая, что срок должен быть твердо установлен законом. Это взгляд встретил полное сочувствие в том совещании, которое работало при Малом Совнаркоме, и был принят срок в 2 месяца. Таким образом, в 2-х месячный срок кредиторы должны заявить ликвидационной комиссии о своих претензиях, но нам казалось, что нельзя пред'являть такого требования ко всем кредиторам без исключения. Если кредитор не заявил своих претензий в 2-х месячный срок, то тем самым он теряет всякое право на удовлетворение своей претензии. Это правило необходимо, чтобы возможно скорее выяснить все претензии, но это было бы несправедливо в отношении кредиторов по заработной плате, по соцстраху, по госналогам и т. д. Поэтому устанавливается, что и сама ликвидационная комиссия должна выяснить список долгов и должна вносить в него и без заявления кредитора претензии по заработной плате, соцстраху и вообще все претензии государственных учреждений и предприятий.

В дальнейшем должен быть назначен тот или иной, сравнительно небольшой срок для ликвидационных комиссий, в ко-

торой они обязаны составить список долгов с указанием суммы каждой претензии. О составлении списка кредиторы извещаются. Если кредитор, ознакомившись со списком, не встречает возражений, то и вопроса об обжаловании или протесте не возникает; если же он с этим списком не согласен, потому ли, что его претензия там пропущена, или потому, что она указана в меньшей сумме, он может установить свои права в исковом порядке, пред'явив иск или в Губсуд. или в Арбитражную Комиссию по принадлежности. И здесь сделаны известные ограничения кредиторских прав, но опять-таки в интересах успешного прохождения ликвидации. Кредитор вправе пред'явить этот иск в определенный сравнительно короткий срок; пропустив этот срок, он теряет право иска, а, следовательно, возможность защитить свое право. Короткий срок назначается для того, чтобы не только все претензии в течение года, назначенного для ликвидации, были окончательно установлены, но чтобы ликвидационная комиссия успела выдать по ним удовлетворение и закончить ликвидацию.

Здесь возникает вопрос о том, как быть с такими претензиями, которые уже признаны судебными учреждениями и по которым выданы исполнительные листы, судебные приказы, а ликвидационная комиссия считает их не подлежащими удовлетворению, так как располагает доводами и доказательствами, опровергающими иск и по недоразумению или халатности не представленными своевременно ответчиком; неужели и по ним нужно пред'являть иск кредитору? После долгого обсуждения совещание при Мал. Совнаркоме пришло к такому выводу, на мой взгляд, совершенно правильному,—в тот же самый срок, в который ликвидкомиссия составляет список долгов, она, выяснив, что имеются долги по испольнительным листам или по судебным приказам, которые, по ее мнению, по тем или другим весским основаниям не подлежать удовлетворению, являются спорными,—должна пред'явить иск о пересмотре решения и признании этих долгов аннулированными. Такое же правило устанавливается и в отношении долгов, взыскиваемых в бесспорном порядке. Но только там ликвидационная комиссия должна обратиться не к судебному разбирательству, потому что пред'являть иск к НКФину было бы извращением существующего порядка взыскания налогов, сборов и т. д., а обжаловать в установленном порядке неправильность пред'явленных требований. Как в случаях обращения к суду, так и при обжаловании в инстанционном порядке, ликвидационной комиссии не должен быть помехой пропуск срока, допущенный до ее возникновения.

Вот наиболее существенное, что было выработано для установления порядка удовлетворения кредиторов.

Затем возникает вопрос об очередности претензий. Этот вопрос очень долго дебатировался и, в конце-концов, было решено, что он должен решаться точно так же, как он разре-

шается гражданскими кодексами республик или, если будет издан общесоюзный закон по этому вопросу,—общесоюзным законом, что нельзя устанавливать на этот случай какой-то особой очередности, что очередность должна быть та же самая, которая указана в ст. 101 Гражд. Кодекса и в ст. 266 Процессуального. Если эти статьи будут переработаны, следовательно, и порядок будет установлен иной.

Далее возникает вопрос об остальном имуществе. Этот вопрос нам казался совершенно бесспорным. Поскольку речь идет о том имуществе, из которого может быть произведено удовлетворение, оно, конечно, подлежит ликвидации. Оно должно быть, так или иначе, превращено в деньги или в натуре выдано кредиторам. Что же касается основного капитала, то он, как неподлежащий отчуждению, не подлежащий обращению на удовлетворение взысканий, должен итти по назначению в Наркомат, о чем сообщается для сведения в НКФ.

Таковы основные черты этого законопроекта.

Прения.

Теплицкий Я. Н.—Сосредоточение ликвидационного производства в АК в достаточной мере об'ясняется тем, что в АК стекаются иски к госпредприятиям и поэтому представляется вполне целесообразным и удобным также сосредоточить здесь и надзор за ликвидационным производством. Что касается черт конкурсного производства, то они сводятся, в сущности, к очередности, но очередность докладчиком также не устраняется, а только выделяется из этого проекта и относится на счет общего законодательства или на счет особого законопроекта.

Но я хотел, в связи с этим докладом, обратить внимание на другой вопрос, который находится в непосредственной связи с темой доклада и касается одного из наболевших явлений в нашей хозяйственной работе и судебной практике, вопрос о правопреемстве, или точнее, об ответственности по обязательствам ликвидируемых госпредприятий. Этот вопрос в большей мере касается ведомственных предприятий, т.-е. тех предприятий, которые в порядке внутриведомственного приказа, а не в порядке, предусмотренном законом, переведены на хозрасчет и потом в том же порядке ликвидируется. Вопрос также касается предприятий местного значения и кооперативных предприятий. В этой области существует ряд весьма отрицательных явлений, с которыми приходится сталкиваться каждому и которые в двух словах сводятся к тому, что в результате ликвидации исчезает ответчик по обязательствам, которые не погашены. Нет правопреемника, к которому должны быть обращены претензии по непогашенным долгам и обязательствам ликвидированного предприятия. Казалось бы, что в связи с этим проектом

может быть возбужден вопрос о том, чтобы в законодательном порядке был установлен определенный порядок правопреемства по обязательствам ликвидируемых предприятий. Мне лично казалось бы, что этот порядок может быть сведен к двум положениям: первое, наркомат или учреждение, которое ликвидирует предприятие, обязано в акте ликвидации указать, к кому переходит имущество—актив и пассив ликвидируемого предприятия, второе—в случае неисполнения этого требования и неуказания правопреемника иски обращаются к тому ведомству или учреждению, которое ликвидировало данное предприятие.

Вильнянский С. И.—В большинстве случаев поводом для ликвидации является не неплатежеспособность, а всякие другие соображения, но в результате ликвидации всегда имеет место неплатежеспособность. В результате этой неплатежеспособности государственные органы ничего не получают. Мы считаем, что нельзя ограничиться одним поводом ликвидации—признанием предприятия неплатежеспособным, надо установить общий порядок для всех случаев, ограничив вместе с тем поводы для ликвидации достаточными гарантиями. По вопросу об очередности претензий, наша комиссия зак. предп. предложила особой подкомиссии пересмотреть ст. 101 Гр. Код. в смысле сужения круга привилегированных претензий. Было признано, что к привилегированным претензиям относится только зарплата и некоторые виды налогов, акцизов, пошлин, остальные претензии удовлетворяются после залоговых операций. Такое же правило было внесено в проект о ликвидации госпредприятий. Одновременно с этим был внесен проект о ликвидации кооперативных организаций. Наша Вукопспилка, об'единяющая потребобщества Украины, ликвидирует райсоюзы и др. кооперативные организации каждый день по разным соображениям. Она ликвидировала такой мощный союз, как союз Донбасса. Ликвидируя райсоюзы, она на завтрашний день организует другие райсоюзы в тех же местах, но под другой вывеской. При ликвидации райсоюзов очень плохо приходится кредиторам райсоюзов. Поэтому был внесен проект закона ликвидации кооперативных организаций, параллельно с проектом закона о ликвидации госпредприятий.

Конечно, вопрос о преемстве—больной вопрос, потому что предприятия прекращают свое существование без правильной ликвидации. Мы считаем, что раз происходит ликвидация, т.-е. полное уничтожение предприятия, полный расчет с его кредиторами, то никаких преемников оставлять не надо, иначе не будет ликвидации; по соглашению с кредиторами и только с их согласия, имущество или его часть вместо продажи может быть передано другому органу с передачей соответствующей части пассива. В таком виде может быть установлена преемственность.

Филатьев Г. В.—Я не стану возражать против тезиса, выдвинутого докладчиком, что порядок ликвидации должен быть

одинаков, независимо от причин, ее вызвавших, но самая ликвидация должна быть устанавливаема соответствующими наркоматами, скажем, ВСНХ, лишь при признании нецелесообразности дальнейшего существования госпредприятий, ибо ВСНХ или соответствующий наркомат является главным распорядителем имущества госпредприятий, трестов, торгов и т. д. В случае же наличности невозможности расплатиться с кредиторами ликвидация должна назначаться межведумственной инстанцией, например, Арбитражной Комиссией. В случае неоплатности ликвидация может назначаться независимо от желания соответствующего наркомата. Я думаю, что Арбитражная Комиссия здесь уместна, т. к. она может беспристрастно разрешать конфликты между кредиторами и впавшим в неоплатность предприятием. Тов. Теплицкий предлагает перенести ответственость за долги ликвидированного предприятия на предприятие, которому имущество ликвидированного предприятия будет передано. С этой точкой зрения согласиться нельзя. Каждое госпредприятие на хозрасчете несет ответственность за долги лишь в пределах того оборотного капитала, который передан в его ведение. Поэтому его долги должны быть погашены из его оборотных средств. Если этих средств окажется недостаточно для погашения задолженности при ликвидации, то переносить ответственность на то госпредприятие, которому будет передан основной капитал ликвидированного предприятия, было бы неправильно, ибо этим подрывалась бы жизнеспособность первого. Кроме того, полагаю, что должен быть установлен срок для заявления претензий всеми без исключения кредиторами ликвидируемого госпредприятия и с тем непременным условием, чтобы незаявление претензий в установленный срок влекло бы за собою аннулирование этих претензий.

Шапиро О. Д.—Я категорически возражаю против института заявок претензий. По существу каждая ликвидационная комиссия обязана сама выявлять весь пассив ликвидируемой организации. Если в Тьму-Таракани будет какая-нибудь организация, которая Сахаротресту должна деньги, мы не будем даже знать о существовании ликвадационной комиссии. А она нам скажет—срока вы не соблюли и потому мы вас лишаем права получить по вашим претензиям. Нет, раз книги имеются, в книгах указан долг Сахаротресту, вы обязаны заплатить. Могут быть также претензии, которые основываются не на данных, вытекающих из книг и имеющих отражения в книгах, а на договорных началах. В этих случаях ликвидационная комиссия не обязана знать все конкретные взаимоотношения между ликвидируемой организацией и третьими лицами. Тогда, конечно, приходится говорить о сроке для заявок. Но когда данные имеют отражения в книгах, о таких сроках говорить не приходится и обязательного института заявок не должно быть.

Затем необходимо зафиксировать положение, что после назначения ликвидационной комиссии никакие покрытия долгов

не должны производиться. Ликвидационная комиссия выявляет всю сумму долгов, и тогда каждый пропорционально на рубль будет получать то, что ему причтется.

Третий момент, на котором я хотел остановиться; это возникновение всякого рода споров и недоразумений с ликвидационной комиссией. Нам нужно зафиксировать положение, чтобы все споры разбирались Арбитражной Комиссией.

Колдобский, И. Е.—Когда возникает дело о несостоятельности того или другого предприятия, там безусловно должно иметь место вмешательство нейтрального органа.

Защитники ведомственного подхода в этом вопросе имели, очевидно, в виду такое крупное ведомство, как ВСНХ, который по существу своему призван к тому, чтобы регулировать вопросы промышленности и частью торговли. Но из предыдущих докладов наших тт. и из собственной нашей практики мы уже знаем, что разновидности государственных предприятий чрезвычайно многообразны.

Я полагаю, что орган, который должен сосредоточить у себя ликвидацию предприятий, госпредприятий, главным образом, по несостоятельности, должен быть нейтральным органом. Но это должна быть не только АКСТО. Этим органом должно быть всякое судебное или арбитражное учреждение по принадлежности.

Шахназаров, А. М.—В чьем ведении должны находиться ликвидационные комиссии и кто должен их назначать? Докладчик, указывая два повода обращения к ликвидации: неоплатность и нецелесообразность, правильно утверждает, что порядок разрешения в обоих случаях должен быть одинаков.

Наркомат, в ведении которого находится предприятие, может сказать: дальнейшее существование такого предприятия нецелесообразно и постановляет о ликвидации. После этого ликвидация должна протекать в общем порядке. Кому же ведать ликвидацией? Конечно, не наркомату. Можно ли ликвидацию Госиздата предоставить Наркомпросу?

Нет, так как Наркомпрос не приспособлен к этого рода деятельности. Можно ли ликвидацию карточной фабрики предоставить Наркомфину? Конечно, нет.

Я не предрешаю вопроса, кто будет ведать ликвидацией—Высшая Арбитражная Комиссия, Суд или какая-нибудь другая вне ведомства стоящая организация. Важно только, чтобы организация эта была приспособлена к такого рода работе. Может ли ВСНХ, высший орган, в плановом порядке управляющий государственной промышленностью, заниматься мелочными казуистическими вопросами о том, соответствует ли данный вексель Положению о векселях, заявлены ли претензии в срок, действительно ли отвечает поставленный товар заявленным условиям и т. д.? Почему всякого рода комиссии, задача которых сводится к судебной деятельности, нужно сосредоточивать внутри наркомата и ставить их деятельность под контроль этого наркомата?

В правильной ликвидации заинтересованы жизнеспособные предприятия—кредиторы. Если по усмотренню административной власти будут лишены законных прав эти предприятия—кредиторы, то, ведь, они также могут впасть в неоплатность.

Или надо уничтожить идею суда и судебного разбирательства в правоотношениях между госпредприятиями, что во все годы военного коммунизма имело место, либо необходимо, чтобы вокруг государственного хозяйственного суда не обрастали ведомственные суррогаты суда, хотя бы в форме ликвидационных или иных комиссий.

Барский, С.И.—Считаю прежде всего необходимым выразить некоторое недоумение, созданное т. Шанхазаровым. Уместно критиковать, если это нужно, то, о чем говорил докладчик, и совершенно не приходится критиковать то, о чем он не говорил. Не было и речи о том, что в случае ликвидации Президиум ВСНХ будет заниматься кропотливой работой по установлению валютности векселей какого-либо ликвидируемого предприятия. Поэтому я думаю, что речь идет в первую очередь о том, кто об'являет ликвидацию и в чьем ведении ликвидация находится. Если предприятие ликвидируется по нецелесообоазности его дальнейшего существования, то право об'явления его ликвидации должно быть предоставлено тому наркомату, который этим предприятием ведает. Другое дело, если об'явление ликвидации производится в результате его несостоятельности. Я думаю, что нельзя наркомату дать право по несостоятельности об'явить ликвидацию и по своему усмотрению платить 10 коп. за рубль. Это нарушило бы не только права частных лиц, но и государственных предприятий. Поэтому я думаю, что в этом случае об'явление ликвидации по несостоятельности должно быть прерогативой исключительно судебных органов.

Я хотел поставить еще один вопрос. Он имеет серьезнейшее значение и должен найти в законе свое отражение. Это вопрос о приостановлении взысканий до выяснения ликвидируемой имущественной массы данного предприятия.

Венецианов.—Спорным остается вопрос о том, кому, следует предоставить решение об обращении предприятия к ликвидации—всегда ли наркомату, в ведении которого находится предприятие, или же в случае неоплатности другому учреждению—суду или арбиртажной комиссии, но не вызвало спора то положение, что назначается ликвидационная комиссия наркоматом и в его же ведении она должна находиться, а, следовательно, деятельность ее подконтрольна наркомату. Иначе решает этот вопрос только т. Шахназаров, который желает поставить всю деятельность ликвидационной комиссии во всех случаях обращения к ликвидации под контроль и наблюдение арбитражной комиссии. Но исходное положение т. Шахназарова неверно. Его мнение, что деятельность ликвидационной комиссии носит судебный характер, основывается на старом конкурсном процессе, когда хозяйственная сторона деятельности ликвидацион-

ного органа—конкурсного управления сводилась к распродаже всего имущества и превращению в наличные деньги, а главная деятельность заключалась в рассмотрении претензий и распределении их по родам и разрядам; тогда конкурсное управление было низшей степенью коммерческого суда, поэтому было вполне целесообразно, чтобы оно находилось в ведении и под контролем этого суда. Не столько в установлении очередности, сколько в рассмотрении претензий по существу с отнесением к спорным или беспорным на основании определенных законных признаков заключается особенность конкурсного производства, которая в некоторой доле сохранялась в проекте АКСТО и которую удалось совершенно удалить в проекте, выработанном совещанием при МСНК. Все это уже изжито и нет надобности возвращаться к прежнему порядку.

Ликвидационные комиссии отличаются от конкурсных управлений тем, что их деятельность вовсе не судебная; это такая же деятельность, как правления треста, т.-е. прежде всего хозяйственная деятельность, только с той разницей, что она направлена не на расширение, не на развитие предприятия, а на сокращение его и на ликвидацию создавшихся отношений, а в связи с этой основной имеется еще побочная деятельность по расчетам с кредиторами.

И совершенно напрасно думает т. Шахназаров, что предприятие умерло, а живы только кредиторы. Это крупное недоразумение, совершенно непонятное со стороны юриста—хозяйственника. Уставной капитал государственных предприятий состоит из двух частей и только оборотный обращается на удовлетворение кредиторов, основной же капитал—фундамент, стены, самое предприятие—все это ликвидационная комиссия должна по возможности уберечь от распада, от смерти. На вопросы, поставленные т. Шахназаровым, надо дать не отрицательные, а положительные ответы. Ликвидацию торговых предприятий наиболее успешно проведет Наркомвнуторг, в введении которого находится не мало предприятий; если бы потребовалось ликвидировать Госиздат, то, конечно, Наркомпрос сделал бы это лучше судебного учреждения, так как все старания Наркомпроса были бы направлены не только на разбазаривание всего имущества и раздел вырученных сумм между кредиторами, а на сохранение самого дела, т.-е. на создание организации, которая выполняла бы те же основные задания, но, вероятно, в иной форме, или иными способами. А судебная деятельность ликвидационных комиссий, как я старался показать в докладе, должна быть сведена к нулю. Поэтому контролировать и ведать судебным органом в деятельности ликвидационных комиссий почти нечего; поэтому нецелесообразно, чтобы жалобы на все действия ликвидационной комиссии рассматривались арбитражной комисией, которая в хозяйственных вопросах может разбираться только при помощи сведущих лиц.

Переходя к вопросу о преемственности, надо сказать, что кредиторы, вступая в сношения с государственными предприятиями, должны знать, что они могут получить удовлетворение только из оборотного капитала. Преемственность совершенно недопустима по закону, так как по закону госпредприятие—самостоятельное юридическое лицо. То, что некоторые товарищи говорили о кооперативах, вовсе не уясняет дела. Кооперативы—учреждения частного права, и законы, предусматривающие ликвидацию госпредприятий и кооперативных организаций—должны быть различны.

Что касается вопроса о рекламировании претензий, то следует иметь в виду такие соображения. Необходимо установить определенный порядок, необходимо стеснить права отдельных кредиторов для того, чтобы все кредиторы по справедливости и по возможности получили удовлетворение.

В список долгов ликвидационная комиссия вносит все претензии, выявленные ею по книгам и документам, за исключением долгов частным лицам, которые по тем или иным соображениям могут и не желать заявлять свои претензии. Не знать об обращении предприятия заинтересованные лица не могут—публикации в газетах, установленный законом срок, обычная коммерческая информация достаточно гарантируют от пропуска срока.

Споры против составленного списка потому ли, что в нем неправильно пропущена претензия, или показана не в надлежащей сумме,—должны рассматриваться в исковом порядке в подлежащих судах.

Я считаю, что это наилучший выход из положения. Разбирать сначала претензии в арбитажной комиссии или в суде в порядке частного обжалования, по вопросу об отнесении претензий к спорным или бесспорным—это значит тянуть дело, так как в конце-концов получается тот же самый результат, как и при непосредственном исковом порядке. Таким образом, не потребуется никаких жалоб на действия ликвидационной комиссии.

Совершенно правильно заметил тов. Барский, что приостановку взысканий можно установить не только с момента об'явления ликвидации, но хотя бы в виде временной меры предоставить право арбитражной комиссии или какому-нибудь иному учреждению, смотря по тому, как будет сконструирован закон, об'являть приостановку взыскания с того момента, как возникнет вопрос о ликвидации, потому что с того момента, когда он будет решен, срок может быть довольно большой, во всяком случае, достаточный для того, чтобы некоторые кредиторы успели получить полное удовлетворение, тогда как в порядке очередности они получили бы по разверстке.

Резолюция.

Совещание признает неотложным издание правил о порядке ликвидации государственных предприятий общесоюзного и республиканского значения, действующих на началах хозяйственного (коммерческого) расчета как в случае нецелесообразности их существования, так и в случае их неоплатности.

В эти правила должны быть по мнению совещания включены следующие положения:

I. Подлежащие ликвидации предприятия обращаются к таковой:

а) по утвержденному СТО или ЭКОСО постановлению того наркомата, в введении которого предприятие состоит в случае ликвидации его по нецелесооразности дальнейшего его существования, и

б) по постановлению арбитражной комиссии при СТО или соответствующим ЭКОСО, в случае ликвидации предприятия по неоплатности.

II. Ликвидационная комиссия назначается наркоматом в введении которого находится ликвидируемое предприятие.

В состав ликвидационной комиссии вводится представитель НКФ и соответствующего профсоюза, а в случае ликвидации по неоплатности, сверх того, 1—2 представителя кредиторов по постановлению арбитражной комиссии.

III. Ликвидационная комиссия обладает всеми правами правления треста, но пользуется ими в соответствии со своим назначением.

Вся хозяйственная деятельность ликвидационной комиссии протекает по директивам наркомата, администрирующего ликвидируемое предприятие, и под его контролем.

IV. Взаимоотношения ликвидационной комиссии с кредиторами регулируются в установленном судебном или административном порядке с нижеследующими из'ятиями.

V. С момента об'явления о ликвидации предприятия до окончания такового принудительное взыскание всех долгов как по исполнительным листам и судебным приказами, так и в бесспорном порядке прекращается.

С этого момента прекращается начисление процентов и пени по всем долгам предприятия.

VI. В из'ятие законов о давности и о процессуальных сроках устанавливаются особые, законом определенные сроки:

а) для заявления претензий частными кредиторами;

б) для составления списка долгов предприятия и обжалования, в необходимых случаях, ликвидационной комисиией претензий по исполнительным листам, судебным приказам, а равно претензий, подлежащих взысканию в бесспорном порядке;

в) для пред'явления всеми кредиторами исков о неправильности той или иной части списка долгов.

Пропуск означенных в пунктах „а" и „в" сроков влечет за собой потерю права на удовлетворение.

VII. Последовательность в порядке удовлетворения претензий устанавливается действующими законами Союза и Союзных республик.

Споры об отнесении претензий к тому или иному разряду разрешаются арбитражными комиссиями или судебными органами по принадлежности.

VIII. Назначение оставшегося после ликвидации имущества определяет тот наркомат, в ведения которого состоит ликвидационная комиссия.

IX. Совещание считает желательным также скорейшее издание правил о порядке ликвидации государственных предприятий местного значения, а равно кооперативных и частных предприятий.

Государственное имущество, отнесенное к основному капиталу трестов, и условия его отчуждения.

I.

Доклад Я. В. Ливенсона.

Вопрос о возможности и порядке отчуждения государственного промышленного имущества возник уже в 22-му году, еще до издания Гражданского Кодекса. Уже тогда ВСНХ счел необходимым урегулировать вопрос об отчуждении государственного промышленного имущества. Затем, с 1-го января 1923 г. вступил в силу Гражданский Кодекс. Наши хозяйственники, ознакомившись на практике с 22-й ст. Гр. Код., пришли к заключению, что могут быть случаи, когда статья эта является тормозом для государственной промышленности. Дело в том, что исторически эта статья имеет полный свой резон детр. Статья эта имела своей целью защитить командные высоты промышленности от частного капитала, предупредить возможность возврата прежним собственникам и, вообще, поступления в частный оборот тех средств производства, которые были из'яты у частных собственников в процессе революции. Поскольку такая опасность еще существовала, эта статья имела свое обоснование. Но с тех пор утекло столько воды, так изменились условия, что эта статья, запрещавшая отчуждение оборудования во всех без исключения случаях, стала, при ее неуклонном проведении в жизнь, представлять в известных случаях тормоз для самой госпромышленности. Это было учтено, в ВСНХ была создана комиссия для выработки нового проекта постановления по этому поводу, и приблизительно полтора года тому назад в высшие законодательные инстанции был внесен законопроект, который имел в виду установить порядок отчуждения государственного имущества в частный оборот. Но по целому ряду обстоятельств, этот законопроект не увидел света. Он задержался, и только в прошлом году был вновь двинут. Третьего октября 1924 г. СТО рассматривал вопрос о неликвидных фондах промышленности и, между прочим, постановил поручить КЗП разработать законопроект отмены тех законопо-

ложений, которые препятствуют реализации неликвидного имущества отдельных предприятий и учреждений. В связи с этим, старый проект был сдвинут с мертвой точки, попал из КЗП на заключение в Совнарком РСФСР, были там подробно рассмотрен и переработан и получил санкцию Совнаркома РСФСР. По всей вероятности, пройдет короткий срок, и мы будем уже иметь изданным соответственный союзный закон. В виду этого я и считал, что нет оснований делать мой доклад. Но памятуя, что прежний законопроект пролежал полтора года, Президиумом Совещания признано было желательным, чтобы данное совещание, где столько говорилось о ст. 22-й, все же, с своей стороны, отметило необходимость ее изменения и смягчения.

Представляемые мною тезисы*) излагают в краткой форме выработанную и сложившуюся в течение ряда лет точку зрения Правового Отдела ВСНХ по этому вопросу. К этим выводам Правовой Отдел пришел постепенно. Сперва по этому вопросу был некоторый разнобой, вопрос разрешался неодинаково в разных случаях, но за последние полтора года Правовой Отдел остановился на определенной точке зрения и последовательно проводил ее.

Позволю себе дополнительно отметить некоторые моменты в этих тезисах.

1) Дело в том, что за последнее время, под влиянием необходимости как-нибудь истолковать ст. 22 в желательном для промышленности направлении, появилась тенденция интерпретировать эту статью в том смысле, что она имеет в виду исключительно национализированное в процессе революции имущество, т.-е. те предприятия, которые были экспроприированы у прежних собственников. В этом отношении есть яркая статья, появившаяся в „Вестнике Советской Юстиции", украинском юридическом органе, написанная проф. Б. В. Поповым, который, между прочим, указывает, что понятие „национализированное

---

*) **Тезисы.** 1. Говоря о национализированных и муниципализированных предприятиях и их оборудовании, ст. 22 Гр. Код. РСФСР под терминами „национализированные и муниципализированные" понимает вообще государственные предприятия и их оборудование. Термины „национализированный и муниципализированный", с одной стороны, и „государственный", с другой, в этом случае покрывают друг друга. Такой вывод вытекает как из общих начал советского законодательства, так и из буквального текста ст. 52 Гр. Код. РСФСР. Таким образом, под „национализированными и муниципализированными" предприятиями следует разуметь не только предприятия, экспроприированные государством у бывших частных собственников (причисляя в этом отношении к частным собственникам также и кооперацию), но и предприятия, находящиеся в собственности государства по другим основаниям (напр., созданные государством на собственные средства, поступившие в его распоряжение в качестве бесхозяйных, после смерти собственника в качестве наследственных или выморочных и т. д.

2. Об отчуждении государственных предприятий и их оборудования говорят ст. 22 и прим. к ст. 58 Гр. Код. РСФСР, ст. 16 п. „б" и ст. 28 п. „а" декрета о трестах от 10/IV 1923 г., ст. 15 п. „б", ст. 19 п. „б" и

имущество", с одной стороны, и „государственное имущество"— с другой, не покрывают друг друга. Он подводит под понятие национализированного имущества только то, которое было принудительно из'ято государством у прежних собственников. То же имущество, которое было приобретено государством покупкой или другим путем или которое создано государством на собственные средства, он не считает национализированным в смысле ст. 22-й и находит, что последняя не воспрещает отчуждения и залога такого имущества. Статья проф. Попова встретила резкую отповедь в том же журнале со стороны украинского же юриста, Ю. Яворского, который назвал его мнение „вредной ошибкой". Конечно, тов. Попов в данном случае неправ. Если мы обратимся к общему смыслу ст. 22-й, в особенности в связи со ст. 52-й, то увидим, что оба указанных понятия в законе покрывают одно другое и что, говоря о национализированном и муниципализированном имуществе наш законодатель имел в виду имущество государственное. Это — совершенно непререкаемо.

2) Затем подходили к ст. 22-й еще с другой стороны. Было мнение, которое считало недопустимой и невозможной даже передачу за денежный эквивалент оборудования одного государственного предприятия другому, которое запрещало передачу одним трестом части основного капитала другому такому же тресту за денежный эквавилент. Насколько такое мнение являлось укоренившимся, я приведу следующий пример. Еще в этом году мне пришлось выступать в КЗП по вопросу об истолковании ст. 6-й „Положения об имуществах местных советов" от 12 января 1923 г. Статья 6-я гласит, что всякое из'ятие имуществ местных советов может последовать исключительно по постановлению Президиума ЦИК СССР или Президиума ЦИК

ст. 26 п „а" декрета о трестах от 17/VII 1923 г., ст. 8 Положения об имуществах местных советов и Постановление СТО от 24/IX—1924 г. о специальном промышленном фонде.

3. От отчуждения (в частности, его главного вида продажи) следует отличать передачу из'ятого из частного оборота промышленного имущества от одного госоргана другому, при котором имущество не выходит из состава государственного и не поступает в частный оборот. Имущество, из'ятое из частного оборота, не может быть предметом частно-правового договора купли—продажи (ст 181 Гр. Код. РСФСР). При передаче имущества от одного госоргана другому, хотя бы на основе их взаимного соглашения и за компенсацию, мы имеем дело не с отчуждением имущества (частный оборот), а с плановым распределением его между отдельными госорганами (государственный оборот).

4. Отчуждение государственного промышленного имущества, из'ятого из частного оборота, допускается лишь в том случае, если оно признано способным поступить в частный оборот. Для этого оно должно стать негодным или устаревшим, т.-е. должно перестать удовлетворять своему назначению: под негодностью или устарелостью здесь разумеется невозможность использования имущества по его назначению в госпромышленности. Негодность или устарелость следует отличать от ненужности и истекающей отсюда невозможности использовать имущество в данном госпредприятии.

соответствующей Союзной республики по принадлежности, которое вступает в силу с начала следующего бюджетного периода но не ранее, чем через 3 месяца после его распубликования. У нас был целый ряд случаев, когда имущество данного местного совета передавалось какому нибудь другому госоргану не на основании принудительного из'ятия, а по соглашению местного совета с этим госорганом. Был случай, когда приезжал представитель Харьковского Губисполкома с ходатайством о передаче Губисполкому за денежный эквивилент оборудования с одной из московских местных фабрик, на что имел согласие Моссовета. Вопрос о таковой передаче поступил на утверждение ВСНХ и, при рассмотрении вопроса Правовой Отдел дал свое заключение в пользу этого утверждения, при условии включения передаваемого имущества в основной капитал Харьковского госпредприятия, указав, что порядок из'ятия имуществ местного совета, изложенный в ст. 6, должен применяться лишь в случаях, когда имущество из'емлется помимо согласия местного совета. Но, в виду спорности вопроса ВСНХ все же счел необходимым получить автентическое толкование этого положения. И когда этот вопрос был поставлен на заседание Комиссии Законодательных Предположений, то при обсуждении его все члены совещания единогласно высказались против предлагаемой нами точки зрения, считая противоречащей статье 22-й и недопустимой передачу за денежный эквивилент части основного капитала с одного госпредприятия на другое. Но в заседании СНК СССР была принята наша точка зрения, было узаконено понятие государственного оборота, при котором личность собственника (государство) не меняется, а имущество переходит только из ведения одного госоргана в ведение другого.

---

5. Особые правила, регулирующие отчуждение негодного или устаревшего имущества, о которых говорится в прим к ст. 22 Гр. Код. РСФСР, еще не изданы в законодательном порядке. Положение об имущественных местных советах (ст. 8) также упоминает об особых законоположениях, определяющих порядок и основания отчуждения строений, оборудования и инвентаря местных предприятий, но таковых еще нет. Но так как жизнь не ждет, а со времени вступления в силу Гражданского Кодекса РСФСР, т.-е. с первого января 1923 г. прошло более 2-х лет, то ведомству ВСНХ, имеющему все время дело с продажей негодного или устаревшего промышленного имущества, пришлось выработать особые правила, которые, с одной стороны, наиболее гарантировали бы интересы государства в смысле отчуждения только действительно негодного или устаревшего имущества и выручки его надлежащей стоимости, а с другой, дали бы возможность госпредприятиям избавиться от бесцельных хлопот и расходов на охрану такого имущества и избавили бы государство от убытков, связанных с уничтожением этого имущества и его расхищением.

6. Предположенное госпредприятием к отчуждению негодное или устаревшее имущество осматривается компетентной технической комиссией; результаты технического осмотра излагаются в форме акта, содержащего: детальное описание имущества, с указанием качественного состояния и % изношенности или данных об устарелости, и оценку по

3) Был еще один момент, который пытались истолковать в льготном для промышленности смысле—это примечание к ст. 22-й. Там говорится о допущении отчуждения негодного или устаревшего имущества. При этом под негодностью или устарелостью предлагалось разуметь имущество, ненужное для данного предприятия. Мы на это не могли пойти. После долгих споров пришли к такому выводу: закон нужно толковать в том смысле, что законодатель имел в виду такое негодное имущество, которое перестало удовлетворять своему назначению, которое не может быть использовано по своему назначению в госпромышленности, а не такое, которое только ненужно для данного предприятия и потому не может быть использовано в нем. Насколько остро может стоять этот вопрос, я приведу такой пример. В прошлом году Новгородский СНХ принял постановление о ликвидации Кошелевской писчебумажной фабрики. Это — довольно большая фабрика, которая раньше имела крупное значение, но потом утратила таковое и было признано необходимым ее закрыть. Принято было постановление о ликвидации фабрики, причем имелась в виду, конечно, ликвидация в форме, допустимой законом. Часть оборудования этой фабрики была Новбумтрестом передана за денежный эквивалент в основной капитал Ленинградских трестов. Вслед затем был получен от Прокуратуры запрос, на каком основании продается национализированное имущество. На это было дано об'яснение, что в данном случае собственником имущества остается государство, независимо от того, в чьем ведении будет находиться это имущество: Новбумтреста или Ленинградских трестов, и что здесь нарушения ст. 22-й нет. С такой точки зрения Прокуратура согласилась. Совершенно неожиданно 23 декабря пр./г. появилась публикация в „Известиях ЦИК", где было сказано, что строения и оборудование фабрики продаются с публичных торгов. Немедленно телефонограммой от прокурора Республики было предложено принять меры к приостановлению торгов. Была послана телеграмма на место, чтобы торги были приостановлены, и они действительно были приостановлены, имущество не было продано и сейчас лежит без использования.

инвентарной описи и по местным рыночным ценам. Означенный акт правление госпредприятия представляет в ВСНХ при возбуждении мотивированного ходатайства о разрешении отчуждения. По обследовании соответствующими Управлениями, Отделами ВСНХ вопроса со стороны технической правильности оценки имущества, целесообразности его продажи и правовой вопрос восходит на разрешение президиума ВСНХ. По общему правилу, продажа производится с публичных торгов, поскольку нет специального разрешения Президиума ВСНХ на иной способ продажи.

7. Не весь основной капитал госпредприятия является имуществом, из'ятым из частного оборота и забронированным от возможности его отчуждения (добровольного или принудительного). К основному капиталу предприятия законодателем отнесены не только фабричные и другие строения, машины, оборудования и инструменты, которые должны

Отвечаю на сделанные вопросы.

1) Кто решает вопрос о негодности имущества?

Дело в том, что промпредприятия, об имуществе которых мы говорим, находятся в ведении либо ВСНХ Союза, либо ВСНХ Союзных Республик, либо местных органов ВСНХ. Вопрос о продаже того или другого имущества разрешается в конечном счете этими госорганами и, разумеется, от этих госорганов зависит и признать данное имущество непригодным в госпромышленности.

2) Что значит „негодное имущество"?

По поводу того, что именно надо подразумевать под негодным имуществом, прекрасно говорит проф. Б. Мартынов в „Еженедельнике Советской Юстиции". Он говорит: „термин негодное имущество следует понимать в его прямом и непосредственном смысле негодности его для осуществления тех целей, для которых оно было создано". Правовой Отдел ВСНХ считает, что под негодностью имущества, в смысле ст. 22-й, следует разуметь только такую негодность, которая делает невозможным использование имущества по его назначению. Только такая часть основного капитала, которая вследствие негодности перестала удовлетворять своему назначению, может быть, признана утратившей свойство неотчуждаемости и способной поступить в частный оборот. Негодность имущества не равносильна его ненужности и проистекающей отсюда невозможности использовать его в данном госпредприятии, если только имущество может быть целесообразно использовано путем переброски его в другое госпредприятие. Поэтому, для признания, например, допустимости отчуждения в частный оборот данного оборудования, необходимо, чтобы оно, как таковое, не могло быть целесообразно использовано по своему назначению вообще в госпромышленности.

3) Какие промпредприятия могут находиться у частных лиц?

Как вам хорошо известно, вся промышленность была в процессе революции национализирована, кроме мелкой промыш-

---

быть признаны внеоборотным имуществом (в смысле недопустимости его поступления в частный оборот), но также живой и мертвый инвентарь, который изъят из частного оборота лишь условно постольку, поскольку с ним неразрывно связана самая деятельность (особенно производственная) предприятия. Вопрос о том, имеется ли налицо указанная связь инвентаря с предприятием, решается особо в каждом отдельном случае, в зависимости от конкретных обстоятельств, всецело по усмотрению ВСНХ и не может стать предметом судебного разбирательства. Вопрос этот имеет актуальное значение при обращении кредиторами взыскания на инвентарь предприятия; части инвентаря могут стать предметом принудительного взыскания лишь с разрешения ВСНХ (вывод, вытекающий непосредственно из ст. 16 п. „б" и ст. 28 п. „а" декрета о трестах от 10/IV—1923 г., аналогия—ст. 15 п. „б" и ст. 26 п. „а" декрета о трестах от 17/VII—1923 г.).

ленности. Декрет ВЦИК и СНК от 7 июля 1921 г. „о кустарной и мелкой промышленности" и затем декрет ВЦИК и СНК от 10 декабря 1921 года „о предприятиях, перешедших в собственность республики", установили, что в частной собственности могут находиться промпредприятия с 20 наемными рабочими,— вся же остальная промышленность должна, следовательно, считаться национализированной, за исключением той, национализация которой не была фактически осуществлена до 17 мая 1921 года. Недавно, именно 2 марта с/г. Президиумом ВСНХ СССР было вынесено постановление, которое внесло необходимую ясность, необходимое уточнение в эту область. Дело в том, что после 17 мая 21 года в собственности частных лиц остались промпредприятия, возникшие еще до 29 ноября 20 года с количеством наемных рабочих и больше 20 человек. 29 ноября 20 г. Президиумом ВСНХ было принято постановление, по которому подлежали национализации промпредприятия с числом рабочих больше 5 человек при двигателе, и больше 10 чел. без двигателя. 17 же мая 21 г. с введением новой экономической политики, декретом СНК дальнейшая национализация таких промпредприятий была приостановлена. Национализация осталась в силе только для тех промпредприятий, относительно которых она уже была фактически осуществлена до издания этого закона. При этом оказалось, что ряд промпредприятий, оборудование которых было расчитано на большее (чем 20) количество наемных рабочих, остался в руках частных собственников. Возникла как бы контроверза. С одной стороны, декрет от 7 июля 21 г., разрешивший гражданам организовывать промпредприятия с числом наемных рабочих не свыше 20 человек, а, с другой стороны, декрет от 10 декабря 21 г., постановивший, что все промпредприятия, фактически не национализированные до 17 мая 21 года, должны остаться в распоряжении их собственников. Благодаря этому получился разнобой. Именно: в Ленинграде все такие предприятия были по постановлению Губисполкома зарегистрированы, в Москве они были зарегистрированы МСНХ лишь условно, а в некоторых других городах даже отбирались у собственников на том основании, что ими не могут владеть частные лица. Директива Президиума ВСНХ СССР от 2 марта с/г. внесла в этот вопрос надлежащую устойчивость, надлежащую ясность. На его распоряжение были представлены постановлением Главного Экономического Управления от 24 февраля с/г о предприятиях, находившихся в собственности частных лиц до 17 мая 21 года и до этого времени ненационализированных, но зарегистрированных или подавших заявление о регистрации на основании Постановления ВЦИК и СНК от 22 марта 23 г., и проект инструкции о регистрации частных предприятий, составленный ГЭУ, и Президиум признал, что частные промышленные заведения, принадлежащие гражданам СССР, ненационализированные до 1 января с/г., могут продолжать существовать на

тех основаниях, на каких они действовали до настоящего времени, и постановил внести на утверждение СТО представленный ГЭУ проект инструкции о регистрации частных промпредприятий.

II.

Доклад В. Л. Белостоцкого.

Прежде чем перейти к изложению проекта нового декрета, который нас больше всего интересует, позвольте остановиться на том последнем законодательстве, которое предшествовало ему по времени и которое ускорило и обеспечило прохождение самого проекта. Вы помните, что к моменту национализации частного имущества, в 1917—18 г.г., последовавшему вслед за войной, на складах промышленных предприятий скопилось громадное количество предназначенного, главным образом, для военных надобностей имущества, фабрикатов, полуфабрикатов и сырья. За период войны до 17 г. и затем в период гражданской войны фабрики и заводы были заняты исключительно производством военного снаряжения и, в связи с трудностью сношений с Западной Европой, не ремонтировались, не оборудовались, и уже к 17 году все они нуждались в большом ремонте и в новом оборудовании. До 23 года, когда внимание государственной власти было вплотную привлечено к нуждам промышленности, все эти фабрики и заводы стояли, разрушались, не ремонтировались и почти не охранялись; той же судьбе подверглось и всякое имущество, лежавшее на складах. С образованием трестов, имущество этого рода было передано им в качестве их уставных капиталов: фабрики, заводы и их оборудование—в качестве основного, а фабрикаты, материалы и сырье—в качестве оборотного капитала. В кратчайший срок все должно было быть приспособлено для производства и дальнейшей работы.

Отсюда понятно, что уже при возникновении трестов в составе их капиталов оказались значительные имущества, не могущие быть использованными хозяйственными предприятиями и получившие позднее название „неликвидных фондов". В соответствии с теми капиталами, к которым относится это имущество, мы разделим его на неликвидное имущество, входящее в состав оборотного капитала, и неликвидное имущество, входящее в состав основного капитала.

Если неликвидные фонды оборотных капиталов образовались, главным образом, потому, что, в силу своего несоответствия требованиям рынка мирного времени, не могли найти покупателя, не имели сбыта на рынке, то иначе обстояло дело с имуществом, входящим в состав основного капитала. Здесь мы, прежде всего, сталкиваемся со ст. 22 Гр. Кодекса, с ее формальным запрещением отчуждения национализированных предприятий, их оборудования и пр.

Таким образом, если неликвидность имущества, входящего в состав оборотных капиталов, явилась результатом требований рынка, то неликвидность имущества, входящего в состав основных капиталов трестов, создана была искусственно, как одна из мер борьбы с развитием частной промышленности. Но если уже в 1922 г., в момент составления Гражданского Кодекса для его составителей было ясно, что условия хозяйственной жизни страны требуют уступки жизни и эта уступка была сделана в форме примечания к 22 ст., разрешающего продажу „негодного и устаревшего" имущества, то ныне, когда сфера деятельности частного капитала несколько расширена, явилось необходимым вновь поставить этот вопрос.

В октябре месяце п. г., по докладу Госфондовой Комиссии при СТО, Совет Труда и Обороны постановил принять необходимые меры для урегулирования и ускорения реализации неликвидных фондов в составе оборотных капиталов предприятий. Это постановление СТО не делало еще возможным реализацию этого имущества на рынке. Оно установило только тот принципиальный путь, по которому надлежало итти нашим хозяйственным наркоматам—и в смысле создания единого бюро реализации этих неликвидных фондов, и в смысле наметки тех путей, по которым реализация должна была пойти. До этого времени так же, как и теперь, не было никаких правовых запрещений, которые препятствовали бы продаже этого неликвидного оборотного имущества. Некоторые очень строгие хозяйственники видели такое запрещение в постановлении СНК от 2 января 23 года, которое воспрещало трестам торговать какими бы то ни было имуществом, кроме продукции собственных предприятий, но, конечно, такое толкование этого постановления не выдерживает критики, ибо продажа случайного неликвидного имущества не была торговлей и, поэтому для продажи такого имущества не было формальных запрещений, были исключительно условия рынка.

Я не буду останавливаться на этом вопросе подробно, ибо вы знаете те постановления Президиума ВСНХ текущего года, 409-й 605-й приказы, которые устанавливают порядок учета неликвидного имущества и распределения тех сумм, которые будут выручены от его продажи.

Нас интересует вопрос о продаже имущества, входящего в состав основного капитала.

Многие нетерпеливые хозяйственники, в том числе и хозяйственники-юристы, склонны были толковать постановление СТО от 3 октября п. г. как норму, разрешающую и эту реализацию, но толкование такое, конечно, неправильно, ибо СТО мог указать и наметить пути учета и порядок реализации, но не мог сам разрешить реализацию того имущества, которое запрещено к отчуждению ст. 22-й Гр. Код. Мысль об изменении

этой статьи и необходимости ввести разрешение ликвидации этого имущества путем продажи возникла в ВСНХ еще в 23 году, когда был внесен соответствующий законопроект, не по вине ВСНХ до сего времени не получивший силы закона. При обсуждении вопроса о неликвидных фондах в составе оборотного капитала СТО, между прочим, предложил КЗП составить проект тех законоположений, кои препятствуют реализации неликвидных имуществ предприятий и учреждений. После этого прохождение декрета пошло более быстрым темпом, и ныне этот проект, вероятно, в скором времени получит силу закона.

Теперь вкратце о главном содержании этого нового закона, Первая статья устанавливает незыблимость принципов, изложенных в ст. 22 Гр. Код., по которым принадлежащие государству, в лице его общественных, республиканских и местных органов, имущества—промышленные предприятия и заведения, их оборудование, подвижной состав жел. дорог, сооружения жел. дорог, водный воздушный транспорт и строения не подлежат отчуждению в собственность частных физических и юридических лиц и общественных и кооперативных организаций и не могут быть предметом залога. Из'ятия же допускаются в случаях, предусмотренных декретом.

Разрешите изложить вкратце те из'ятия, которые из этого правила делает проект. Прежде всего, основной момент этого декрета есть разрешение продажи как бездействующих государственных фабрик и заводов так, в отдельных случаях, даже и действующих промышленных заведений. Вы помните, что по ст. 22 Гр. Кодекса требовалось для продажи имущества установление момента негодности его и устарелости, но расшифровки этих понятий не давалось. Теперь проект дает исчерпывающие указания, значительно расширяет условия отчуждений даже бездействующих государственных фабрик и заводов в целом и допускает продажу не только негодных или устаревших частей оборудования, но и целых заведений, в случае невозможности целесообразного их использования или же в случае необходимости производства несоразмерно крупных расходов для их охраны и ремонта. И, далее, ст. 8 проекта, говоря об отчуждении действующих промышленных заведений, устанавливает единственным критерием для их продажи разрешение правительства Союза ССР, в лице СТО, и правительств Союзных Республик, в лице ЭКОСО Республик, не указывая ограничений для продажи промышленных заведений и полагая, очевидно, что разрешение СТО и ЭКОСО Республик в достаточной степени гарантирует государство от возможных злоупотреблений или ошибок при таких продажах.

Дальше, в декрете устанавливается круг лиц, кому все эти государственные имущества могут быть проданы. Кооперативным организациям, согласно ст. 57 Гр. Кодекса, могут быть проданы промышленные предприятия без ограничения числа

рабочих, занятых в этих предприятиях, и в этом смысле декрет не устанавливает ничего нового. Для частных лиц повторяется то же указание, которое содержится в ст. 55 Гр. Кодекса, и говорится, что частным физическим и юридическим лицам могут быть отчуждаемы только такие заведения или части их, для эксплоатации которых нормально требуется количество наемных рабочих, не превышающее допускаемого специальным законом для предприятий, принадлежащих частным лицам на праве собственности.

Тем законом, который регулирует количество рабочих, занятых в частных предприятиях, является до сего времени декрет от 7 июля 21 г., устанавливающий для частных предприятий количество рабочих 10 и 20 человек. Несколько уточнил это количество декрет от 10 декабря 21 г., которым предоставлено Президиуму ВСНХ денационализировать промышленные предприятия с количеством рабочих до 20 чел Ныне, как вы знаете, Президиумом ВСНХ внесен в законодательные органы проект декрета, устанавливающий право частных лиц владеть промышленными предприятиями уже с количеством рабочих до 100 челов. (с допущением по сезону до 25% увеличения). В рассматриваемом декрете нет повторения ни 10, ни 20 чел. оставлена та голая формá, которая была в ст. 55.

Продажа оборудования и отдельных частей промышленных заведений также значительно расширяется новым декретом сравнительно со ст. 22 Гр. Кодекса. Здесь введены иные признаки для права продажи, здесь нет ограничения продажи только негодностью и устарелостью имущества, и продажа допускается, если имущество не только пришло в ветхость или негодность, но и тогда, когда оно не может быть использовано по назначению в достаточной степени или же вследствие устарелой конструкции заменяется более усовершенствованным. В этой области декрет имеет еще одно новшество значительно расширяющее право на отчуждение и залог имущества трестов. Вы помните ст. 24 декрета о трестах (которая до сего времени оставалась мертвой буквой), разрешающую трестам в особом порядке выпуск облигационных займов. В виду того, что тресты не могли представить—это было одной из причин—никакой гарантии своей платежеспособности, ничем не могли обеспечить этих займов, эти займы не заключались.

В статье 4-й проекта указано, что, по постановлению СТО или ЭКОСО подлежащей Союзной Республики, из основного капитала госпромышленных предприятий может быть выделена часть имущества в обеспечение долгосрочного облигационного займа. Таким образом, и основной капитал треста может делаться в особых случаях предметом частного оборота.

Мы внесли этот проект недавно и думали, что в настоящий момент он удовлетворяет требованиям и экономики и политики. Всего месяц тому назад он последний раз ушел из

ВСНХ, но оказывается, что жизнь его уже обогнала, и ныне он устарел в некоторых частях, так что вновь требуются к нему поправки. В ГЭУ ВСНХ СССР был обсужден вопрос о внесении поправок в том смысле, что подобно тому как для облигационного займа, должно быть допущено обеспечение также и в отношении долгосрочных ссуд, испрашиваемых на нужды капитального строительства. Таким образом, может случиться, что часть основного капитала попадет в залог и по долгосрочным займам треста.

Резолюция.

1. Принятая в ВСНХ и его органах практика, являясь единственно правильной при наличии ст. 22 гр. код. РСФСР и соответствующих статей гражданских кодексов других союзных республик, не дает разрешения вопроса в целом, ибо во многих случаях самое содержание указанных законодательных актов служит препятствием для освобождения промышленных предприятий от имущества, не могущего ими быть использованным на входящих в их состав промышленных заведениях и лишь вызывающего расходы по его охране, ремонту и пр.

2. Результатом такого положения вещей является дальнейшее разрушение строений, технического оборудования и т. п., могущих еще быть использованными в кооперативных и мелких частных промышленных предприятиях и, таким обраром, могущих еще быть полезными в общей системе народного хозяйства.

3. Единственным планомерным разрешением вопроса является скорейшее издание декрета о порядке отчуждения государственных имуществ, выработанного ВСНХ и внесенного им на рассмотрение законодательных органов Союза.

Подряды и поставки в практике госорганов.

Доклад С. И. Вильнянского.

Прошу считать мое сообщение не докладом, но только сообщением некоторых замечаний по этому вопросу. Мое сообщение не встретит, вероятно, больших расхождений в оценке тех практических выводов, которые я сделал. Я предвижу возможность возражений в смысле теоретических конструкций или мотивировок, но в отношении практических выводов общее настроение, которое охватывает, как видно, всех юрисконсультов, испытывающих затруднительность и стеснительность применения Положения о государственных порядках и поставках к организациям, переведенным на хозяйственный расчет, это общее настроение, вероятно, не встретит здесь никакой оппозиции и поэтому тот практический вывод, который я сделаю в докладе, я расчитываю, будет принят.

Раньше всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что подряды с точки зрения Гр. Кодекса и подряды с точки зрения Положения о государственных подрядах и поставках определяются совершенно одинаково, а вместе с тем наши представления, которые навеяны не только нашим привычным представлением о казенном подряде, заимствованном из практики дореволюционного законодательства, но и вызываются самой жизнью, наши представления свидетельствуют о том, что государственный подряд это не то, что подряд с точки зрения Гр. Кодекса или вообще с цивилистической точки зрения. Если вы возьмете определение подряда в Гр. Кодексе, то вы увидите, что это определение почти не отличается от определения, данного в проекте Гражд. Уложения, выработанном до революции, и от норм швейцарского обязательственного кодекса.

Понятие подряда охватывает такие разнообразные явления и такую массу разнородных сделок, что я сказал бы, что под подряд подходит весьма длинная цепь различных операций, часто очень сложных, начиная от весьма сложных сооружений, например, от постройки большого дома небоскреба, от постройки железной дороги, от проведения шоссейной дороги и кончая

мелкими побелками, ремонтом и т. п. Например, побелка подходит с точки зрения цивилистического понятия под подряд, ибо с точки зрения цивилистической подрядом называется такой договор, в котором одна сторона берется выполнить задание другой стороны за известное вознаграждение, отвечая за результат своей деятельности, т.-е. иначе вознаграждение платится не за работу, но за достигнутый результат.

Ст. 222 Гр. Кодекса определяет подряд таким образом: это договор, по которому одна сторона обязуется за свой риск выполнить определенную работу по заданию другой стороны, последняя же обязуется дать вознаграждение за выполнение задания. Если же мы возьмем Положение о государственных подрядах и поставках, то подряд определяется точно таким же образом: по договору подряда подрядчик обязуется за свой страх и риск выполнить известное задание государственного учреждения или предприятия, последнее же обязуется дать определенное вознаграждение. Разница том, что государственный подряд — это такой, когда заказчиком является государство, а всякий другой подряд будет просто подрядом. Разница в суб'екте, но абсолютно нет различия в содержании договора. Поэтому, когда государственный трест должен заказать книжный шкаф за 50—60 руб. и призывает мастера, то это с точки зрения Гр. Кодекса есть подряд, с точки зрения положения о государственных подрядах и поставках это также подряд, но государственный подряд, ибо заказчиком является государственный орган. Отсюда должен быть сделан практический вывод; если взять последний пример, то при заказе мастеру шкафа, юрисконсульт треста должен дать заключение: потребовать от мастера залог, обязательно включить в договор неустойку, выдача аванса не должна превышать 25%. Можно привести примеры более анекдотического характера. В колдоговорах устанавливается правило, по которому учреждения обязаны иметь мыло и полотенце для служащих; это полотенце надо отдавать в стирку; если вы не приглашаете прачку, а отдаете ей выстирать, то это с точки зрения Гр. Кодекса — подряд и, следовательно, с этой прачкой нужно вступить в договорные отношения, с включением условия о неустойке и т. д. Никому, конечно, не придет в голову это делать, но с точки зрения Положения о подрядах и поставках это нужно сделать. Отсюда вывод: очевидно, когда писалось Положение о государственных подрядах и поставках, то имелся в виду один образец, одно представление, а когда писались нормы Гражд. Кодекса, имелся другой образец.

Если возьмете любой немецкий учебник, то увидите, что по мнению автора, под понятие подряда подойдет приглашение литератора написать книгу и приглашение артиста выступить в концерте. Даже договор с извозчиком подходит в некоторых случаях под подряд, если извозчик обязуется вас довести до определенного пункта. Если вы возьмете Положение о государ-

ственных подрядах и поставках, то вам в голову не придет, что последнего рода договоры могут подойти под понятие подряда.

Перед своим отъездом из Харькова мне пришлось прочитать в сборнике „Революция в праве"—в издании Коммунистической Академии заметку тов. Раевича о работе проф. Агаркова о подрядах. Т. Раевич правильно остановился на той мысли, что такое понимание договора подряда не согласуется с Положением о государственных подрядах; он сделал неправильный вывод из этого, но внимание его было этим обстоятельством привлечено и то, что он остановился на этом явлении, заслуживает обсуждения. Он обвиняет проф. Агаркова в том, что, по мнению последнего, под подряд подходит книга, заказанная литературу и т. п. Проф. Агарков прав, если взять норму Гр. Кодекса, ибо там это подряд, и так как Гр. Кодекс не отличается в этом отношении от европейских законодательств, то нет оснований у нас избегать тех толкований, которые даются в немецких учебниках. Но Раевич считает, что так как Полошение о государственных подрядах имеет в виду только создание материальных ценностей, то и подряд в Гражданском Кодексе должен быть понимаем в таком же смысле.

Мне самому пришлось получить от государственного учреждения 15% облигациями выигрышного займа за литературную работу. Учреждение считало, что договор, который я заключал, есть договор подряда, а т. к. этот заказ был государственный и подходил под государственный подряд, то я и получил 15% облигациями, и я считаю, что было право издательство, а не тов. Раевич. Применение Положения приводит к абсурду, но вина здесь не в том, что т. Агарков неправильно толкует подряд по Гражд. Кодексу, а вина в том, что, несмотря на внешнее совпадение определения подряда, данного Положением о государственных подрядах и поставках и Гражд. Кодексом, между ними есть разница и разница в том, что в этих двух законодательных актах были положены в основу различные принципы. Правила ст. 220 и сл. Гр. Код. взяты из европейского цивильного законодательства, а Положение о государственных подрядах заимствовано из старого Положения о казенных подрядах.

В старом дореволюционном положении мы под подрядом разумели работу, имеющую в виду сложные сооружения и, главным образом, строительные работы. Я уже говорил, что в ст. 4 Положения дается определение подряда, но я там не сказал, что в скобках имеется уточнение: „Возведение, ремонт сооружений и т. д.". Тут законодатель считал нужным дать какой-то перечень. И в старом X томе нашего Свода законов давался перечень. В старом законодательстве мы знали еще понятие заказа, отличное от понятия подряда.

В литературе было высказано следующее мнение: говорят, что мы избавились бы от затруднений, если бы создали понятие личного найма. Я не разделяю этих соображений. И по по-

литическим, и по чисто юридическим соображениям совершенно достаточно трудового договора. Центр тяжести не в том, что некоторые сделки не укладываются в понятие трудового договора, а в том, что они и не должны подходить под этот тип. Такие сделки нужно считать просто подрядами. Если мы возьмем тот пример, который я приводил—с прачкой, то с точки зрения норм трудового права вы должны заплатить ей по той ставке, которую определит профсоюз, иначе профсоюз скажет, что такая сделка недопустима. Хотя нормы трудового кодекса говорят о том, что не допускаются те договоры, которые ухудшают положение работающего по сравнении с нормой, но в то же время профсоюз не допустит установления таких ставок, которые выше установленных им самим. Он скажет, что этим вы деморализуете трудящихся, что государство не может платить много, и что такое положение недопустимо, когда в одном случае будут получать больше, а в другом меньше за одинаковую роботу. Если мне хотят платить 60 червонцев в месяц, профсоюз не разрешит и потребует, чтобы мне платили по ставке, и будет с своей точки зрения прав.

Во-вторых, подведение этих договоров под понятие трудового договора влечет за собою уплату взносов в соцстрах, регистрацию на бирже труда и т. п. осложнения. Таким образом, мы видим, что применить здесь трудовой договор нельзя. Неприменимо и Положение о государственных подрядах. Здесь имеет место просто подряд. Можно привести много примеров, когда товарищи, обращаясь за товарищеской консультацией, говорят: вот я написал договор; что это такое, подряд или не подряд? Мастер берется побелить здание, заказываются стойки для магазина. Мастер отвечает за работу. Мы требуем представления залога, включения неустойки и т. д.,—он отказывается заключить договор. Что с ним делать? Другой пример. Одна организация заказывает частному лицу переработать определенное количество свинца в свинцовые белила. Вознаграждения никакого. Мастер выигрывает на том, что он при этом удерживает в свою пользу известное количество материала, и на этих условиях он берется за работу. Спрашивается, нужно ли свидетельствовать такой договор у нотариуса? С какой суммы нужно требовать представление залога и т. д.? Что является ценой договора—все сырье, которое мастеру передается, или то, что дается в вознаграждение? Все это—вопросы неразрешимые, если считать, что мы имеем дело с государственным подрядом. Если же мы берем просто подряд, то никаких вопросов относительно неустойки и т. д. не возникает. У нас и НКФ, и Наркомтруд подходили к этому вопросу с разных точек зрения и приходили к разным выводам. Давалось такое об'яснение: здесь мы имеем дело с мелким подрядчиком, которого невозможно подчинять режиму государственных подрядов. Мелкие подряды невозможно подчинять правилам „Положения". НКФ называет эти сделки договорами

личного найма; но таких договоров у нас не существует. Наркомтруд говорит—это подряды, но мелкие подряды, а поэтому и нельзя требовать выборки патента на такую работу. Все эти противоречия, которые при этом возникают, возникают именно потому, что Положение о государственных подрядах и поставках неприменимо, во-первых, к тем госорганизациям, которые переведены на коммерческий расчет, и, затем, к мелким несложным работам.

Наше представление о казенных подрядах связано с представлением о сложной работе. Это не мелкая работа, которая с точки зрения старого законодательства подходила к категории заказа. Между тем современное законодательство не знает отдельно заказов и таких сделок не предусматривает. Каким образом возникло наше Положение о казенных подрядах и поставках? Оно было издано в 1830 году. Наши казенные управления совершенно не были призваны для выступлений в сфере частного оборота. Когда казенному управлению было необходимо возвести, например, дом, то так как у него не было надлежащего опыта и даже, может быть, по тем временам, и честности, чтобы можно было положиться на то, что оно заключит гражданско-правовой договор удачно, то для этого требовалась какая-то гарантия, которая бы обеспечила интересы государства. Вследствие этого устанавливается ряд правил: торги, публикация, представление залога. Все это меры, которые были необходимы, чтобы обеспечить интересы государства, которые применялись учреждениями, изредка заключавшими такие договоры. Но когда государственный трест или коммерческая организация каждый день заключают такого рода договоры, когда все его операции представляют ни что иное, как выполнение или сдачу заказов или поставок, и когда эти сделки совершаются тоже по большей части с госорганами, тогда, казалось бы, надобности в этих особых гарантиях не имеется. Сделки коммерческого характера требуют выполнения столь сложных формальностей, что при конкуренции госорганов с частным капиталом, если бы он существовал, государственные органы не были бы в состоянии успешно соперничать с частными лицами.

Разрешите сказать два слова о поставках. Поставка ни в одном современном европейском законодательстве, как особое понятие, не существует. Нет его и у нас. Каковы же особенности государственной поставки? Государственная поставка—это вид купли-продажи, и отличие этой сделки от купли-продажи заключается в том, что покупателем является госорган. Неудачно, может быть, взято самое название „поставка", и отсюда все дальнейшие конструкции, созданные НКФ, НКЮ и др. Говорят о том, что нужно выделить понятие поставки и дать ему характеристику. Какова же эта характеристика? Одни усматривают отличительный признак поставки в том, что товар доставляется через известный срок, другие в том, что отсрочиваются плате-

жи; НКФ вводит новый признак: представление товара последовательными партиями. Между тем, по Положению о государственных подрядах достаточно, чтобы весь товар был доставлен к известному сроку,

Следует остановиться на примечании к 137 ст.

Союзный Совнарком дал аутентическое раз'яснение по вопросу о применении к поставке прим. к ст. 137 и он считается разрешенным. Но с точки зрения налогового обложения этот вопрос остался не разрешенным. Поставка в налоговом законодательстве рассматривается, как самостоятельный институт: это не купля-продажа. Между тем, ни в одном европейском законодательстве, ни у нас, в гражд. кодексе нет определения поставки, нет специальных норм, да и нужды в этом нет. Если вы возьмете современные экономические условия и вспомните, что нормы римского права возникли в эпоху натурального хозяйства, и если попробуете эти нормы проводить сейчас, то увидите, что сейчас на 99% купля-продажа есть договор поставки, ибо в товарном хозяйстве предметом договора является теперь товар. Товар—это заменимые вещи и товар поставляется через известный срок, хотя бы незначительный; следовательно, понятие купли-продажи следовало бы заменить понятием поставки, или, иначе сказать, купля-продажа в современном представлении—это договор купли-продажи товара. Наш Гражд. Кодекс не делает различия между куплей-продажей такого рода, когда товар должен быть доставлен через известные сроки и когда он передается покупателю немедленно.

Поэтому я считаю, что применение Положения о государственных подрядах и поставках не только неприемлемо, но и свидетельствует о том, что при издании этого Положения нам были навязаны старые, дореволюционные архаические представления о государственных подрядах и поставках и что в данном случае мертвый схватил живого. Правда, в самом начале, в 21 г., когда было издано Положение о государственных подрядах и поставках, его издание имело смысл. Мы только начинали новую экономическую политику, а до этого времени наши госорганы снабжались безвозмездно; тогда были всякого рода снабы, которые снабжали госорганы. Когда мы перешли к НЭП'у, необходимо было заключать договоры; между тем, не было ни одной нормы гражданского права, которая бы регулировала договорные отношения. Прежде всего, пришлось дать цивилистическое определение тем договорам, которые наиболее часто заключаются, это договоры о подрядах и поставках. Поэтому первое Положение о господрядах и поставках было ценно; оно давало нормы цивильного права, которые определяли, что такое подряд, какова ответственность подрядчика, в чем заключается риск подрядчика и т. д. Когда был издан Гражд. Кодекс, потребность в этих цивильных нормах отпала, и ныне действующее Положение о государственных подрядах этих правил не содержит. Вместе

с тем Положение о господрядах и поставках в том виде, как оно сейчас действует, представляет значительные стеснения для коммерческих органов. Это было уже учтено законодательством, и после издания Положения на него был наложен целый ряд заплат. В Положении о государственных подрядах и поставках, в его последней редакции сказано, что в том случае, когда сделки заключаются между госорганами, и в целом ряде других случаев, представления залогов и публичных торгов не требуется; в случае стихийных бедствий—торги не требуются: сдача подрядов и поставок без публичных торгов допускается, когда операция подряда или поставки входит в круг оперативной или коммерческой деятельоости госоргана и т. п.

Положение о государственных подрядах содержит примечание, смысл которого заключается в том, что в том случае можно сдавать подряд без торгов, когда операция подрядов и поставок входит в круг оперативной деятельности. Это примечание вызывает большие недоумения. Как его нужно понимать? Я могу сказать, что я, подрядчик, занимаюсь операциями, которые входят в круг моей оперативной деятельности, что принятие на себя обязанностей подрядчика составляет мою деятельность. Но примечание говорит о сдаче подрядов. Могу ли я сказать, что сдача подрядов моя профессия? Такой профессии не существует. Госорганы, которые занимаются постройками, принимают на себя подряды; это входит в круг их оперативной деятельности. Но что это за органы, которые сдают подряды?

Совсем недавно последовало раз'яснение Наркомюста РСФСР, что примечание 2 к ст. 1 Положения понимать надо ограничительно, это примечание относится только к Госстрою и другим подобным органам. Но ведь Госстрой работу не сдает, а принимает на себя.

Требование публичных торгов в подавляющем большинстве случаев отпало, но остается представление залога. Правда, при договорах между госорганами представления залога не требуется, но если аванс превышает 25%, то разница должна быть обеспечена залогом. Совсем недавно появилось еще раз'яснение Наркомюста, которое говорит, что возможно обеспечение векселями договора о государственных подрядах и поставках, но принимать векселя в залог нельзя. То, что можно обеспечивать всякого рода договоры векселями, мы знали без НКЮ. Весь вопрос в том, можно ли представить вексель в виде залога? Я спрашивал юрисконсультов жел. дорог, какие вы залоги получаете?—Они говорят: мы принимаем векселя. Разве это есть залог, разве вы имеете на это право?—Что же делать, другого выхода нет. Теперь, когда НКЮ раз'яснил, что нельзя принимать векселя в залог, положение у жел. дорог будет совершенно безвыходное.

Я считаю, что для казенных управлений, теперь мы их называем госбюджетными учреждениями (эти понятия идентичны),

для них положение о господрядах и поставках следует сохранить, но для организаций, переведенных на коммерческий расчет, потребность в этом положении абсолютно отсутствует. Особые формы обеспечения здесь не нужны, потому что подрядчиками по большей части являются также госорганы, и мы в достаточной степени гарантированы общими нормами гражданского кодекса. Это, во-первых. Во-вторых, потому, что ст. 13 Положения об арбитражных комиссиях сводит вообще на смарку все особые формы обеспечения. Например, неустойка в Положении о господрядах носит не оценочный, а штрафной характер. Я не знаю ни одного решения арбитражной комиссии, в котором она бы не применила статьи 142 Гражд. Кодекса. Между тем в положении о госпорядках и поставках неустойка должна носить другой характер. Здесь опять мертвый хватает живого. Здесь нужно почему-то отступить от нашего принципиального положения, которое создало наше советское право, от положения, совершенно совпадающего с современными европейскими законодательствами, и почему-то необходимо вернуться к десятому тому.

Таким образом, эти нормы с одной стороны не нужны, а с другой стороны они только стесняют. Они стесняют потому, что условие о неустойке нужно написать в договоре, а затем пред'явить иск о взыскании неустойки без надежды на его удовлетворение. В РСФСР нужно еще обратиться к нотариусу, между тем как современные операции коммерческого характера требуют заключения сделок в более легких формах—по телеграфу, по телефону, по радио и т. п. Куда здесь можно поместить неустойку, как получить залог? Мы на Украине заинтересовались вопросом о применении Положения о господрядах и поставках. Мы произвели анкету среди украинских ж. д. и все они, правда, под давлением уполНКПС высказывались за сохранение режима господрядов и поставок по договорам, заключаемым ж. д. Этот вопрос для меня является спорным. Мы поддержали мнение наших товарищей, но принципиально мы выдвинули проект применения положения о господрядах и поставках исключительно к госбюджетным учреждениям. Я думаю, что это принципиальное положение возражений не встретит.

Прения.

Л. И. Поволоцкий.—Точка зрения т. Вильнянского, что Положение о государственных поставках и подрядах должно быть оставлено в силе только по отношению к госбюджетным учреждениям, а по отношению к госхозяйственным предприятиям не должно применяться, для меня не является столь бесспорным. Я считаю, что прим. 2 к ст. 1-й Положения о подрядах и поставках, разрешающее сдавать без торгов подряды и поставки, входящие в круг оперативной деятельности, следует

понимать как относящиеся к оперативной деятельности госпредприятия, сдающего подряд. Если мы станем на эту точку зрения, то Положение о гос. подрядах не будет так связывать предприятия, как это имеет место сейчас. Сравнение текста этого примечания с предшествующим Положением дает право сказать, что имелось в виду раскрепостить предприятия. Иначе этот вопрос толкует Наркомюст, но его толкование мне кажется неправильным и не вытекающим из закона. Я в полной мере согласен с тем, что хозяйственники достаточно хорошо усвоили начала коммерческой работы и поэтому не следует их стеснять строгими рамками заключения договоров путем производства публичных торгов. Но есть две области, где торги представляются мне целесообразными, это работы строительные и по перевозке грузов. Это две отрасли, в которых я считаю целесообразным производство торгов и поэтому не нахожу возможным высказаться за полную отмену этого Положения для госпредприятий.

Точно так же считаю целесообразным производство торгов на транспортные работы, так как и здесь опыт, по крайней мере, Ленинграда, и опыт того завода, на котором я работаю, приводит точно так же целый ряд разительных примеров. Скажу, например, что на последних наших торгах, контора, которая выполняла эти работы, кооперативная контора, заявляла о том, что снижение цен представляется совершенно невозможным. Были назначены торги, дали снижение по отношению к прошлым ценам примерно на 22%, и работа была выполнена по этим сниженным ценам самым нормальным образом. В этих областях без производства широкой конкуренции невозможно добиться надлежащих цен. Нас стесняют не столько торги, сколько нотариальное засвидетельствование договоров. Перехожу к заключению: необходимо ослабить обязательность торгового производства и сохранить их для госпредприятий только на строительные и транспортные работы.

Д. С. Розенблюм.—По поводу соображений т. Поволоцкого относительно оставления Положения о государственных подрядах и поставках для строительной деятельности трестов, не входящей в их обычную оперативную деятельность, у меня возникает следующее сомнение: В настоящее время существует целый ряд государственных предприятий, специально занимающихся строительными работами. Циркуляр ВСНХ рекомендует трестам при производстве строительных работ заключать свои строительные договоры преимущественно и предпочтительно с этими самыми государственными строительными предприятиями, каковыми являются у нас в Москве Госстрой и другие государственные строительные конторы в разных городах. Второе, в жилищном строительстве, которое сейчас довольно широко распространено в городах, образовались коммунальные строительные конторы, с которыми по необходимости приходится

заключать строительные договора, так как в их руках находятся почти все права застройки на свободных участках городских земель. Коммунальные отделы образовали городские строительные конторы, которым они передали права на застройку наиболее ценных, наилучше расположенных земельных участков. Естественно, что раз какому-нибудь государственному предприятию, или строительному кооперативу приходится строить дом, то нужно раньше всего иметь участок земли. Так как участки земли находятся в руках этих строительных контор, то тресты и кооперативы принуждены поручать свое строительное дело именно этим государственным конторам. Одним словом, государственные предприятия вынуждены заключать строительные договоры с определенными государственными строительными конторами; этим уничтожается возможность публичных торгов. Мне кажется, что эти обстоятельства ослабляют необходимость публичных торгов и для строительной деятельности трестов. Во всяком случае, здесь необходимо предоставить им полную свободу, предоставив право или прибегать к публичным торгам, или сдавать подряды государственным строительным конторам, и без публичных торгов. В силу этих соображений, мне казалось бы, что в конце концов приходится присоединиться к пожеланию докладчика о том, чтобы положение о государственных подрядах и поставках распространить исключительно на учреждения, находящиеся на госбюджете, освободив от них предприятия, находящиеся на хозрасчете.

М. С. Венецианов.—Я всецело присоединяюсь к докладу т. Вильнянского. По тем данным, которые имеются в Правовом Отделе, мы знаем, что положение о государственных подрядах и поставках причиняет чрезвычайно много затруднений в оперативной деятельности трестов. Что это так, что этот закон представляется крайне неудачным и стеснительным, видно из того, что он уже несколько раз дополнялся и эти дополнения, повидимому, неокончательны. По крайней мере, еще в нынешнем году поступило 2 или 3 проекта о дальнейших дополнениях, о том, чтобы на те заплаты, которые уже сделаны на этом Положении, сделать еще новые, которые бы несколько изменили то, что уже сделано прежними. Эти дополнительные проекты рассматривались в Комиссии Законодательных Предположений, которая нашла, что нужно пересмотреть все Положение в целом.

Я полагаю, чсо нам следовало бы выразить пожелание, во-первых, о пересмотре этого закона, прежде всего в редакционном отношении, например, 3-е примечание статьи 1-й, Затем нам следовало бы выразить пожелание, чтобы госорганы были освобождены от обязательной сдачи своих подрядов и поставок с торгов и вообще при всех тех условиях, которые указаны Положением, чтобы оно было обязательным только для госбюджетных учреждений и предприятий, и чтобы и для этих последних был известный минимум, до которого они

могли бы оперировать без торгов, потому что, я думаю, было бы едва ли разумно заставлять даже госбюджетные предприятия сдавать с торгов какой-нибудь заказ на несколько рублей, или даже на несколько десятков рублей. А может быть следовало бы даже еще дальше пойти и этим госбюджетным предприятиям предоставить сдавать без торгов и без залога подряды и поставки госпредприятиям, что соответствует намерению законодателя, согласно действующего Положения.

Я. В. Ливенсон.—Я хотел бы внести маленькую информацию. Есть известная контора Гесстрой, самая большая в РСФСР и вообще в Союзе, которая освобождена от принятия строительных работ с публичных торгов, с нею можно столковаться без всяких публичных торгов. Значит, вот уже одна такая имеется. Во-вторых, обратите внимание на то, что, в сущности говоря, никто не говорит, что тресты не вправе обращаться к публичным торгам, они только не обязаны это делать, а если они пожелают быть осторожными и обратиться к публичным торгам, то это не воспрещается.

С. И. Вильнянский.—О публичных торгах я не сказал ничего, и не говорил умышленно о производстве публичных торгов. В примечании 3-м к ст. 1 этого не говорится. Примечание говорит—подряды и поставки с госорганами заключаются без публичных торгов. Каждый раз, когда госпредприятие сдает подряд и видит, что подряд берет госорган, торгов не производится, а частные лица являются подрядчиками только на менее сложные и серьезные работы. Это мелочь какая-нибудь, и применять в этих случаях закон является абсурдом, а когда сдается большой подряд, мы заключаем его с госорганом без производства торгов. Из того примера, который приводит тов. Поволоцкий, ясно, что госорган не обязан был обращаться к торгам. Он обратился, потому что признал это целесообразным, потому что Госстрой просит слишком большую цену и он предпочел вызвать его на торги. Тогда, когда госоргану это выгодно, он прибегает к этому способу. Ведь тресты имеют целью достижение прибыли и экономии, так что в этом отношении не нужно делать какие-то ограничения. Эти ограничения не нужны просто потому, что существует 3-е примечание, которое в настоящей редакции говорит о сделках госорганов с кооперацией а не только с госорганами.

Резолюция.

Форма сдачи подрядов и поставок, предусмотренная положением о государственных подрядах и поставках, является слишком стеснительной и не соответствует современным условиям деятельности государственных предприятий, действующих на хозяйственном или коммерческом расчете, а посему необхо-

димо поставить на очередь вопрос о пересмотре этого положения.

Так как хозяйственные органы страны в своей работе проявили достаточную опытность в руководстве деятельностью госпредприятий, доказательством чему служит постоянный рост производства советской промышленности, то пересмотр положения должен быть направлен не в сторону внесения в нее отдельных поправок, а освобождения госпредприятий от подчинения этому положению. Положение о государственных подрядах и поставках должно быть сохранено для госбюджетных учреждений.

Совещание считает необходимым отметить, что отмена обязательности применения в госпредприятиях положения о государственных подрядах и поставках не лишает возможности эти предприятия в том случае, если это ими будет признано целесообразным, сдавать подряды с публичных торгов.

Законопроект о договоре торговой комиссии.

I.

Доклад Н. А. Крюкова.

Экономическое значение договора комиссии заключается в том, что комиссионные отношения являются средством к расширению рынка для сбыта товаров в таких отдаленных районах, в которых организация собственного торгового аппарата для предпринимателя была бы нецелесообразна и слишком дорога. Сюда присоединяется также то соображение, что комиссионер, как человек знакомый с местными условиями, знает хорошо местный рынок, имеет деловые связи и может, таким образом, существенно облегчить проведение товаров по каналам отдельных рынков. В условиях современной советской действительности договор комиссии получает особенно актуальное и существенное значение, потому что на очередь поставлен вопрос о расширении товаропроводящей сети, о приближении товара к потребителю, и это, в связи с общим недостатком торгового капитала в стране, выдвигает необходимость наибольшего развития комиссионных операций. И действительно, на практике мы видим, что комиссионные отношения получили самое широкое распространение, и сама структура наших госорганов, особенно синдикатов, которые являются об'единениями производственных предприятий для организации сбыта товаров и заготовки всякого рода сырья и материалов, обуславливает развитие комиссионных отношений. То же самое можно сказать относительно кооперативных союзных об'единений.

Таким образом, комиссионные отношения всецело вытекают логически из уставной целевой правоспособности таких об'единений. Тем не менее, не взирая на ход развития комиссионных отношений и на насущную важность этого вопроса, до сих пор мы не имели декрета, который регулировал бы комиссионные отношения в целом, во всех основных их моментах. Отсутствие подобного декрета дает даже основание к появлению довольно странных мнений в юридической литературе, как, на-

пример, статья под инициалами П. Х. в № 12 „Еженедельника Советской Юстиции", в которой автор говорит, что поскольку советское законодательство не знает договора комиссии, как такового, то комиссионера, как посредника, судебная практика не должна признавать, что комиссионер должен рассматриваться, как простой поверенный, и не может действовать от собственного имени, а потому автор оспаривает подсудность Арбитражной Комиссии дела по иску комиссионера-госоргана, действовавшего по поручению комитента—частного лица. Такая точка зрения является несостоятельной, так как комиссионные отношения получили полное признание как законодательных учреждений, так и судебной практики—практики наших судебных учреждений, а именно декрет от 2 января 23 г. говорит о комиссионерах, ограничивая права частных лиц быть комиссионерами госорганов, декрет от 4 апреля 24 г. говорит об обязательном представлении госорганами сведений Наркомфину о комиссионерах. Затем в финансовом и налоговом законодательстве комиссионное отношение выделяется в особый тип и излагается на особых основаниях, не говоря уже об уставах банков, железных дорог и т. д.

Комиссионные отношения регулируются и ведомственными раз'яснениями, а именно: имеется раз'яснение обще-консультационного отдела Наркомюста от 17 апреля 24 г., и, наконец, новейшее раз'яснение Наркомвнуторга в „Торговых Известиях" № 5 от 11 апреля этого года. На этих раз'яснениях останавливаться не приходится, так как эти раз'яснения устанавливают в общем вполне правильно основные положения договора комиссии, но подразделяют нормы комиссионных отношений в зависимости от того, кто является комиссионером—частное лицо или госорган, и отражают политическое веяние текущего моменте. Это особенно отразилось на раз'яснении Наркомюста от 17 апреля 24 г., которое раз'ясняет, что соглашение, при котором комиссионное вознаграждение должно определяться разницей сверх лимита в отношении частного лица, незаконно, приводя соображения не юридические, а чисто политические, так как такая сделка была бы направлена к явному ущербу для государства и частное лицо—комиссионер—широко использовал бы свое право в ущерб государству. Действительно, поскольку до сих пор нет регулирования частной розничной торговли, такая опасность, конечно, существует, и такое раз'яснение вполне целесообразно с хозяйственной и политической стороны. По вопросу наиболее спорному в комиссионной практике, о праве комиссионера самому приобрести или поставить товары, это раз'яснение держится оригинальной точки зрения и говорит так, что право комиссионера—частного лица выступить в качестве самостоятельного контрагента недопустимо, ибо он это право всегда использует в ущерб государству, и это приведет к усилению позиции частного капитала и т. д. Но вслед за тем устанавливается такое положение, что, наоборот, обязательство ко-

миссионера оставить за собой товар по определенной цене, если цена на товар понижается, вполне законно и допустимо. Таким образом, одно и то же право регулируется двояко, в зависимости от чисто случайного экономического признака, выгодно ли это для комиссионера—частного лица—или нет. Конечно, с строго юридической точки зрения тут никакого принципа привести нельзя, и это совершенно необосновано. Таким образом, мы имеем дело с чисто политической точкой зрения, которая опять-таки, с изменением позиции в отношении к частному капиталу, должна само собой отпасть и носит чисто текущий временный характер.

Раз'яснение Наркомвнуторга, правильно определяющее основные моменты договора комиссии, в дальнейшем касается опять-таки щекотливого вопроса о тех случаях, когда госорган является комиссионером частных лиц, и находит, что такая деятельность комиссионера может резко разойтись с государственными интересами, так как комиссионер должен проводить надлежащую заботливость и соблюдать интересы комитента, но в отношении частного лица такая заботливость может расходиться с директивами общегосударственной политики, а потому в этих случаях надо обозначать в сделке, что сделка совершается для комитента частного лица. Это уже внутреннее противоречие, которое отрицает самую комиссию, так как, действуя от имени другого лица, такой комиссионер будет являться лишь агентом. Затем говорится о том, что надлежит остерегаться давать авансы из ссуды частным предпринимателям.

Кроме этих ведомственных раз'яснений в настоящее время Наркомвнуторгом разработан и представлен на рассмотрение законодательных учреждений проект о договоре торговой комиссии. Этот проект представляет собой почти точное воспроизведение того проекта, который был напечатан в Проекте Торгового Свода, но за небольшими сокращениями и добавлениями. Проект Торгового Свода в свою очередь представлял собою воспроизведение старого дореволюционного закона 12 апреля 1910 года, очень совершенного и использовавшего все данные теории и практики, но только с некоторыми сокращениями опять-таки в ущерб, а не в пользу этого проекта.

Необходимо здесь отметить тот момент, что предполагается регулирование договора кимиссии постановлением ЦИК и СНК СССР. В виду особого экономического значения договора комиссии, т. к. комиссионные отношения рассчитаны на дальние рынки, отношения завязываются между учреждениями и лицами, находящимися на территории различных республик, ясно, что регулирование отношений должно быть проведено в общем масштабе. Если же регулирование будет проводиться путем отдельных сепаратных постановлений, то произойдет коллизия норм, путаница, что не приведет ни к каким положительным результатам. Вот основное положение, которое необходимо отметить и оттенить в этом проекте.

Затем, в проекте Наркомвнуторга обращает на себя внимание ст. 22, говорящая о том, что комиссионеры могут обслуживать предприятия лишь при условии письменного договора, который не должен противоречить типовому договору, предусмотренному ст. 23. Таким образом, договору комиссии сообщается строго формальный характер, строго установленная форма, против чего мы должны возражать со всей энергией. Комиссионные отношения в виду указанного экономического их значения требуют наименьших формальностей для их возникновения. Если вспомните, что комиссионные сделки заключаются по преимуществу между лицами и учреждениями, разделенными громадным расстоянием, и, вообще. между лицами отсутствующими, то требование обязательной формы представляется совершенно излишним. Всякое такое подробное договорное регулирование было необходимо постольку, поскольку не имелось соответствующих законоположений, но сколь скоро эти отношения урегулированы законодательным порядком, необходимость такой детализации комиссионных отношений сама собой отпадает в отдельных случаях. В виду этого торговая практика всех стран всегда считалась с необходимостью такой свободной формы для комиссионных отношений; обычно комиссионный договор заключался посредством предложения и принятия, что совершается путем обмена письмами, телеграммами, телефонограммами с последующим их подтверждением, при чем старая теория и практика смотрели на дело так, что оставление профессиональным комиссионером без ответа сделанного ему предложения считалось за согласие и договор считался заключенным. Конечно, так далеко теперь итти нельзя, но во всяком случае необходимо исключить ст. 22, сводя вопрос к тому положению, которое было в первоначальном Проекте Торгового Свода. Порядок комиссионных отношений должен определяться общим порядком заключения договоров, указанным в ст. 130—136 Гражд. Кодекса: предложение и принятие; 137 ст., устанавливающая обязательность нотариальной формы, не должна иметь применения, что необходимо в интересах развития комиссионных отношений. Представим такой пример: происходит ярмарка где-нибудь в отдаленном пункте; нужно отправить товары; имеется предложение и подтверждение, а тут нужно где-то с'ехаться и пойти в нотариальную контору для оформления договора. Комиссионный договор с такой формальной процедурой не может мириться и против этого нужно категорически протестовать.

В остальном проект довольно удовлетворительный. Я коснусь отдельных пунктов, которые вызывают некоторые недоумения и недоразумения, например, в отношении наиболее спорного вопроса о праве комиссионеров выступать в качестве самостоятельно контрагента, о чем говорится в ст. ст. 10 и 18. Ст. 10 говорит о том, что при поручении продажи и покупки товаров, имеющих рыночные цены, комиссионер может сам их приобре-

сти или поставить по цене, существующей в день отсылки препоручителем извещения об этом, если препоручитель не сделал противных распоряжений, а ст. 18 говорит о том, что когда контрагент не указал лица, с которым заключил сделку, то предполагается, что вступает в сделку он сам. Мы знаем, что в теперешней практике это положение получило самое широкое распространение и применение, что вытекает из структуры наших госорганов, синдикатов, союзных кооперативов и т. д., и против этого возражать не приходится. Если припомнить опасения НКЮ по поводу предоставления такого права комиссионеру частному лицу, то препоручитель всегда может оградить себя от злоупотреблений комиссионера, обусловив в договоре, что комиссионер такого права не имеет, или ограничить это право известным предварительным запросом, уведомлением и т. д. Затем было бы полезно эту ст. 10 проекта дополнить постановлением, которое имелось в старом германском торговом уложении и которое было в проекте гражданского уложения, что комиссионер не может воспользоваться правом выступать в качестве самостоятельного контрагента в случае получения уведомления о прекращении комитентом данного поручения, так как в практике обычно бывало, что когда комиссионер видел, что отношения не налаживались, он пользовался предоставленным ему правом и, когда получал уведомление о прекращении поручения, отвечал, что товар уже продан. И теперь, если даже договор будет заключаться госорганами, это положение нужно оговорить, так как таким образом можно будет гарантировать интересы препоручителя.

В ст. 10 характерно упущен конечный абзац ст. 118 Проекта Торгового Свода. Там было сказано, что в случае, когда комиссионер выступит в качестве самостоятельной стороны, он сохраняет право на вознаграждение. Некоторые теоретики оспаривали это право на том основании, что если отношения поручения нет и сделка превратилась в простую куплю-продажу, то нет основания и платить комиссионное вознаграждение. Это действительно оказывается нецелесообразным и с практической стороны, так как комиссионер, который не проявил особой энергии для того, чтобы выполнить поручение, не должен получать вознаграждения, а потому в ст. 10 проекта добавление о праве комиссионера на вознаграждение исключено совершенно правильно.

Затем обращает на себя внимание ст. 4 этого проекта, что комиссионер, исполнивший поручение с отступлением от данных поручителем указаний, отвечает перед поручителем за возникшие от этого убытки лишь в том случае, если не докажет, что отступление это было вынуждено и произведено в интересах препоручителя. С этой статьей целиком согласиться нельзя. Поскольку комиссионер является тем же поверенным, который должен действовать в интересах своего доверителя-препоручителя,

постольку, естественно, препоручитель обязан принять на себя все последствия заключенных комиссионером сделок, если тот действовал в пределах полномочий и данных ему указаний. Здесь в теории различаются разные случаи а именно: комиссия, бывает императивною, когда указания даны ясно и определенно, и факультативною, когда указания даны не точные, дающие простор известному выбору и усмотрению самого комиссионера. И вот, несомненно, в тех случаях, когда даны указания определенного характера и сделаны от них отступления, заставить препоручителя брать на себя последствия сделок, явно для него невыгодных, совершенно неправильно. Ясно, что если товар закуплен по цене невыгодной, то препоручитель вправе от этого отказаться. Конечно, всегда возможны случаи, когда комитенту придется ограничиться только взысканием убытков, например, продан товар невыгодно, по цене низшей против указанной, препоручителю остается взыскать разницу, но принимать на себя последствия невыгодной сделки во всех случаях препоручитель, конечно, не обязан. В виду этого следовало бы изменить редакцию ст. 4 и изложить ее следующим образом: „В случае исполнения комиссионером поручения с отступлением от данных ему препоручителем указаний, последний вправе не принять на свой счет заключенную сделку, о чем и должен заявить комиссионеру немедленно по получении извещения о заключении сделки; в противном случае сделка признается принятой препоручителем. Если комиссионер примет разницу в цене на свой счет, то препоручитель не вправе отказаться от заключенной за его счет сделки".

Затем, не ясна редакция ст. 12-й, которая получилась из соединения двух статей, имевшихся в законе 1910 года; благодаря тому, что они были, таким образом, исскусственно соединены, получилась определенная неясность, а потому ст. 12 проекта после слов „уплатить цену" и т. д. надлежит изложить следующим образом: „Если присланный для продажи товар не может быть продан по назначенной цене, о чем препоручитель своевременно был уведомлен, а также если препоручитель, отменив данное комиссионеру поручение, не распорядится товаром в кратчайший срок, то комиссионер имеет право за счет препоручителя отдать товар на хранение или поместить иным надежным способом, и для покрытия своих требований к препоручителю и в возмещение всех расходов, понесенных в его интересах, как-то: по перевозке, упаковке, очистке от пошлин, хранение и т. п. продать товар по рыночной или биржевой цене, а при отсутствии таковой—по цене, размер которой он должен доказать".

Затем необходимо также коснуться еще одного момента, совершенно упущенного в проекте, а именно: поскольку комиссионер должен действовать в интересах препоручителя, он должен осведомлять его о положении рынка и вообще держать

его в курсе дел, на то он и комиссионер. И вот, в старом Германском Уложении и в проекте нашего Гражд. Уложения были совершенно правильно введены статьи, которые предусматривали эту обязанность комиссионера осведомлять комитента и его ответственность за сообщение неверных сведений, которые могут послужить основанием для надлежащих распоряжений комитента.

Для того, чтобы дать известную хозяйственную самостоятельность и инициативу препоручителю, надо такой пункт ввести, так как это дает возможность препоручителю ориентироваться в положении дел и давать сознательные, обоснованные распоряжения. При отсутствии же такой информации он должен вполне надеяться на благоусмотрение своего комиссионера и смотреть из его рук.

К более выгодным сторонам последнего проекта Наркомвнуторга надлежит отнести то, что этот проект отступает от установленных в первоначальном проекте требований об обязательной регистрации комиссионных предприятий. Проект Наркомвнуторга вполне правильно отступает от требований особой регистрации, ограничиваясь обязанностью выбора промысловых патентов и ведения торгового счетоводства.

Затем надо указать на слишком краткий срок для оспаривания отчетности комиссионера, который надо продлить до 2 месяцев.

Так как в настоящее время широко практикуется выдача комиссионерам авансов комитентами, даже учиняется сразу чуть ли не полный расчет авансом, то надо распространить то залоговое право, которое принадлежит комиссионеру в отношении его комиссионного вознаграждения и расходов, также и на авансы и на ссуды, которые выдает комиссионер комитенту. В свое время против этого приводилось возражение, что это нарушение банковой монополии. Я считаю, что это возражение основано на чистом недоразумении, так как практика это допускает, банки не протестуют, поэтому, поскольку это есть на практике, нужно это урегулировать и как-то обеспечить интересы комиссионера.

В последнем проекте отсутствует статья о залоговом праве комиссионеров. В Проекте Торгового Свода эта статья была в общих положениях о торговых сделках. И вот следовало бы восстановить эту 103 статью и дополнить ее, распространив право залога также и на авансы и ссуды, тем более, что по новому проекту декрета о синдикатах, в примерном уставе определенно сказано, что в круг обязанностей синдиката входит совершение всякого рода дозволенных законом кредитных и вексельных операций, связанных с выполнением комиссионных поручений. Конечно, раз такое право будет установлено для синдикатов, то это нужно применить и для других комиссионеров, оговорив в общем законе.

В остальном совершенно правильно декрет ограждает интересы комитентов на случай несостоятельности комиссионеров,

как в отношении товаров, так и денежных сумм и указывает определенно, что в массу может поступить только комиссионное вознаграждение.

Переходя к заключению, я должен указать, что необходимо настаивать на урегулировании договоров комиссии в общесоюзном масштабе, а затем, чтобы для заключения договора комиссии не требовалось какой либо предустановленной формы и чтобы договор комиссии возникал на основании общих положений, установленных для возникновения договоров в Гражданском Кодексе.

II.

Доклад П. С. Эйбушитц.

Позвольте мне дополнить доклад Н. А. Крюкова кратким сообщением о том, что уже сделано и что делается в области законодательной регламентации посреднических отношений в торговле.

Основным и, в сущности, единственным, если не считать Положения о коммивояжерах, законодательным актом в этой области является постановление „О мерах и урегулированию торговых операций гос. учреждений и предприятий" от 2/I—23 г. Этим постановлением установлены следующие руководящие положения: госуд. органы вправе пользоваться услугами посредников только по делам с частными лицами; такими посредниками могут быть только зарегистрированные в установленном порядке комиссионные предприятия; наконец, государств. органам разрешается образовывать собственный комиссионный аппарат и иметь коммивояжеров, действующих на основаниях „Положения о коммивояжерах" от того же 2/I—23 г. При этом, однако, оставлен открытым вопрос о конкретном содержании, которое должно быть вложено в термин „собственный комиссионный аппарат". Ведомственные и иные раз'яснения, вызванные разнобойным разрешением на практике этого вопроса, не смогли в него внести необходимой ясности и единого толкования уже по одному тому, что и сами эти раз'яснения часто противоречат друг другу.

Положение о коммивояжерах дает ряд детально разработанных правил; но это положение имеет целью регулирование лишь узкого круга специфических операций продажи по образцам и далеко не охватывает чрезвычайно широкой области посреднических отношений, требующих регламентации, хотя зачастую на практике и делались попытки строить на основаниях этого положения взаимоотношения с посредниками другого характера, наделяемых иными функциями.

Ныне на рассмотрении законодательных инстанций находятся два законопроекта: о торговых агентах и о договоре торговой комиссии.

Первый из этих законопроектов уже ожидает окончательного утверждения и, по всей вероятности, скоро выйдет в свет.

В общих чертах он отвечает проекту Наркомвнуторга в редакции проекта Торгового Свода.

Торговым агентом по проекту признается лицо юридическое или физическое, которое образуется на условиях заключаемого с ним договора оказывать пригласившему его предприятию содействие по заключению соответствующих торговых сделок и исполнять другие торговые поручения. Торговый агент действует от имени и за счет обслуживаемого им предприятия и не в праве исполнять аналогичные торговые поручения или вступать в аналогичные договорные отношения с другими предприятиями без согласия обслуживаемого им предприятия, с которым заключен первоначальный договор.

Принцип вознаграждения торгового агента—тот же, какой принят в Положении о коммивояжерах, т. е. известный процент с суммы, заключенной при его посредстве сделки. Наркомвнуторгу, по соглашению с ВСНХ, предоставляется устанавливать лимиты наибольщего процента вознаграждения агента.

Что касается до второго законопроекта, то этот проект находится еще в стадии обсуждения в Комиссии Зак. Предп. при СНК.

Надо сказать, что некоторые из основных пунктов проекта Наркомвнуторга уже и теперь подверглись значительным изменениям и переработке.

Раньше всего,—самое определение: признано чрезвычайно важным создать определение, которое бы позволяло без затруднений отличать договор комиссии от всяких иных аналогичных или близких по содержанию договоров, а, с другой стороны, охватывало бы всю область применения договора комиссии. Пока остановились на определении, примерно, в такой редакции: „по договору комиссии одно лицо физическое, или юридическое (комиссионер) обязуется по поручению другого лица (комитента) совершить за вознаграждение одну или несколько сделок от своего имени, но за счет комитента.

Предметом договора комиссии могут быть всякие, не запрещенные законом, сделки, в том числе покупка и продажа товаров, ценных бумаг и иных из'ятых из оборота вещей, отправка и страхование товаров и грузов, получение и производство платежей".

Вы видите, что проект, таким образом, предусматривает сделки не только узко торговые, по покупке и продаже, но и экспедиционные, банковские и др.

Важный вопрос о форме договора торговой комиссии также подвергся чрезвычайно детальному обсуждению. Здесь пока остановились вот на чем: договор комиссии должен быть заключен в письменной форме, но несоблюдение письменной формы лишает стороны лишь права в случае спора ссылаться в под-

тверждение договора на свидетельские показания, не лишая их, однако, права приводить письменные доказательства. Таким образом, здесь нашел себе применение общий принцип статьи 136 Гражд. Кодекса.

Мне кажется, что этим путем в значительной мере ослабляются те справедливые опасения по этому вопросу, какие были высказаны в докладе Н. А. Крюковым.

Далее, повидимому, принята статья, согласно которой комиссионер обязуется исполнить принятое на себя поручение на условиях наиболее выгодных для комитента, не нарушая, однако, прямых указаний комитента. При этом, к обязанностям комиссионера относятся: выполнение по отношению к третьему лицу за счет комитента условий сделок; требование и принятие от третьяго лица выполнения сделок; немедленное извещение комитента как о заключении, так и об исполнении сделок с третьим лицом, наконец, поскольку иное не установлено в договоре, неизменное, по окончании сделки с третьим лицом, представление комитенту отчета.

Вот то, что принято до настоящего момента.

Работа в КЗП ведется при ближайшем активном участии представителей ведомств; поэтому было бы чрезвычайно желательно, чтобы хотя бы по главнейшим положениям вопроса о торговой комиссии была выявлена точка зрения совещания юрисконсультов ВСНХ.

Прения.

И. Н. Трепицын.—Я присоединяюсь целиком к тому положению докладчика, что договор комиссии должен регулироваться общесоюзным законом по тем экономическим соображениям, которые лежат в основе договоров комиссии. Комитент и комиссионер сплошь и рядом находятся в разных местностях, тут уже возникает необходимость именно в общезоюзном, едином, одинаковом законе, чтобы одна сторона не оказалась под действием одного закона, а другая сторона одной и той же сделки не оказалась бы под действием другого закона.

Также присоединяюсь полностью к положению докладчика об освобождении договора комиссии от нотариальных формальностей. Это—договор по большей части между отсутствующими, и вопрос о нотариальных формальностях, о применении 137 ст. Гражд. Код. для таких договоров в настоящее время составляет не малые затруднения. Этого следовало бы избежать, и потому та редакция, которая была здесь об'явлена, заслуживает всяческого приветствия.

Что касается деталей, то я позволю себе возбудить сомнение по поводу вопросов в том их виде, как они изложены в предложении докладчика. Возьмем значение молчания. Когда предложение заключить договор комиссии обращено к профессионалу,

то его молчание в течение определенного срока, необходимого для дачи делового ответа, я бы считал согласием. Деловой оборот, коммерческий оборот требует быстроты, ясности и определенности. Здесь промедление—смерти подобно. Если комиссионер профессионал, то его молчание в течение определенного срока нужно считать за согласие.

Позвольте обратить внимание еще на один вопрос. Возьмем случай, когда комиссионер не находит 3-го лица, не находит контрагента для сбыта товара комитента, но говорит, что сам он может приобрести этот товар. Тогда, по докладу, он не получает комиссионных. Это положение вызывает сомнение. С точки зрения идеальной справедливости, конечно, это так. Если ты уже не комиссионер, а контрагент, то какое же тебе комиссионное вознаграждение? Это было бы несправедливо и, может быть, неэтично. Но ведь здесь — коммерческий оборот, торговый интерес, имущественный интерес, и я полагал бы, что нет основания лишать комиссионера вознаграждения. Ведь цена назначена, комитент на нее идет, следовательно, он должен выплатить комиссионный процент. Комитенту важны экономические результаты: по таким то ценам он продает свой товар, свою продукцию; поскольку он получит эти деньги, он удовлетворен, а берет комиссионер риск на себя, или же продает 3-им лицам, комитенту это все равно, его интересы тут не затрагиваются и не нарушаются.

О. Д. Шапиро.—Предыдущий оратор основывался на такой презумпции, что молчание равняется согласию. Но для того, чтобы сказать, что молчание есть согласие, надо установить предварительное условие, что ответ обязателен. Если между комитентом и тем лицом, к которому комитент обращается, существуют правовые отношения, в силу которых это лицо обязано отвечать и не отвечает, тогда вы можете сказать—молчание есть знак согласия. Но если таких отношений не установлено, то, хотя бы это лицо было профессионалом, нельзя сказать, что молчание есть знак согласия. Молчание может быть приравнено к согласию только в тех строгих пределах, в которых это устанавливают теория и практика общих правовых норм, но ни в коем случае нельзя устанавливать какие-то специфические нормы для комиссионных сделок. Я считаю, что это положение было бы одиозным, если бы оно было зафиксировано.

И. Е. Колдобский.—Наши докладчики сделали нам сообщение информационного характера о характере тех проектов, которые имеют быть скоро претворены в жизнь, и мы в сегодняшнем нашем решении должны только подчеркнуть, что мы особенно остро чувствуем отсутствие в нашем гражданском законодательстве указаний на комиссионный договор, и должны отметить, что товарооборот от этого страдает. Целый ряд предприятий, как Моссельпром, разные табачные тресты и др. устроили свои противоречащие закону комиссионные аппараты с явным нару-

шением гражданского кодекса и кодекса законов о труде. Это терпимо только потому, что в правосознании тех лиц, которые облекают в правовую форму эти взаимоотношения, имеется представление о комиссионном договоре. Если бы мы подошли к этому вопросу исключительно с точки зрения современного законодательства, конечно, мы никак не могли бы подвести правовой фундамент под те взаимоотношения, которые возникают в разносной торговле, в том виде как она существует теперь. Все эти разносчики и продавцы не являются служащими, и за них не платится соцстрах; в то же время они не являются и комиссионерами, потому что требования регистрации комиссионных сделок, которые существуют по декрету 23 года, здесь тоже не соблюдены.

Затем мне хочется отметить одно пожелание — это то, чтобы в декрете были бы оговорены случаи заключения комиссионного договора между отсутствующими контрагентами без требования нотариальной формы, потому что та 137 статья Гр. Код., которая нас связывает по ногам и рукам в условиях нормальных гражданских сделок, в комиссионных сделках будет являться непреодолимым препятствием.

И еще один момент. Я полагаю, что когда комиссионер стоит перед дилеммой—или возвратить товар обратно комитенту, потому что он не находит сбыта, или оставить его себе на праве собственности, то комиссионер имеет право его оставить по той цене, по которой комитент продал бы его постороннему лицу, потому что комитенту в сущности безразлична та калькуляция, которая имеется у комиссионера в его сделке. Поэтому то ограничение, которое вводит проект декрета, я бы полагал, должно быт исключено.

Н. А. Крюков.—По поводу указания проф. Трепицына в отношении молчания — я сам был всегда сторонником того, что раз предложение, сделанное комиссионеру, оставляется без ответа,— значит, он на него согласен. Но в настоящее время возникает вопрос о том, как согласовать это положение со специальной статьей о регулирующих моментах возникновения договора в Гражданском Кодексе—ст. 131, 132. В проекте Торгового Свода была предусмотрена регистрация торговых агентов, и тогда был ясный признак для отличения профессионального комиссионера. Теперь же в новом проекте, переработанном Наркомвнуторгом, обязательной регистрации уже не требуется, а потому тут уже признак профессионального комиссионера не ставится так ясно. Затем, что касается лишения права на вознаграждение в случае поставки товаров самим комиссионером, в случае его самостоятельного выступления, то тут вполне правильно то, что огласил т. Эйбушитц и что я указывал, а именно, что это право, насколько известно из прежней судебной практики, всегда служило источником больших злоупотреблений комиссионера, как лица, более близко стоящего к рынку, как лица, более осведомленного, чем комитент, и извлекающего выгоду

и оставляющего за собой товары, когда ему это выгодно. Если он сам оставляет товар за собой, или сам поставляет, то обыкновенно в этом для него выгода ясна и всегда, большей частью, это делается в ущерб комитенту. Поэтому я считаю положение совершенно правильным.

Теперь, что касается разных форм авансов векселями, то это широко практикуется. Конечно, могут быть такие случаи, когда налицо явная симуляция, но мы, как юрисконсульты, должны, главным образом, исходит из того, с кем вступать в комиссионные отношения, скажем, с синдикатом, с каким-нибудь союзным об'единением, которые по своему уставу уполномочены на комиссионные операции.

Раз имеется уставная правоспособность, то тут сомнения отпадают. Форма аванса, размер, его учет—все это детали, зависящие от того или другого случая; я не нахожу, что благодаря им можно менять принципиальную точку зрения. Конечно, известная осторожность нужна.

Резолюция:

1. Вопрос об издании закона о комиссиях является необходимым и срочным. Издание этого закона желательно в общесоюзном масштабе.

2. В виду того, что договоры комиссий заключаются между отсутствующими лицами, желательно применение домашней, а не нотариальной формы.

3. При существующих условиях представляется невозможным считать молчание комиссионера на предложения — за доказательство согласия, обязующее комиссионера выполнять поручение.

4. За комиссионером должно сохраняться право на комиссионное вознаграждение и в том случае, если он оставляет за собой товар по определенной цене.

Приложение.
Ориентировочный план.

ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОДЕКС Союза Советских Социалистических Республик.

Основные Положения о промышленности.

Виды промышленности:
а) государственная,
б) кооперативная,
в) частная.

Регулирование промышленности.

Органы регулирования:
Совет Труда и Обороны и его Комиссии.
Комитет государственных заказов.
Экономические Совещания Союзных Республик.
Высший Совет Народного Хозяйства СССР.
Высшие Советы Народного Хозяйства Союзных Республик.
Государственная Плановая Комиссия.
Губпланы.
Промпланы ВСНХ.

Управление промышленностью.

Органы управления:
Высший Совет Народного Хозяйства Союза ССР.
Высшие Советы Народного Хозяйства Союзных Республик.
Высшие Советы Народного Хозяйства и Областные Промбюро.
Губернские Советы Народного Хозяйства.
Отделы Местного Хозяйства и др. заменяющие ГСНХ органы.

Государственная промышленность.

А. а) Общесоюзная.
б) Отдельных Союзных Республик.
в) Местная.

Порядок передачи предприятий из одного бюджета в другой.

Б. Предприятия, состоящие на государственном бюджете.

Предприятия, состоящие на коммерческом расчете.

Основные начала „самоокупаемости" и „коммерческого расчета".

Совместное применение начал госбюджета и хозрасчета (Гидроторф, Высшее Геодезическое Управление, НТО, ЦУП).

В. Неотчуждаемость национализированных предприятий и оборудований. Неотчуждаемость вновь созидаемых государственной властью предприятий и оборудования.

Изъятия из общего порядка.

Г. Оформление юридических лиц (персонификация) для управления промышленными предприятиями государства.

Органы, полномочные выделять имущества для хозяйствования на коммерческом расчете (на хозразчете).

Виды предприятий, действующих на коммерческом расчете.

Д. Тресты:
Общесоюзного и республиканского значения.
Местного значения.
Автономные предприятия (одиночные заведения на трестовом праве).

Е. Конвенции и синдикаты.

Ж. Промышленные паевые товарищества.

З. Участие государственной промышленности в смешанных акционерных обществах.

И. Финансирование государственной промышленности:
а) в бюджетном порядке,
б) кредитное.

К. Снабжение сырьевое и материальное в государственном масштабе.

Л. Принудительное управление государственными предприятиями по требованию кредиторов.

М. Преобразование и ликвидация предприятий.

Н. Публичная отчетность.

Отдельные отрасли государственной промышленности.

А. Электрификация.
а) Основной план электрификации;
б) сооружение станций товариществами по электроснабжению и кооперативными,
в) развитие применения электрической энергии.

Б. Горный промысел.
а) Недра земли и разработка их,
б) золото,
в) платина,
г) монополия на радий, гелий и изумруды,
д) ограничения обращения благородных металлов.
е) цветные металлы,
ж) железоделательная промышленность,
з) горный надзор,
и) горно-спасательное дело.
В. Топливная промышленность.
а) Каменноугольная,
б) нефтяная,
в) поставки топлива в плановом порядке.
Г. Машиностроение и судостроение.
Д. Текстильная промышленность.
Главный Хлопковый Комитет.
Е. Строительная промышленность.
Урочное положение.
(Далее помещаются узаконения по тем отраслям промышленности, нормирование которых имеет общесоюзное значение, например: военная промышленность, спиртовая и т. д.).
Ж. Промышленный транспорт.

Промысловая кооперация.

Кустарная и ремесленная промышленность.

Частная промышленность.

а) Мелкая и средняя,
б) на концессионном праве.

Передача государственных имуществ в пользование частных лиц:

а) на концессионном праве,
б) на арендном праве.

Патенты на изобретения.

Промышленные образцы (рисунки и модели).

Товарные знаки.

Метрическая система измерений.

Участники Совещания Юрисконсультов, упоминаемые в настоящем издании, с указанием места их работы.

Ломов Г. И.	—	Член Президиума ВСНХ СССР.
Шнееров А. А.	—	Юриск. ВСНХ СССР, Завед. Правов. Отд.
Арефьев Н. А.	—	Сов. С'ездов Пром. Торг. и Тр. УССР.
Барский С. И.	—	Центральн. Лесоэкспортн. Бюро.
Бахчисарайцев Х. Э.	—	Гл. Упр. Воен. Пр. (трест).
Бегак А. И.	—	Арбитражн. Ком. ВСНХ СССР.
Белостоцкий В. Л.	—	Правов. О. ВСНХ РСФСР.
Венецианов М. С.	—	Правов. О. ГЭУ ВСНХ СССР.
иноградов Л. А.	—	» » » »
Вильнянский С. И.	—	Сов. С'ездов Пром., Торг. и Тр. УССР.
Герц К. А.	—	Урал. Обл. СНХ (Свердловск).
Гурари Г. Н.	—	Сев. Кав. Крайисполком (Ростов н/Д).
Долматовский А. М.	—	Акц. Общ. Транспорт, През. Кол. Защ.
Драбкин С. Л.	—	Юриск. ВСНХ УССР, Зав. Правов. Отд.
Ельевич М. И.	—	Ленинградск. Машинострой.
Зеленский К. М.	—	Химуголь (Харьков).
Земмеринг А. Г.	—	Уралплатина.
Иваницкий Д. И.	—	Нар. К. Внутр. Торг. СССР.
Колдобский И. К.	—	Моссукно.
Крупнов С. Г.	—	Правов. Отд. ГЭУ.
Крюков Н. А.	—	Серпухов. хл.-бум. трест.
Лебедев П. А.	—	Председ. Арбитр. Ком. СТО.
Ливенсон Я. В.	—	Юрис. ВСНХ РСФСР, Зав. Правов. Отд.
Петров К. Р.	—	Южно-Урал. горнозав. трест.
Поволоцкий Л. И.	—	Резинотрест (Ленингр. Треугольник).
Розенблюм Д. С.	—	Резинотрест (Москва).
Слодкевич И. А.	—	Отд. Кустар. Пр. ВСНХ РСФСР.
Сухаревский М. Л.	—	Ц. Упр. Гос. Пр. ВСНХ СССР.
Теплицкий Я. Н.	—	Арб. Ком. СТО.
Трахтенберг Я. Е.	—	Акц. Общ. Госмедторгпром.
Трепицын И. Н.	—	Северолес (Ленинград).
Филатьев Г. В.	—	Волга-Ока-Лес.
Фишелевич О. О.	—	Вс. Кожевен. синдикат.
Шапиро О. Д.	—	Сахаротрест (Харьков).
Шахназаров А. М.	—	Сев.-Зап. Промбюро (Ленингр.).
Шейдлин Б. В.	—	С.-З. Военпром.
Шкляр Н. Г.	—	Вс. Текстильн. Синдикат.
Шретер В. Н.	—	Иностр. От. ВСНХ СССР.
Эйбушитц П. С.	—	Отд. Торгов. Полит. ВСНХ СССР.

Цена 1 р. 50 к.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ И ПЕЧАТИ ВСНХ СССР.

МОСКВА, Лубянский пр., 3. Тел. 4-66-14, 5-35-86 и 4-49-25.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

НОВЫЕ КНИГИ.

	ЦЕНА.
1. Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКИЙ—Промышленность СССР, ее достижения и задачи	1 р. 25 к.
2. Перспективы промышленности на 1925—26 г.	1 „ 50 „
3. Промышленность на переломе. Сборник статей, под редакцией Ю. И. КАПЛИНСКОГО, И. А. КРАВАЛЯ и Л. М. САБСОВИЧА	3 „ 50 „
4. Местная государственная промышленность РСФСР на 1923—1924 г. и первое полугодие 1924/25 г.	2 „ 25 „
5. Спутник Красного Директора. Полный Справочник по всем вопросам практики красных директоров. Цена в переплете	4 „ 75 „
6. Л. В. ЗАБЕЛИН, М. Н. ЛЕВИН и Я. Р. ЭМДИН—Регулирование вопросов труда в промышленности	5 „ — „
7. Себестоимость и политика цен в текстильной промышленности. Сборник статей и материалов, под редакцией А. А. СОКОЛОВСКОГО	2 „ — „
8. Кустарная промышленность СССР. Под редакцией С. П. СЕРЕДЫ, с предисловием Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО	1 „ 25 „
9. В. К. НОВИКОВ. Торфяная Промышленность в России	— „ 90 „
10. Законодательство о промышленности (сборник декретов, постановлений, приказов и инструкций) составил юрисконсульт ВСНХ СССР А. А. ШНЕЕРОВ. Цена в переплете	8 „ 50 „
11. Приказ по Высшему Совету Народного Хозяйства СССР от 11/IX № 1221 с приложением: а) основных положений по учету производства, б) схемы распланирования счетов текущего учета	— „ 25 „
12. Приказ по ВСНХ от 1 октября 1925 г., № 3, дополнения и коррективы к номенклатуре счетов заключительного баланса и к списку приложений, установленных приказом по ВСНХ СССР от 13/X-24 г. № 40	— „ 20 „
13. Приказ по ВСНХ РСФСР от 6/X—1925 г., № 13 по линии местной промышленности. Схема групповых статей заключительного баланса на 30-е сентября 1925 г. и перечень приложений к нему	— 20 „
14. Материалы совещания бухгалтеров общесоюзных трестов и синдикатов (27—31 июля 1925 г.).	1 „ 25 „

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

МОСКВА, Мясницкая, 6. Тел. 2-37-69. ЛЕНИНГРАД, пр. Нахимсона, 18. Тел. 1-62-20. ХАРЬКОВ, Купеческий спуск, здание пассажа, № 181. Н.-НИКОЛАЕВСК, Красный пр., дом Госучреждений. РОСТОВ н/Д., Средн. пр., 29, кв. 19.

РОЗНИЧНЫЙ МАГАЗИН:

МОСКВА, Мясницкая, 6. Тел. 2-37-69, Кузнецкий мост, 13. Тел. 3-75-69.